

АНТИЧНЫЕ
И
СКИФО-САРМАТСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Античная Горгиппия в последние годы

Институт археологии РАН исследовал Горгиппию не менее 50 лет. Первые разведывательные, а затем и спасательные работы на месте строительства в Анапе осуществлены В. Д. Блаватским еще в 1949–1954 гг.

В 1960 г. начала работу стационарная экспедиция Института под руководством И. Т. Кругликовой, которая взяла под наблюдение многие места строительства в Анапе, доказав наличие крупного объекта археологии под кварталами современного города. За десятилетие экспедиция определила стратиграфию памятника, наметила его границы, ввела в научный оборот полученные материалы, подтвердила локализацию Горгиппии и заложила основу созданному позже археологическому заповеднику.

Наибольший размах археологические работы на памятнике получили в 1970–80-е гг., когда началась реконструкция приморской части курорта. Институт заключал договоры с застройщиками и исследовал широкие площади античного города и его некрополя. Удалось также исследовать ряд объектов и на территории хоры Горгиппии. Обобщение результатов этих комплексных работ и предшествующих исследований позволило воссоздать восьмиве-

ковую историю развития одного из крупных центров античной цивилизации на территории нашей страны (Алексеева, 1997). Результаты многолетних работ на памятнике опубликованы и в ряде зарубежных изданий. Библиография по Горгиппии насчитывает около 150 наименований.

Перестройка хозяйственной и административной деятельности в стране пагубно отразилась и на судьбе самой Горгиппии, и на отработавшейся десятилетиями системе ее исследования. В 1990-е гг. объем археологических работ на памятнике резко сократился, что не следует объяснять нехваткой финансирования, так как памятник массово застраивается объектами, рассчитанными на прибыль от курортного бизнеса. При соответствующей организации подобающее содержание памятника вместе с его исследованием должно быть целиком самокупаемым. Тем не менее, в 1990–2001 гг. Институту с трудом удавалось продолжать исследования.

В 1991–1994 гг. осуществлялись раскопки на территории создававшегося в Анапе археологического заповедника. Они финансировались по линии Министерства культуры РФ и имели целью завершение раскопок участка, выделенного для

создания экспозиции под открытым небом. Здесь, в одном из кварталов курортной набережной, на площади около 10 000 м² рядом со зданием археологического музея экспонируются две вытянутые вдоль моря улицы древней Горгиппии с примыкающими к ним остатками домов IV–III в. н. э. Проект реконструкции для осуществления реставрации раскопанных участков данной территории в свое время был разработан в Институте археологии с учетом наглядности показа нескольких строительных периодов. Вновь вскрываемые участки дополнительно вводились в проект.

В 1991–1994 гг. работы велись на площади около 1000 м² в юго-восточном углу заповедника, что соответствует северо-восточному углу античного городища. Здесь веками параллельно морю тянулась улица шириной 8–9 м, за что в научной документации получила условное название Широкой. Безусловно, это была одна из главных артерий древнего города, превращавшаяся за его пределами в основную торговую дорогу. К улице с двух сторон примыкали усадьбы — крупные дома со множеством подвалов и внутренним хозяйственным двором. Содержимое подвалов позволяет локализовать в данной части города его торговую

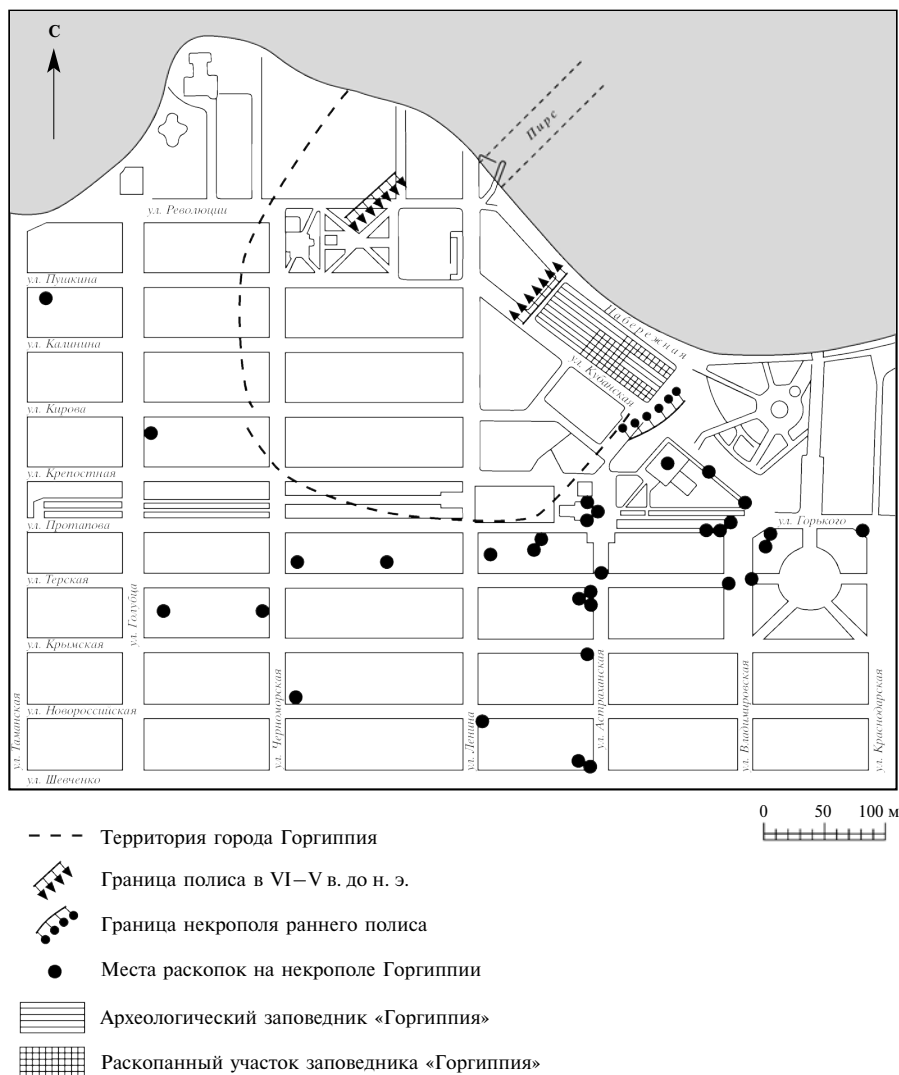

Рис. 1. Расположение археологических памятников в центральной части г. Анапа.

часть (дома, как мы полагаем, имели торговые лавки).

В указанные годы раскапывался восточный край Широкой улицы, вплоть до восточного предела заповедника вдоль анапской ул. Крепостная. Здесь вдоль древней улицы локализованы части усадеб с индексами 24, 27 и 30. Они относятся к четвертому строительному периоду Горгиппии, датируемому концом I в. н. э., II в. и I пол. III в., вплоть до 240 г., когда во всеобщем пожаре сгорел весь город. Это был период наивысшего расцвета города, отмеченного широко развернувшимся строительством общественных зданий и частных домов, благоустрой-

ством улиц, реконструкцией городских укреплений, подъемом экономики, развитием ремесел, расширением торговли и денежного обращения. Частные дома горожан этого времени занимали участки 400, 800 и более кв. м. Именно такими были дома 24, 27 и 30. Их не удалось исследовать полностью, так как усадьбы продолжаются в борта раскопа под ул. Кубанскую за пределы заповедной территории и под проезжую дорогу на территории самого заповедника.

Раскопки данного участка выявили остатки ряда объектов предыдущих строительных периодов, в частности, следы оборонительных

сооружений эллинистической эпохи, ранние слои мощения Широкой улицы и даже погребения V в. до н. э., когда данная территория была занята некрополем раннего полиса.

Выявлено также основание фундамента цитадели с мощными (шириной около 3 м) стенами и контрфорсом на одном из углов, перекрывшей погибшие в пожаре 240 г. подвалы дома 30. Возможно, ее возвели вскоре после всеобщего разрушения, однако время возобновления жизни в городе выяснить не удалось. Основание цитадели совпадает с современной дневной поверхностью, соответствующий культурный слой уничтожен. Нет также и данных для отнесения обнаруженных остатков фортификаций к периоду русско-турецких войн. Установлено только, что как во все строительные периоды античной эпохи, так и в период турецкой Анапы, у восточной границы археологического заповедника вдоль ул. Крепостной проходила линия укреплений.

Исследованные в названные годы части горгиппийских домов, погибших в 240 г., примечательны по ряду причин. Все они существовали не менее полутора веков, многократно перестраивались и ремонтировались. Внезапный пожар сохранил в подвалах двухметровой глубины всю рухнувшую в них утварь. В одном из домов (вплотную к ул. Крепостной), у южного края ул. Широкой функционировала большая винодельня с тремя давяльными площадками и двумя цистернами, способными принять одновременно 6 т виноградного сула. Винодельня имела еще и четвертую площадку вплотную к мостовой — сортировочную. В соседнем, более западном, ранее раскопанном доме также функционировала большая винодельня с тремя цистернами общей мощностью 9 т.

В подвалах дома 30 у северного края Широкой ул. найдено огромное количество осколков стеклянной посуды. Бой принадлежит самым разным сосудам (блюдам, мискам, кувшинам, бальзамариям, из стек-

Рис. 2. Анапа. Вид на археологический заповедник «Горгиппия».

ла разных оттенков, разной прозрачности, с патиной разного характера, с орнаментами и без — по весу 8 кг), привезенным в город из разных частей античного мира, как с Запада (Италия, Галлия, Германия), так и с Востока (Сирия, Египет). Бой собирался со всего города, как мы полагаем, для нужд собственного стеклоделия и вторичной переплавки. Обломки многих сосудов являются датирующими для данного комплекса. В целом они подтверждают хронологические рамки его бытования, устанавливаемые на основании анализа амфорного и прочего керамического материала, монет, а также аналогий с другими комплексами IV строительного периода Горгиянии. Стекланный бой из дома 30 мог использоваться в самом доме и равно быть товаром в лавке хозяина.

Напротив дома 30, в доме 27 у южного края Широкой ул. в одном из наземных помещений обнаруже-

на небольшая печь (0,95 × 0,3 м). Плоские камни, выстилающие дно печи, плотно пригнаны друг к другу. Каменные стенки печи сохранились в высоту на 0,3 м. Они обмазаны глиной и прокалены до черноты и зеленовато-белесого оттенка. С запада печь была открыта. Здесь на полу перед печью обнаружены пятна прокаленной оранжевой глины, белая цемянкообразная и плотная мелкообразная масса, голубые прослойки золы.

Печь заполнял рыже-черный горелый слой с несколькими оплавленными стенками стекланных сосудов и двумя стекланными капельками. На дне печи найдены мелкие куски зеленоватого шлака с гладкой и пузырчатой поверхностью, шлаки с прослойками зеленоватого стекла, куски обмазки печи розовато-белого цвета.

Вокруг печи в рыжем саманном пятне на полу обнаружены многочисленные куски стеклнного шла-

ка, оплавленные кусочки стекла, стеклнная капелька, два характерных плоских кружочка с околотыми краями из стенок стеклнных сосудов (мы полагаем, они использовались для разметки шлифованных орнаментов), несколько фрагментов оплавленных стеклнных бус и несколько десятков околотых со всех сторон кусочков прозрачного зеленоватого стекла. Последние, видимо, сбиты с хальмоза после первичной варки стеклнной массы. Затем эти кусочки должны были пройти вторичную стадию варки и превратиться в однородное жидкое стекло.

Найденное стекло, да и печь, мы интерпретируем как остатки местного стеклоделия. В этом предположении нас укрепляет и само место находки на плане древнего города — на его краю, вблизи оборонительных стен. В практике античного мира было принято располагать пожароопасные производства на окраинах поселений и даже за городской чер-

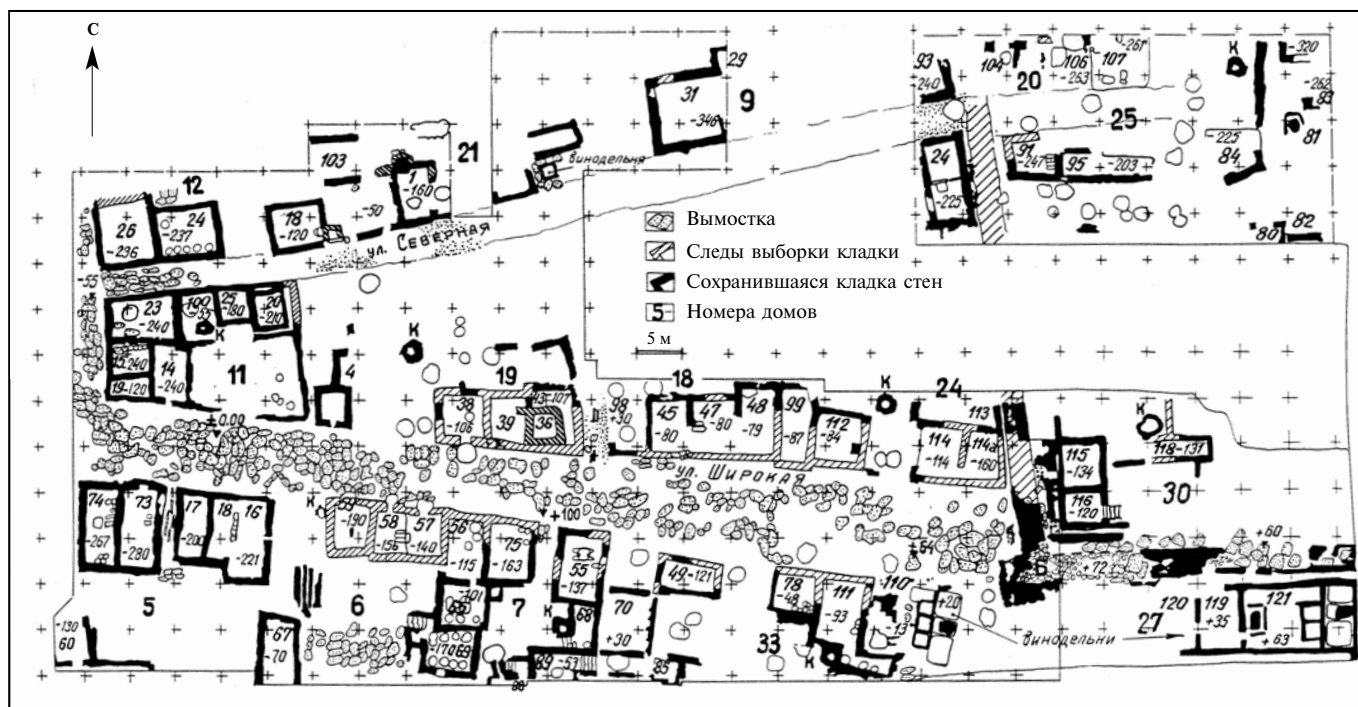

Рис. 3. Анапа. Музей-заповедник «Горгиппия». Объекты I в. до н. э. – III в. н. э.

той, что, в первую очередь, касается гончарного дела и металлообработки. Стеклоделие в ряде центров Востока и Запада также зафиксировано на окраинах городов (в Иерусалиме, Паннонии, Августе-Кайзеравгусте, Томах, Истрии, Танаисе).

В подвалах дома 24, соседнего с домом 30, найдено скопление крупных кусков, принадлежащих нескольким десяткам однотипных широких мисок разного размера из прозрачного пузырчатого голубоватого стекла. Сосуды выдуты в формах, имеют толстые стенки (до 0,5 см), края их загнуты внутрь в виде широкой ленты, на круглых доньях сохранились следы понтии большого диаметра. В других местах Горгиппии осколков подобных мисок не встречено, не известны они мне и в других позднеантичных центрах. Их можно отнести к группе мортариев — довольно редкому типу крупных мисок или небольших тазов, использовавшихся, например, для приготовления творога. Однотипность следов от понтий и самих сосудов, а также характер стекла со всей очевидно-

стью выявляют продукцию одной мастерской. Учитывая непосредственное соседство с домами 27 и 30, можно предположить, что данные миски были изготовлены поблизости. В лавке над подвалом, где они обнаружены, примыкавшем к улице, они могли быть выставлены на продажу.

Описанные находки, скорее всего, подтверждают вероятность возникновения в крупном городе с развитой торговлей и различными ремеслами, каким являлась Горгиппия, очага собственного стеклоделия. Это редкая находка для всего северо-причерноморского региона.

Для исследованного в 1991–94 гг. участка заповедника, как и для всех предыдущих, разработан проект реставрации. Реставрационные работы произведены при авторском надзоре. В соответствии с проектом на восточном краю заповедника экспонируются: Широкая улица, примыкающие к ней подвалы домов 24, 27 и 30, две большие винодельни и цитадель, — все объекты первых веков н. э. В основную картину жизни позднего города вкраплены штри-

хи предыдущих эпох — погребение раннего некрополя, вымостки ранних улиц. Проект заповедника разработан по заданию Министерства культуры РФ, реставрация с предложенными элементами реконструкции выполнена Реставрационным управлением Краснодарского края (химия под руководством С. В. Фатеровой).

Винодельни реставрировались позже, в 2001 г. при финансировании Министерства культуры РФ. Простоявшие в ожидании реставрации 10 лет они почти утратили цементные обмазки цистерн и давящих площадок. Дополнительные расчистки в процессе реставрации выявили сложную комбинацию слоев древних обмазок, различные системы насечек для лучшего сцепления нанесенных слоев, специальные приемы для укрепления основания давящих площадок.

Горгиппия имеет статус памятника федеральной категории. Сама Анапа во многом благодаря высокому статусу Горгиппии постановлением Коллегии МК РФ (№ 12, 19.02.1990) наравне с четырьмя горо-

Рис. 4. Анапа. Музей-заповедник «Горгиппия». Широкая улица, вид с запада.

дами Краснодарского края (Краснодаром, Сочи, Ейском и Армавиrom) объявлена «Историческим населенным местом РФ». В то же время памятник Горгиппия до сих пор не имеет утвержденных охранных зон, чем умело пользуются все застраивающие курорт организации. Первый этап на пути преодоления этой досадной ситуации осуществлен Институтом. В конце 1990-х гг. по заданию Министерства культуры мной разработан паспорт на памятник-комплекс Горгиппию (паспорта на комплекс в целом, на античный город и на некрополь). Он содержит историческую справку, историю исследования, библиографию (135 названий), список объектов, формирующих среду памятника. Этот последний документ является разработанной в Институте археологической картой Анапы с нанесением на план

города 130 мест наблюдений и археологических исследований по состоянию на 1997 г. с планами, библиографией и описанием найденного.

Помимо исследований на городище Горгиппия и различных работ по специальным заданиям, связанных с охраной памятника (разработка проекта реставрации, паспорта на памятник, предложений по выделению охранных зон и режимов их содержания) велись исследования на некрополе Горгиппии. Они носили охранный характер.

С перерывом в 1991–92, а затем в 1997 гг. исследовался строительный котлован для многоквартирного жилого дома на северной стороне ул. Терской, восточнее перекрестка с ул. Астраханской. Раскопана площадь 1050 м², исследовано 67 погребений античной эпохи. Подобно другим участкам горгиппийского некрополя

древний культурный слой на данной территории зафиксирован с глубины 0,6–1 м от асфальтового покрытия ул. Терской. Дно почти всех погребальных сооружений впущено в материковый грунт (предскальную глину-белоглазку или рыхлые скальные породы, чередующиеся с глинистыми пластами) на разные глубины от 1 до 4 м от поверхности асфальта. Поврежденность древнего слоя современными перекопами умеренная.

В западной части котлована раскопан круглый в плане колодец с монументальным каменным венцом, в кладке которого использованы части надгробий античного некрополя. Колодец, по-видимому, функционировал в турецкое время.

В южной части котлована раскопана впущенная в материк канава шириной около 1 м (в пределах котлована прослежена в длину на 15 м)

Рис. 5. Некрополь Горгиии. Маска юного Диониса из детского погребения 1 в. н. э.

и донные части пяти округлых ям. Канава содержала незначительное число амфорных осколков IV–III вв. до н. э., в ямах найдены невыразительные фрагменты керамики античной эпохи, в том числе и III в. н. э. Эти находки свидетельствуют о запустении некрополя на данной территории, возможно после всеобщего пожара 240 г. и использовании участка после пожара по иному назначению. Материала ни нового времени, ни турецкого внутри этих невыразительных объектов не найдено.

Все исследованные погребальные сооружения представляли собой могильные ямы овальной или подпрямоугольной формы, вытянутые по различным направлениям, некоторые имели заклады из небольшого количества камней средней величи-

ны и крупных кусков черепиц. Полностью черепичное перекрытие устроено над могилой ребенка эпохи эллинизма. Среди раскопанных выделяется монументальная скальная гробница с заплечиками. Дно квадратного входного колодца (2,45 × 2,45 м) на глубине 2,2 м перекрывали мощные бревна, на них лежали две огромные каменные плиты. Заклад закрывал прямоугольную могильную яму, целиком вырубленную в скале до глубины 4 м. На дне ямы в четырех углах устроены углубления для ножек саркофага. Погребение, как и большинство ранее известных подобных сооружений, характерных для первых веков н. э., ограблено в древности. Обнаружена еще одна могила с массивной закладной плитой поверх бревен, но и она разру-

шена в древности. Заплечики отмечены во многих и менее монументальных гробницах. Большой частью, на них сохранялись куски больших бревен. В случаях, когда отмечено удовлетворительное состояние костных остатков, преобладала ориентация покойника головой на северо-восток, восток и юго-восток. В то же время отмечены погребения с северо-западной, южной (одно) и юго-западной (одно) ориентацией. Расчищено конское захоронение; однако осталось невыясненным, с каким именно погребением оно связано.

Инвентарь исследованных погребений датируется IV в. до н. э. – III в. н. э. Он состоит из керамических и стеклянных сосудов, различных украшений. Найдены также светильники, железные ключи, части кон-

*Рис. 6. Некрополь Горгияпии. 1. Золотой медальон из погребения 1 в. н. э.
2. Золотой медальон с изображением Афродиты – Артемиды из детского погребения 1 в. н. э.*

ской сбри, веретена, монеты, набор игральных костей.

Наиболее богатым оказался погребальный инвентарь двух погребений. В одном из них найдены золотой перстень с геммой на аметисте (голова Аполлона в профиль с луком за плечом), золотая индикация с ликом Асандра, золотые серьги с серебряными украшениями, золотая фольга от обертки плодов или орехов, серебряные ножные браслеты, стеклянные кувшин, стакан и бальзамарий с туалетной палочкой, бронзовая фибула (II в.), железный браслет, несколько гагатовых бусин, тлен деревянной шкатулки с бронзовым замком, коррозированный серебряный перстень и маленькая гемма на сердолике (Гермес с калупом и кошельком).

В другом «богате» захоронении под куском боспорской черепицы в могиле длиной не более метра обнаружен раздавленный детский череп и тонкие прослойки древесного тлена от маленького гробика. Около черепа лежали мелкие золотые украшения (индикация, амулетница с зернью, фибула, перстень с гранатовой вставкой, две непарные серьги, ажурный перстень с гранатом). Вдоль южной стенки могилы сохранился тлен от длинной шкатулки. Внутри нее лежал золотой медальон с оттиснутым в высоком рельефе изображением, связанным с почитанием синкретического женского божества. Женская полуфигура с двумя Эротами и скипетром может быть истолкована как Афродита Урания (некрополь Горгиппии дал несколько подобных изображений на идентичных золотых и серебряных медальонах). На описываемом медальоне под грудью богини стилизовано изогнуты два животных, что отличает данный медальон от подобных и позволяет связать изображение равно и с культом Ар-

темиды. В шкатулке лежали также бронзовые браслеты и фибулы, длинный деревянный футляр со следами бронзовой обтяжки с позолотой, бронзовые зеркала, одно в свинцовой оправе. В могиле найдена терракотовая маска юного Диониса, кольцо из холцедона, бронзовое кольцо с геммой на сердолике (якорь), железный ключ, маленькая керамическая фляжка, два глиняных гутуса в виде женской полуфигуры, амфорка из прозрачного сизо-зеленого стекла с навитой на горло стеклянной нитью, стакан из прозрачного синего и глухого белого стекла, крупная янтарная пронизь, два золотых браслета, 1240 бус, бисерин и фигурных подвесок из стекла, янтара, гагата, агата, сердолика, египетского фаянса. Уникальны янтарные фигурные подвески: фаллические, в виде головы в шлеме и гранатового яблока.

Исследованный участок расположен в центре горгиппийского некрополя, он непрерывно использовался с IV в. до н. э. по III в. н. э. В соседнем с ним северо-восточном квартале Анапы в 1975 г. исследовались знаменитые склепы с фресками и богатым погребальным инвентарем.

В 1999 г. исследован котлован, примкнувший к кинотеатру «Родина» в центре Анапы, также расположенный на территории горгиппийского некрополя. Кинотеатр строился в 1950-х гг. На 1999 г. планировалась реконструкция здания с расширением его в сторону сквера вдоль ул. Протапова для размещения в зрительном зале органа. Строительство именно этого кинотеатра положило начало систематическим исследованиям античного некрополя в Анапе. При сооружении кинотеатра в 1950-е гг. исследованы лишь отдельные участки котлована и соседних с ним траншей для коммуникаций (раскопано 26 погребений и найден ряд статуй надгробий).

В 1979 г. перед фасадом кинотеатра прокладывалась траншея для анапских коммуникаций, внутри нее экспедиция исследовала 67 погребений античного некрополя с разнообразным погребальным инвентарем и также обнаружила статуарные надгробия. Таким образом, сомнений для проведения дальнейших исследований в непосредственной близости к кинотеатру «Родина» быть не могло. Участок расположен на территории некрополя Горгиппии, примыкающей к юго-восточному краю городища.

В 1999 г. реконструкцию кинотеатра производило Управление культуры администрации Анапы. Строительство не было согласовано с соответствующими органами охраны историко-культурного наследия ни на стадии проектирования, ни при землеотводе, утвержденный проект здания не предусматривал археологических работ. После того, как долгие переговоры с застройщиком, казалось, привели к соглашению о необходимости проведения исследований, внезапно была произведена выемка грунта экскаватором до проектной глубины (-1,8 м) в тайне от археологической службы. Она уничтожила верхний слой античного некрополя, обнажив более глубокие захоронения. Вынутый механизмами грунт содержал кости скелетов, фрагменты разбитых керамических сосудов, монеты.

С большим трудом удалось возобновить переговоры и доказать необходимость проведения исследований дна котлована. Работы пришлось проводить в феврале, в то время как острой необходимости в этих сроках не было — котлован и год спустя оставался незастроенным.

Площадь строительного котлована приближалась к 250 м², исследовать в нем было позволено не более 100 м², так как оставались банке-

Рис. 6. Некрополь Горгиппии. Фрески III в. н. э. из погребального склепа (после реставрации).
Вверху: Фрагмент фрески на люнете напротив входа, длина 70 см.
Внизу: Геракл, срывающий яблоки бессмертия в саду Гесперид, длина 76 см.

Рис. 7. Горгиппия. Сосуд с росписью жидким лаком. находка из раскопок в жилище последней четверти VI в. до н. э.

ты вокруг цементных конструкций, уложенных на дно тотчас по удалении грунта. Зачистка дна котлована на отметке -1,8 м желаемых результатов не дала. В липком глинистом грунте под дождем и снегом не удалось выявить могильных пятен, грунт снимался штыками. Раскопано 15 погребений античной эпохи (III в. до н. э. – III в. н. э.) с различным погребальным инвентарем, как и в прежние годы найдены статуарные надгробия.

В 1990–2000-е годы в Анапский музей после долгой реставрации начали поступать фрески анапского склепа, найденного и раскопанного экспедицией Института археологии РАН в 1975 г. В настоящее время это единственные в нашей стране фрески античной эпохи. Роспись склепа выполнена в смешанной инкруста-

ционно-цветочном стиле. Фриз с двенадцатью каноническими подвигами Геракла, фриз масок, семейный портрет, сцены терзания животных и центральная композиция росписи космологического содержания раскрывают философию III в. н. э., повествуя о концепциях жизни, смерти и представлениях о превращениях после смерти.

В 1997–1998 гг. Анапская экспедиция при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда осуществляла работы на территории хоры Горгиппии (руководитель Ю. В. Горлов) в рамках проекта «Историческая география южной части Боспорского царства». Работы велись на основе результатов дешифровки аэрофото и космоснимков с проверкой результатов на местности. С помощью современного навига-

ционного оборудования произведена фиксация памятников, интерпретирован подъемный материал. Осуществлено сплошное обследование Благовещенского останца. Для выяснения динамики трансгрессии и регрессии уровня Черного моря и аккумулятивных процессов в русле реки Кубань впервые обследованы акватории Кизилташского и Бугазского лиманов, а также шельф Черного моря. Подводные работы носили палеогеографический характер.

После зимних работ 1999 года Институт археологии РАН оказался полностью отстранен от всех исследований в Анапе. В 1990-е гг. Анапу захлестнула волна перестройки. Внезапный дефицит курортной земли у моря сломал привычную жизнь тихой провинциальной Анапы. Домишки в садах стремительно прев-

Рис. 8. Горгиппия. Столовая чернофигурная амфора середины VI в. до н. э. из Клазмен. Находка из раскопок на территории раннего полиса.

рашались в частные мини-гостиницы и различные объекты курортного бизнеса. Судьба отвела для этого процесса фактически весь некрополь Горгиппии. Снос домика на слабом фундаменте и сооружение на его месте подвалов для гаражей и саун осуществлялся под прикрытием мнимой реконструкции. Так погибли сотни участков великолепного горгиппийского некрополя вдоль улиц Астраханской, Крымской, Терской, Владимирской, Ленина и многих других. За редким исключением ни по одному из возведенных особняков нет никакой археологической документации. Погиб участок некрополя в несколько сотен кв. м в непосредственной близости к кинотеатру «Родина» на месте возведенного Молодежного центра. Этот участок был бы важен для исследования не только потому, что являлся частью некрополя в непосредственной близости к городищу (что само по себе предполагает наличие наиболее богатых

захоронений), но и потому, что мог содержать информацию о фортификационной системе как античного города, так и города периода русско-турецких войн. В конце 1990-х гг. погиб также значительный кусок городища при строительстве нового корпуса пансионата «Мотылек» в непосредственной близости к вышеописанному участку заповедника. В 1960-е гг. котлован для строящегося «Мотылька» исследовала экспедиция Института археологии. Исследования в котловане для нового строительства возложил на себя Комитет по охране наследия Краснодарского края, но начал их с экскаваторной траншеи шириной 5 м на всю глубину культурного слоя. В ней погибли винодельня и подвал одного из домов вместе с массой находок в слое пожара на полу. Эти древние объекты являются продолжением города к югу от названного выше дома 27. Об исследованиях остаточной площади участка отчет не представлен.

Без каких-либо ограничений осуществляется уничтожение памятников археологии на территории хоры Горгиппии, попавших в условия нового землепользования.

Землеотвод на строительство объектов на памятнике Горгиппия осуществляет Комитет по охране историко-культурного наследия Краснодарского края, он же принимает на себя средства застройщиков в случае постановки участка на исследование и, не имея соответствующих специалистов, производит эти исследования. В последние годы нет ни одной публикации результатов проводимых работ в Горгиппии, ни одного специального исследования материалов из этого памятника. Невозможно переоценить ущерб от произошедшей перестройки содержания и исследования одного из наиболее крупных центров античной цивилизации Северного Причерноморья.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеева Е. М., 1991.* Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М.
- Алексеева Е. М., 1997.* Античный город Горгиппия. М.
- Алексеева Е. М., Сорокина Н. П., 2007.* Коллекция стекла античной Горгиппии. М.
- Алексеева Е. М., 1999.* Местная среда ранней Горгиппии // ПИФК. Вып. VIII.
- Alekseeva E. M., 2003.* Gorgippia // Ancient Greek Colonies in the Black Sea. Vol. I. Publications of the Archaeological Institute of Northern Greece. Nr. 4. Thessaloniki.
- Alekseeva E. M., 2002.* Gorgippia. Geschichte einer griechischen Polis an der Stelle der heutigen Stadt Anappa // Fornasier J., Böttger B. (Hrsg). Das Bosporisches Reich. Mainz am Rhein.

Исследования Танаиса

Танаис среди античных памятников юга России занимает особое место. Все исследователи указывают на то обстоятельство, что город возник относительно поздно и на земле, где жили местные племена, в значительном удалении от других греческих центров. Соответственно сложилось устойчивое мнение, что это был самый варварский город Боспора, осуществлявший связь между античным миром и окружающим населением на протяжении многих веков.

Развалины Танаиса лежат на высокой террасе на правом коренном берегу реки Мертвый Донец (один из рукавов Дона), который в древности, видимо, был судоходным, вблизи места его впадения в Азовское море (Меотиду). Танаис, согласно Страбону (VII, 4, 5; XI, 2, 3), основному письменному источнику сведений о городе, основали боспорские греки и он сразу сделался важнейшим после Пантикапея торжищем «для азиатских и европейских кочевников и приезжающих сюда по морю с Боспора». Кроме того, Страбон также указал, что Танаис за неповиновение был разрушен боспорским царем Полемоном.

Еще в 1823 г. И. А. Стемпковский, один из первых исследователей южнорусских древностей, связал камен-

ные развалины «в 10 верстах от моря, близ донского села Недвиговка» с городом Танаисом. Вскоре первые археологические раскопки, проведенные здесь в середине XIX в. профессором Московского университета П. М. Леонтьевым, подтвердили это предположение. Были найдены надписи с упоминанием названия города и его жителей — танаитов. Эпизодические раскопки города и его некрополя проводились и позднее многими исследователями вплоть до первых десятилетий начала XX в. Материалы этих работ обобщила и опубликовала Т. Н. Книпович. Но в ее распоряжении был слишком разрозненный материал, не было чертежей, подробных описаний открытых домов и оборонительных сооружений, находки из раскопок, которые она исследовала, в свое время отбирались произвольно и не отражали реальной ситуации. Поэтому многие стороны истории города остались неизвестными и для воссоздания его облика в разные периоды жизни, для выяснения времени его возникновения и гибели, для установления роли Танаиса в истории Северного Причерноморья стали необходимы новые исследования. С этой целью в 1955 г. Институтом археологии АН СССР и Ростовским областным музеем краеведения была создана Нижне-

Донская археологическая экспедиция, главной задачей которой стали исследования Танаиса и его некрополя. Экспедицию возглавил и долгое время ею руководил Д. Б. Шелов.

Уже первые годы раскопок этой экспедиции позволили Д. Б. Шелову разрешить основные вопросы по истории города, что было им представлено в многочисленных статьях и книгах. Была уточнена историческая топография Танаиса. Основная его территория располагалась на второй высокой террасе и имела форму четырехугольника (площадью 225 × 240 м), ориентированного по сторонам света (*рис. 1*). Здесь работы на протяжении многолетних раскопок проводились на разных участках (раскопы I, II, IV, VI, XII, XIV, XIX, XX). Жизнь на этой территории с некоторым перерывом продолжалась на всем протяжении существования города (с 20-х гг. III в. до н. э. до середины V в. н. э.).

С первых лет раскопок исследовалась оборонительная система четырехугольника. Лучше других изучена западная фортификационная линия, которая сложилась уже к концу III—II в. до н. э. Она представляла собой каменную стену с выступающими башнями; угловые их части и входы, по античной традиции, выложены крупными прямоугольными русто-

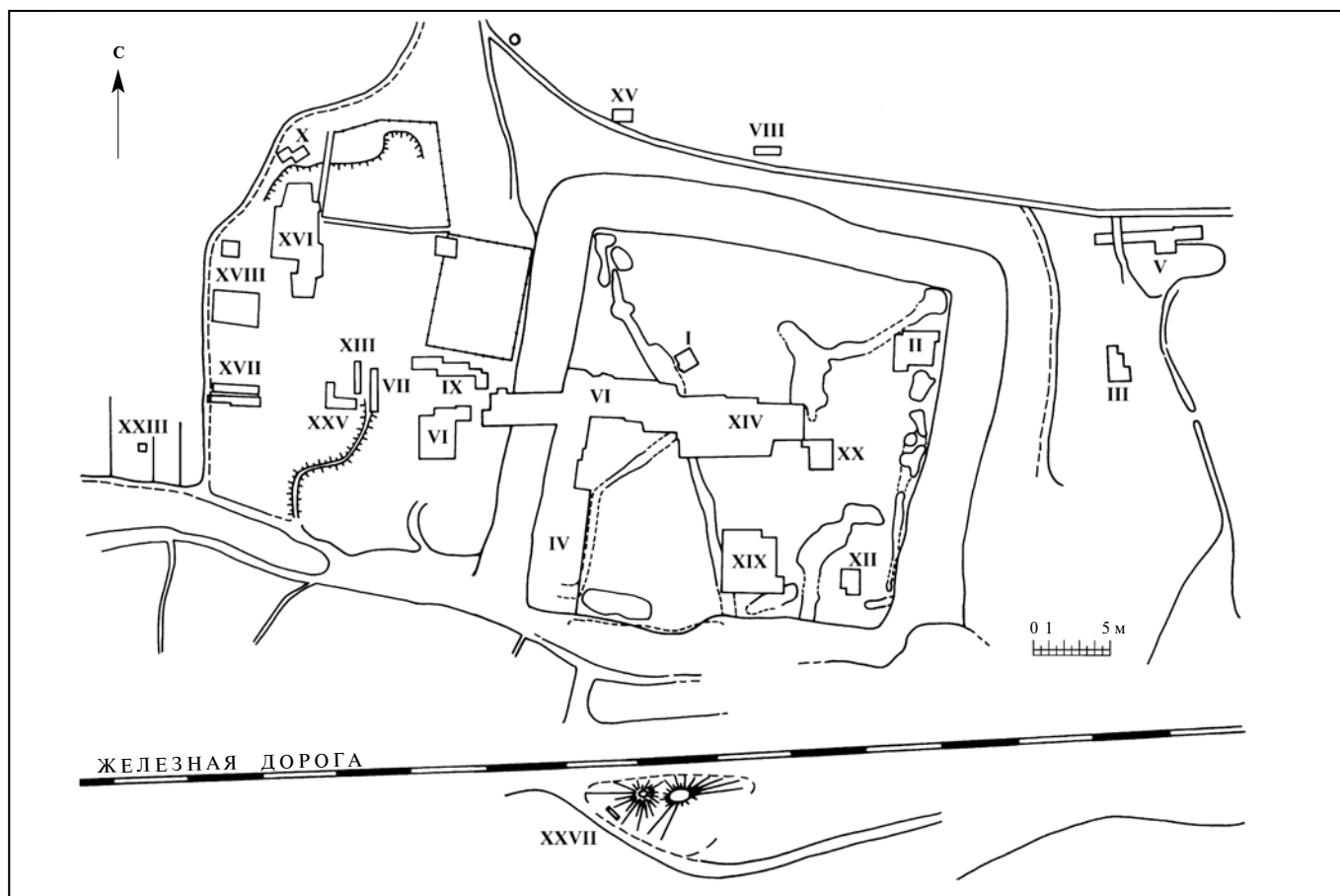

Рис. 1. План городища Танаис.

ванными блоками. В последние годы была полностью исследована башня 3 и доследована башня 4, расположенные в центре оборонительной линии (руководила работами С. А. Науменко). До постройки башни 3 здесь находились вырытые в материке ямы и слой с материалом III в. до н. э., свидетельствующие о жизни на этих участках города до сооружения стен обороны. Стены ранней башни 3 сохранились в высоту на два с лишним метра. Полностью исследованы внутреннее помещение башни площадью 24 м² и вход, выложенный каменными ступенями (длина входа 2,96 м, ширина 1,3 м). Внешние фасы стен целиком не раскрыты — их перекрывают стены более поздних двух башен II и первой половины III в. н. э. Башня от линии стены выступает на запад на 6,5 м. От первого периода существования башни до нас дошли два

уровня полов с очагами и ямами. В одной из ям были аккуратно сложены шесть одинаковых, хорошо обработанных, округлых ядер из ракушечника или песчаника, что позволяет предположить использование в Танаисе баллисты. Позднее, в середине II в. до н. э., полы были покрыты каменными плитами.

Несколько севернее башни 3, где по предположению находились городские ворота, раскопками был открыт новый, хорошо сохранившийся участок ранней оборонительной стены со входом в город и примыкавшей к ней еще одной ранней башней 4. Вход вплотную примыкал к северной стене башни 3 и находился непосредственно под калиткой римского времени. Ширина входа 1,6 м, приблизительная высота 2–2,3 м. Вход, как и вся оборонительная линия, после полемоновского разгрома не функционировал.

В конце I—начале II в. н. э., при восстановлении стен обороны, он был заложен камнями, а выше над ним соорудили новый проход-калитку.

Башня 4 исследовалась еще в 1965–1966 гг. Тогда считалось, что ее возвели в начале II в. н. э. и со значительными перестройками она простояла до разгрома города в середине III в. н. э. Последние раскопки показали, что она входила в линию обороны эллинистического времени и изначально башню составляли два разделенных стеной помещения.

О ранней городской застройке у нас данных немного. В какой-то мере облик эллинистического Танаиса удалось восстановить только раскопками последних лет. В результате стало ясно, что город не был таким варварским, как казалось ранее. В южной его части (раскоп XIX), работами российско-немецкого отряда, открылись строения, выполненные

Рис. 2. Площадь с лестницей в южной части городища, раскоп XIX, вид с юго-востока.

явно в античных традициях. Здесь обнаружена площадь и большая широкая лестница, составленная из крупных известняковых блоков (ширина лестницы с запада на восток достигает 8 м). Она имеет три каменные ступени (рис. 2), на одном из блоков верхней ступени сохранилось округлой формы ложе для установки колонны. О форме столбов колонн и о конструкции сооружения над ними у нас данных нет. С севера к лестнице примыкала площадь ворот (пропилон) размером около 10 × 5,6 м. С юга к ней подходила большая площадь, вымощенная мелкими камнями и амфорными обломками, в 7 м южнее от нижней ступени лестницы, в низине площади находился коллектор, сооруженный в скальной расселине из крупных плит. Эти постройки украшали город уже во

II в. до н. э. Необходимо отметить и находки кусков обработанного мрамора и надписей, найденные здесь. Часть из них Ю. Г. Виноградов датировал концом III–II вв. до н. э., что очень важно, так как ранее в Танаисе были известны только надписи первых веков н. э. Среди них имеются фрагменты декрета, почетной стелы, votивных и посвячительных надписей, а также надписей фиасов. Выполнены они из местного известняка или привозного мрамора и, видимо, были или вмонтированы в стены, или украшали город в виде стел.

Для изучения плана города важным было открытие по обеим сторонам площади улиц, идущих в северо-восточном и северо-западном направлениях. Как и все известные в Танаисе улицы и переулки,

они вымощены мелкими камнями и керамикой, среди которой в ранних подмостках много амфорных клейм, датирующих мошение. Структура улиц была непрочная и мошение постоянно наращивалось. Нижнее полотно улиц заложили еще в конце III в. до н. э. Оно часто перекрывало более ранний, существовавший до закладки улиц, слой. Продолжение улиц в северном направлении выявлено также на раскопах, расположенных в центре города (раскопы VI, XIV, XX). Кроме меридиональных улиц и переулков, там прослежена одна широкая улица, идущая от середины западной оборонительной линии к центру города.

К сожалению, ранних хозяйственных и жилых строений открыто сравнительно немного из-за значительных перестроек и повсеместного

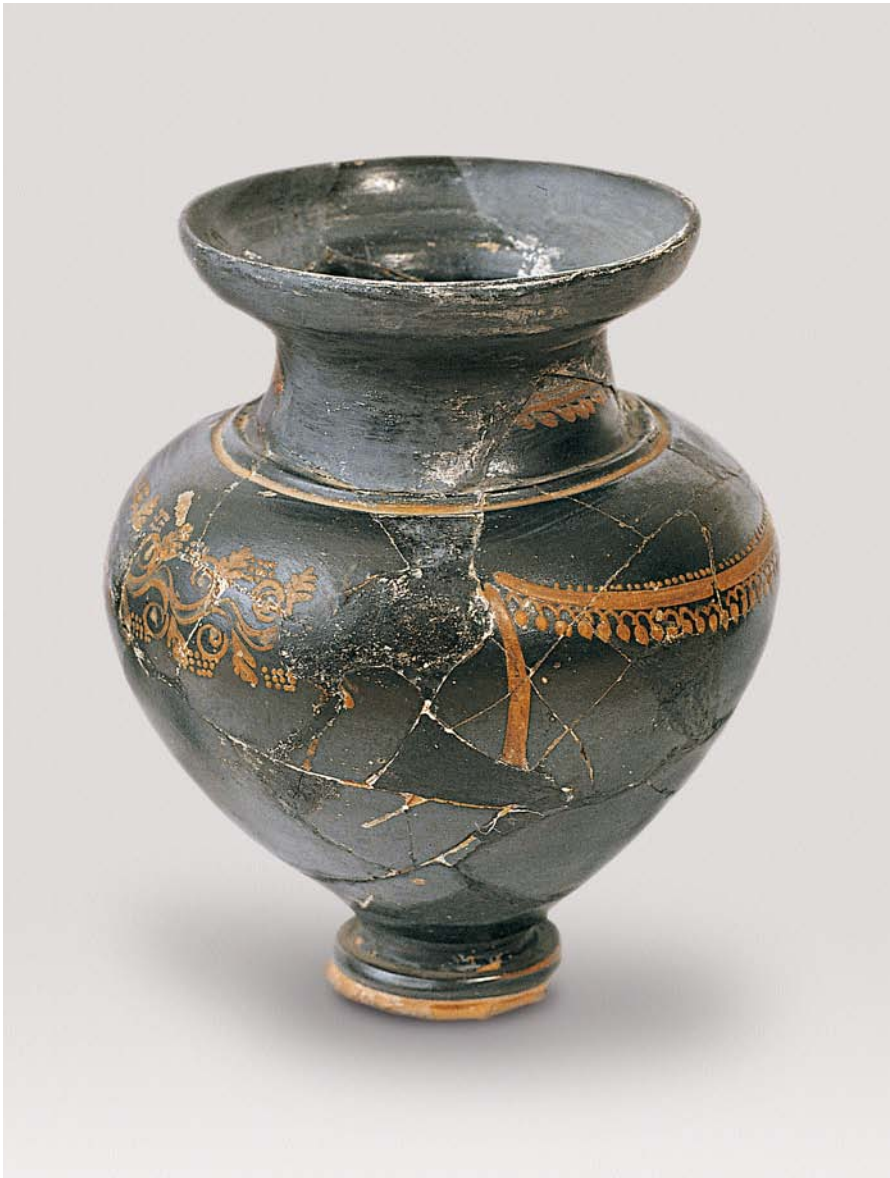

Рис. 3. Чернолаковый сосуд с росписью, раскоп VI. Высота 11 см.

строительства глубоких подвалов во II–первой половине III в. н. э. К самым ранним сохранившимся постройкам, кроме отдельных хозяйственных ям, относится уникальный для Танаиса подвал — «закрытый комплекс» с узкой датой и разнообразными находками. Подвал открыт в центре западной части города (раскоп VI) под перекрывавшими его поздними строениями. Уцелела нижняя часть подвала, заглубленная в скалу на 0,65 м. Подвал ориентирован по странам света и имел прямоугольную форму (площадь его около 23 м²). В нем находились почти

целые сосуды, родосская и синопская амфоры с клеймами первой половины III в. до н. э., фрагменты других ранних амфор, простой и чернолаковой посуды. Особо отметим чернолаковый кубок на ножке с орнаментальным поясом на горле в виде полос и листочков, с изображением морских волн с выпрыгивающими из воды дельфинами и волнообразной линии с висящими листьями каплевидной формы (рис. 3; 4). Рисунок выполнен бледно-желтой краской,

сюжет характерен для аттической керамики конца IV–III в. до н. э. Там же найдено шесть терракотовых протом богини Деметры со сложенными под грудью руками, тип которых восходит к боспорским изделиям V–III вв. до н. э., и, наконец, две пантикапейские монеты начала III в. до н. э.

Второе раннее подвальное сооружение открыто в южной части города (раскоп XIX). Это тоже прямоугольная постройка, вырубленная в скале и частично сохранившая кладку стен. Она обнаружена под глинобитными слоями пола более позднего подвала. Находки в этом раннем подвале (обломки разных форм амфор, чернолаковой и простой керамики) относятся к середине III в. до н. э., подвал просуществовал недолго и уже к концу века его засыпали.

Еще несколько ранних вымосток и остатки подвальных построек сохранились в центре восточной части городища. В одном из исследованных подвалов с находками I в. до н. э. особенно интересен комплекс керамики, состоящий из краснолаковых тарелок боспорского происхождения, украшенных орнаментом в виде косых рядов насечек и пальметт.

Традиция строительства подвалов сохранилась в Танаисе и в первые века н. э., когда почти под каждым наземным домом сооружали глубокие подвалы-хранилища.

Несмотря на последние открытия, очень важные для ранней истории города, о застройке и планировке домов говорить пока невозможно, поскольку нижние слои слишком фрагментарны. Тем не менее, можно думать, что ранняя застройка была не очень плотной и достаточно хаотичной. Определенно можно говорить, что в конце III–II в. до н. э. были проложены основные уличные магистрали и почти все они продолжали функционировать до разгрома города в середине III в. н. э.

С запада к основному четырехугольнику примыкал второй город-

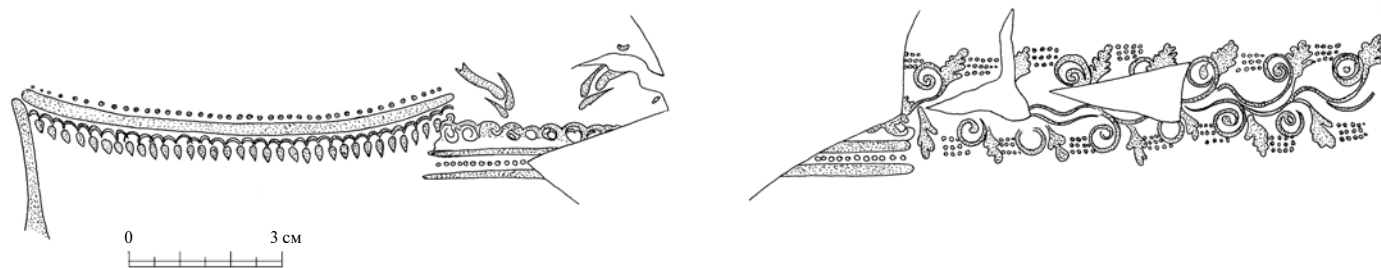

Рис. 4. Роспись на чернолаковом сосуде с раскопа VI.

ской район («западное крыло городища»), находившийся на той же террасе и тоже укрепленный каменными стенами (раскопы VI, VII, IX, XXV). Как установлено сравнительно недавно раскопками российско-польского отряда (руководил работами доктор Т. Шолль), кроме оборонительных стен, во всяком случае с западной стороны, он был дополнительно защищен глубоким рвом, проложенным с севера на юг. Восточный склон рва более крутой, на дне рва обнаружен выдолбленный небольшой канал с вертикальными стенками. Ширина рва по верхнему краю 10 м, глубина около 2,5 м. Во рву открыты остатки каменно-деревянного моста, построенного поперек рва, связывавшего дорогу, подходившую ко рву, и западный городской район. От моста сохранилась каменная стена, состоящая из двух частей, восточной и западной, заглубленная на дне рва в материк. Особенно тщательно у стены выложено основание — там раскрыт, среди крупных достаточно ровных камней, квадратной формы водосток, проложенный сквозь фундамент стены; вторая конструкция моста, вероятно, была деревянной, от нее прослеживались только следы.

Дома в этом городском районе, открытые и исследованные еще в первые годы работ экспедиции, были небольшими, многие из них неправильной формы и произвольной ориентировки. Между домами пролегал узкие извилистые переулочки, иногда мощенные. Жизнь на

этом участке протекала только до рубежа н. э., потом этот участок города был разрушен и пришел в запустение, а ров засыпан. Общий характер, расположенных здесь строительных остатков, гораздо более варварский, чем на основной территории Танаиса.

В 1999–2002 гг. к западу от вышеописанного района, в 300 м от западной оборонительной стены основного четырехугольника, открыли еще один городской участок (раскоп XXIII — площадь его 580 м²). Здесь на огороде одного из домов усадеб конца III–I в. до н. э., состоявших из прямоугольных, ориентированных по странам света помещений и вымощенных плитами дворишков. Помещения имели ровные, аккуратные стены, глинобитные полы, с сохранившимися на них очажными конструкциями, и многочисленные хозяйственные ямы, впущенные с уровня полов в материковую глину и скалу.

Между домами прослежены остатки мощений трех прямых улиц, широтных и меридиональной. С открытый район защищали оборонительная стена и ров. Остатки оборонительной стены сохранились на небольшую высоту и возвышались вдоль южного края рва, ширина стены около 2 м. От жилых построек стену отделял узкий уличный проход, шириной до 1,5 м. К южному фасу стены подходила под прямым углом улица, вымощенная необработанным камнем, шириной до 2 м. Глубина

рва достигает 3,6 м, ширина по верхнему контуру — 10 м, по дну — 2,5 м.

Следов пожара в постройках не обнаружено, видимо, они были оставлены в конце I в. до н. э., до разгрома Танаиса. Основным материалом для датировки служат многочисленные фрагменты амфор, главным образом, клейма родосских амфор. Слой I в. н. э. на этом участке города отсутствовал, над эллинистическим слоем располагался слой II в. н. э. с невыразительными строительными остатками, в III в. н. э. здесь уже располагался некрополь, который, в свою очередь, перекрывали слои и постройка средневекового времени. В одной из могил середины III в. н. э. сохранились остатки предметов вооружения, наконечник железного копья и железный умбон. Не выясненными пока остаются размеры всей площади, занятой ранним городом, этому мешает слишком плотная современная хуторская застройка. По мнению С. М. Ильяшенко, возглавлявшего эти раскопки, город тянулся на запад на 350–400 м, до балки, возможно, выполнявшей на западе функции рва, а на юге доходил до самой реки.

Открытие нового жилого района позволяет пересмотреть многие устоявшиеся положения о раннем городе и поставить новые вопросы. Без дополнительных исследований пока трудно говорить о связи между собой двух западных городских районов, объяснить варварский характер открытого ранее района, примыкающего к четырехугольнику (района на

«западном крыле городища»), и нового, имевшего правильную планировку и более античный облик. Образование этих двух районов происходило в одно время и совпало по времени с формированием на основной территории городища главных элементов планировочной структуры, улиц, площадей и оборонительных стен в конце III—первой половине II в. до н. э.

Сейчас ясно, что ранний Танаис занимал значительно большую площадь, чем предполагалось. В связи с этим можно говорить и о намного большем числе жителей в раннем городе. Можно думать, что город в это время определенно переживал период расцвета.

В Танаисе I в. н. э., после карательной экспедиции боспорского царя Полемона, произошли значительные изменения. Сократилась его территория (прекратилась жизнь на западных городских участках), а на центральном четырехугольнике перестали выполнять свои оборонительные функции стены и башни. Очевидно, была разрушена уже сложившаяся к этому времени и городская застройка. О ней судить трудно. Как и более ранние сооружения, она была в большей своей части скрыта во время перестроек во II—III вв. н. э.

Еще в 1957 г. в юго-западной части четырехугольника были открыты остатки усадеб I в. н. э., выходившие за пределы разрушенной оборонительной стены. Это были не единичные постройки, работами последних лет, при исследовании других более северных участков западной оборонительной линии, выявлена та же картина — раскрыто нескольких помещений и вымощенный проулок I в. н. э. за пределами разобранной оборонительной стены. Существовали эти сооружения сравнительно недолго — до восстановления линии обороны в конце I—начале II в. н. э., когда происходило строительство новой оборонительной стены и башен и сооружение глубокого рва.

На территории четырехугольника на отдельных участках также отмечены следы деятельности и строительства этого времени. Наблюдается реставрация улиц, в связи с чем увеличилась уличная подсыпка и верхнее полотно улиц стало значительно возвышаться над уровнем дневной поверхности — уровнем дворов. Очень важным моментом для характеристики жизни этого времени является открытие в южной части города в 2002 г. хорошо сохранившегося подвала, не затронутого более поздним строительством — он был засыпан и перекрыт вымосткой во II в. н. э. Среди находок, открытых в подвале, обломков амфор, керамики, подвесок, бус, астрагалов с сарматскими знаками и монет, особенно выделяются заготовки бронзовых фибул, свидетельствующие о продолжении производственной деятельности в постполемоновском городе.

В конце I—самом начале II в. н. э. основная территория четырехугольника превращается в хорошо укрепленную крепость, ограниченную с запада, севера и востока глубоким ровом, частично вырытым в глинистом грунте, частично вырубленным в скале. В это же время, судя по западной оборонительной линии, вдоль которой в последние годы, как уже отмечалось, проводятся раскопки, наращивается и восстанавливается эллинистическая оборонительная стена (стены 5—5А). К ее западному внешнему фасу дополнительно для укрепления пристраивается новая стена (стены 16—16А), общая толщина стены после пристройки дополнительного панциря составляет около 4—4,5 м. Над развалами эллинистических башен 3 и 4 (в центре западной оборонительной линии) возводятся новые башни, частично используя старые стены, частично их перекрывая. Башни строятся несколько большего размера, от линии стены они выступают на запад на 7 м.

Планировочная система города этого времени известна достаточно хорошо, она в основном сохраняется до середины III в. н. э. и повторяет многие особенности, заложенные еще в эллинистическое время. Перестраиваются постройки в южной части города (раскоп XIX), к юго-восточному углу ранней лестницы пристраивается новое строение прямоугольной формы, выполненное из хорошо подтесанных блоков. Оно имело проход в северной стене, западной глухой стены не было — постройка оказалась открытой со стороны площади. Площади, улицы и переулки почти все находятся на тех же местах, что и ранее, хотя многие из них оказались частично застроенными и изменили размеры. В этой части города продолжали встречаться мраморные обломки с надписями и рельефами уже первых веков н. э., они, видимо, украшали здания и площадь, как и в эллинистическое время. Большая их часть, по определению Ю. Г. Виноградова, приходится на период правления Савромата II (174—210 гг.) и Рескупорида II (211—226 гг.), но наиболее монументальные и почетные рельефы на мраморе относятся ко времени Савромата I (93—123 гг.). К их числу относятся обломок плиты с изображением Кибелы и плита с увенчиваемым Никой воином в полной паноплии.

Особенно отчетливо прослежена планировка города на центральных раскопах. Здесь видно, как меридиональные улицы делят его на различные по площади кварталы. Кварталы, как правило, объединяют несколько усадеб, каждая из которых состоит из жилых и хозяйственных помещений с подвалами, группирующимися вокруг выложенных плитами дворики. В центре дворов имеются глубокие цистерны. В таком виде Танаис простоял до середины III в. н. э.

Рис. 5. Лестница, ведущая в бассейн, II в. до н. э., раскоп XIX, вид с юго-востока.

Рис. 6. Терракотовая маска, раскоп XIX. Высота 14 см.

Д. Б. Шеловым история Танаиса была в свое время разделена на три периода, границами между которыми служили крупные разрушения — на рубеже нашей эры и в середине III в. н. э. За последние годы отчетливо обозначилась еще одна крупная катастрофа, постигшая город в середине II в. н. э. Разрушения этого времени в Танаисе отмечались в ходе раскопок и ранее, но они казались небольшими, локальными, хотя и прослеживались почти на всех участках центрального четырехугольника городища. Первоначально казалось, что подобные разрушения

были связаны с плохим строительством неумелых мастеров, вынуждавших жителей постоянно проводить перестройки и ремонты своих домов и общественных сооружений — оборонительных стен и башен. Кроме того, слои повсеместных мощных пожаров и разрушений середины III в. н. э., приведших город к полному запустению на длительной срок, затмили и отвлекли внимание исследователей от проблем, связанных с жизнью города в середине II в. н. э. Сейчас стало очевидным, что, катастрофа II в. н. э. была столь же страшной, что и катастрофа сле-

дующего века, однако, город сумел восстановиться тогда в достаточно короткие сроки. Особенно отчетливо прослеживаются разрушения при исследовании оборонительных башен. Выделяются башни, переставшие функционировать во II в. н. э. и возведенные над ними или рядом с ними башни, дожившие до разгрома Танаиса в середине III в. н. э. О восстановительном строительстве говорят и многие лапидарные надписи от времени Савромата I до Ининфимея. В них сообщается о сооружении или восстановлении городских стен, башен, ворот, агоры, источника.

По всей видимости разрушения города во II в. н. э. можно связать с проникновением с востока на Нижний Дон мощных военизированных кочевых образований — носителей позднесарматской археологической культуры. Именно с этого времени, судя по материалам некрополя, стало реально ощущаться присутствие элементов культуры степного населения.

Но, как уже говорилось, катастрофа не имела затяжного характера. Жители вывозят мусор, восстанавливают дома и линию обороны. В это время создаются многочисленные свалки с битой керамикой и горелыми слоями. Самая большая из них представляет собой высокий холм, расположенный к югу от городища.

Этот холм находится у поворота реки в припортовой части города. О его происхождении и назначении существует много предположений. Во время строительства железной дороги в 1867—1870 гг. он был частично снесен и разделен дорогой на две половины. Сейчас его высота достигает в южной, наиболее высокой части, 12 м. Холм постоянно разрушается как естественными путями, так и жителями соседних домов. В 2000 г. был заложен небольшой раскоп в юго-западной части в южной половине холма. Открытый слой состоял из зольного грунта с сажей, со множеством кусков сырца и обожженного турлука,

Рис. 7. Мраморный алтарь из слоя пожара середины III в. н. э., раскоп XX. Высота 66 см.

с громадным количеством битой керамики, бытовавшей в Танаисе только в первой половине II в. н. э.

Особо следует отметить и свалку в виде грунта с керамикой, находившуюся в юго-восточной части городища (раскоп XIX). Свалка перекрыла глубокий бассейн со спускающимися к нему лестницами (рис. 5). Это интересное сооружение пока до конца не раскрыто, оно было разрушено в середине II в. н. э., не было восстановлено, и над ним — поверх завала — соорудили мощную улицу с водостоком, вымостку и рядом с ней цистерну, функционировавшие до разгрома города в середине III в. н. э. Среди материа-

лов свалки, кроме множества фрагментов амфор и краснолаковой посуды, отмечаются находки светильников, изделий из терракот, бронзы и стекла (рис. 6; 9).

Во второй половине II в. н. э. вновь восстанавливается оборонительная система. Над разрушенными башнями 3 и 4 вновь сооружаются башни последнего периода строительства, просуществовавшие до середины III в. н. э. Башня 3 сохранилась на незначительную высоту — до 1 м с учетом фундамента. Он был выполнен из огромных каменных, неправильной формы глыб, лежавших на слое засыпи башни предыдущего времени. От башни послед-

него строительного периода дошли вымостка, служившая полом внутрибашенного помещения (площадь ее около 23 м²) и стены внешнего фаса. Это была самой мощной по своим размерам башня, она выступала на запад от линии стены на 10,5 м, площадь ее около 111 м².

Разгром Танаиса в середине III в. н. э. привел к уничтожению всего города. Следы разрушений прослеживаются на всех раскапываемых участках городища. Еще П. М. Леонтьев, первый исследователь Танаиса, отмечал, «что это разрушение было самое страшное, какое можно себе представить: в городе не осталось почти камня на камне; от

Рис. 8. Серебряный флакон с гранатовыми вставками, раскоп XIV. Высота 5,6 см.

весьма немногих стен сохранились нижние ряды каменной кладки; башни разрушены почти до основания, и самые погребя засыпаны развалинами обрушившихся строений. Разорение должно было быть внезапное, потому что в некоторых погребях замечены остатки зернового хлеба; в разорении участвовал огонь, которого следы видны почти везде во внутренней части города и на внутренней стороне городских стен и башней; одна из открытых башней обгорела даже со всех сторон».

Эту страшную картину отмечали

все исследователи Танаиса. Работами Нижне-Донской экспедиции раскрыты десятки помещений с подвалами, заваленными горелыми балками, углем, золой и красной от огня глиной с камнями. В помещениях обнаружено сотни предметов, находившихся в домах в момент катастрофы. Время ее устанавливается достаточно точно биллоновыми статерами Рискупорида V и относится к самой середине III в. н. э. Находки, открытые в подвалах, описаны и представлены во множестве изданий, касающихся раскопок Танаиса (рис. 8). Поэтому остановимся толь-

ко на одном памятнике — очень редкой для города находке.

Это мраморный алтарь (рис. 7), открытый на вымостке двора в слое пожара середины III в. н. э. Сделан он из светлого мрамора, из-за пожара ставшего пятнистым и темным, поверхность у алтаря гладкая, хорошо обработана. Алтарь был разбит на три больших куса и множество фрагментов — мрамор побывал в огне и стал крошиться. Он имеет вид высокой прямоугольной в сечении стелы на расширенном ступенчатом основании. Вверху она заканчивается сложным венцом, состоявшим из двух частей. Верхняя часть — четырехступенчатая, с плоской верхней поверхностью, в центре которой прямоугольное углубление. Нижняя также имеет сверху плоскую поверхность, профилирована пятью уступами. Высота алтаря 0,66 м, размеры основания 0,288 × 0,224 м. На боковых узких гранях симметрично расположены выступающие рельефные изображения, напоминающие волюту или клюв птицы, ниже находились прямоугольные выступы, возможно, служившие ручками при переносе алтаря. На основных лицевых широких гранях с одной стороны изображены в низком рельефе голова быка, с другой — в высоком рельефе погрудная женская фигура. Голова быка сохранилась неплохо, у быка тщательно проработаны глаза, ноздри, рожки и шерсть на лбу (все детали сохранились частично). Изображение женской головки несколько смазано, плохо сохранились плечи и грудь, уцелели лишь небольшие участки одежды с глубокими складками и какой-то округлой формы предмет или узел на правом плече. Головка повернута налево, лицо улыбающееся. Черты лица мягкие, припухлые, пышные волосы разделены прямым пробором и перехвачены повязкой. Головка больше всего напоминает мраморный рельеф, открытый раскопками П. М. Леонтьева в 1853 г. Т. Н. Книпович, исследовавшая рельеф, отмечает близость леонтьевской головки к восточно-

Рис. 9. Фрагмент стеклянной чаши конца I—начала II в. н. э., раскоп XIX.

греческому искусству эллинистической эпохи III в. до н. э. Наш алтарь определенно открыт в слое пожара III в. н. э., но, вероятно, его особенно тщательно и долго оберегали, так как по своему облику он может быть тоже отнесен к более раннему времени.

В IV в. н. э. жизнь в городе возродилась. Опираясь на отсутствие монет последних боспорских царей, Д. Б. Шелов пришел к выводу, что жизнь в городе восстановилась только к 70-м гг. IV в. Позднее, время восстановления города стали относить к середине IV в. За последние годы положение изменилось — было найдено несколько позднебоспорских монет конца III—первой трети IV в. н. э. (монеты определены С. И. Безугловым). Эти находки имеют принципиальное значение

для понимания хронологии Танаиса — они относятся к временному отрезку, когда, как считали, город не существовал. Поэтому, возможно, в будущем, с накоплением нового материала, будет пересмотрена дата возрождения города. Также трудно говорить и о причинах и времени окончательного его запустения. Дату окончания жизни, как и раньше, мы относим к середине V в. н. э.

Поздние городские руины и слои практически прослеживаются почти на всех исследованных участках центрального четырехугольника. По сравнению с напластованиями более ранних хронологических периодов, они самые мощные, достигают 1,5—2,5 м толщины, и их можно сравнить лишь со слоями II—III вв. н. э. с учетом глубины подвалов. Можно думать, что мусор из города этого

времени не вывозился и постоянно накапливался. Весь облик дошедших до нас городских остатков свидетельствует о резком возрождении влияния варварских элементов, проявляющихся как в планировке, так и в строительстве, и в находках.

Главная отличительная черта позднего города — это совсем другая планировочная структура: улицы и площади раннего времени оказались застроенными новыми домами и изрыты ямами. Иногда дома пристраивались к каменным завалам III в. н. э., в IV в. не разбиравшимся. Особенно заметны эти особенности рядом с западной оборонительной стеной, где образовался колоссальный каменный завал от рухнувших стен, и жители позднего города совладать с ним были не в состоянии.

На основной части города не от-

Рис. 10. Электровые статеры (1) Савромата II (198 г. н. э.) и (2) Рискупорида II (214 г. н. э.), раскоп XIX.

крыто ни одной широкой улицы или площади, между домами имелись лишь узкие проходы, вымощенные камнями — это был дневной уровень жизни города, который по отношению к полам жилищ находился значительно выше, примерно на 0,6–1 м. Практически все постройки позднего времени заглублялись в грунт и были полуземлянками, на отдельных участках, в южной части города, где находилась в прежние века площадь, и не было ранних строений, они оказались заглубленными до самой скалы и даже врезанными в нее. В проемах входов домов часто имеются лестницы из двух — трех ступеней или каменные пороги, ведущие вниз до самого пола. В кладках стен иногда

встречаются плиты и блоки из более ранних построек и даже архитектурные детали, мраморные рельефы и надписи, использовавшиеся как строительный материал.

Достаточно хорошо прослеживаются три строительных этапа — они отмечены почти на всех участках четырехугольника с поздними постройками. По находкам они между собой различаются плохо, так как почти не удается разделить керамику на хронологические группы. Практически у нас почти нет «закрытых комплексов», за исключением хозяйственных ям. Удалось установить, что для первого этапа строительства характерны большие дома площадью до 30 м². Дома второго этапа часто встроены в более ранние и

имеют округлые стены или только скругленные углы. Постройки третьего этапа совсем небольшие, встроены в мусорные слои и сделаны очень небрежно. Плотность застройки на разных участках городища различна, отличаются они и сохранностью. Лучше других прослежена застройка в южной части городища с четкой планировкой и регулярностью домов (раскоп XIX).

Планировка внутри домов была различной. В больших домах часто встречаются перегородки, сооруженные из тростника и жердей, крепившиеся в специальных ровиках и ямах для столбов. Почти во всех жилищах удалось проследить плотные хорошо утрамбованные полы с многочисленными подмазками. Харак-

Рис. 11. Обувные пряжки и лунницы из погребения близ Синявки. Серебро, золото, сердолик.

терной принадлежностью каждого дома являются очаги или печи и разного размера хозяйственные ямы. Печи имели куполообразную форму, делались очень искусно из камня, глины и мелкой керамики и возвышались на небольших поста- ментах у одной из стен дома. На полах домов постоянно встречаются круглые зернотерки, многочислен- ная лепная керамика самых разно- образных форм, краснолаковая посу- да, обломки амфор, кости живот- ных и рыб. Возрастание роли лепной керамики среди находок характерно для Танаиса. Эта тенденция отмеча- ется и в других городах Боспора и объясняется общей варваризацией и натурализацией хозяйства. В Та- наисе, кроме этого, наблюдаются и

некоторые особенности, связанные с появлением нового населения, принесшего с собой и новые формы сосудов, ранее не встреченные на Нижнем Дону и в городе. В первую очередь, к ним относятся остро- реберные миски, часто с лощеной поверхностью, украшенные по реб- ру орнаментом в виде фасеток и насечек. Подобные миски встреча- ются на памятниках черняховской культуры, но там они, как прави- ло, делались на круге и потому не- сколько отличаются от танаисских. Интересно отметить, что в погреб- альных комплексах Танаиса миски не встречены, хотя лепные горшки присутствуют почти во всех моги- лах. Находки на полах помещений достаточно бедные. Только изредка

в помещениях встречались единич- ные серебряные, бронзовые и желез- ные фибулы, пряжки, зеркала и стек- лянные сосуды. Среди находок из поздних слоев определенный инте- рес представляет литейная форма для отливки зеркал, позволяющая гово- рить, что в городе, как и в III в. н. э., продолжали изготавливать зеркала с петелькой в центре. Форма сделана из плотного, сероватого цвета кам- ня, имеет вид низкого, не совсем правильных очертаний цилиндра, на противоположных плоскостях ко- торого находятся близкие изобра- жения, отливаемые в форме зеркал. Одно из изображений, видимо, было забраковано, и только второе, ско- рее всего, служило рабочей стороной. Диаметр отливаемого в форме зерка-

ла, 6 см, орнамент — круг в центре с расходящимися от него лучами.

Для топографии позднего Танаиса большое значение имеют раскопки последних лет. Ранее предполагалось, что город этого времени занимал только основную территорию городища. Теперь выяснено, что его площадь была значительно больше — на подворье одного из домов хутора, в 40 м к югу от юго-западного угла четырехугольника, был открыт большой жилой квартал позднего города с помещениями и мощеными мелкими камнями улицами (раскоп XXVIII, площадь раскопа около 270 м²). Одна из открытых улиц проложена между домами с севера на юг, вторая — с востока на запад, они пересекали друг друга почти под прямым углом. Ширина улиц — 2,5–3 м. Полностью раскрыто несколько домов, площадью до 30 м².

Дома сложены из известняка и сохранились в высоту до 3–4 рядов кладки. Помещения имеют подквадратную форму со скругленными углами. Полы у них глинобитные, плотно утрамбованные — обычные для построек этого времени. Как всегда, в помещениях находились печи и очаги. В слое над полом и на полу много поздней керамики, особенно много обломков лепных горшков. Открытый квартал принадлежал одному строительному горизонту и, видимо, соответствовал сооружениям 2-го этапа строительства на территории четырехугольника.

В южной части раскопа раскрыта

стена, направление ее запад–восток, сложена она из крупных каменных блоков. Принадлежность ее к каким-либо конструкциям пока не установлена, возможно, здесь проходила линия каких-то оборонительных укреплений, судя по мощным уцелевшим камням стены.

Ниже квартала с поздними постройками удалось опуститься лишь на небольших участках в связи с очень высоким уровнем грунтовых вод, но все-таки можно предполагать, по обилию керамического материала первых веков н. э., что и в раннее время здесь протекала жизнь.

Жилые постройки позднего города открыты не только с южной стороны основного четырехугольника, но и с западной — на территории музея «Танаис», в связи с хозяйственными работами, и с восточной — на месте строительства современного дома.

Благодаря раскопкам последних лет, наши представления изменились не только в отношении топографии позднего города, но и в отношении его укреплений на территории основного четырехугольника. Еще в первые раскопочные сезоны был открыт участок стены, сложенный довольно небрежно в виде вала из камня (длина 9 м, ширина около 1,8 м). Этот вал был принят за западную оборонительную стену. Продолжения вала в последующих раскопках нигде, ни к югу, ни к северу, обнаружено не было, а среди развалов оборонительных стен первых веков н. э. были открыты достаточ-

но хорошо сохранившиеся помещения позднего Танаиса. Многие из них выходили за пределы укреплений и доходили до самого края рва. Сейчас трудно говорить, что это был за каменный вал и какие функции он выполнял.

Много новых данных о позднем Танаисе получено по материалам некрополя. До недавнего времени было открыто сравнительно немного могил, с уверенностью относимых к последним векам жизни в городе. Это положение изменилось — поздние захоронения теперь отмечены на самых разных участках некрополя, а к западу от городища на сравнительно небольшой площади выделена компактная группа погребений IV–V вв. н. э. Погребальный инвентарь многих могил достаточно богатый и разнообразный, в отличие от находок в помещениях. Он включает выполненные из разных материалов и часто богато украшенные фибулы, серьги, пряжки, лунницы, нашивные мелкие золотые украшения, подвески и зеркала (рис. 11).

Находки хорошо датируются и находят многочисленные аналогии на широкой территории от Дона до Пиренейского полуострова. Исследуя погребальный инвентарь могил, С. И. Безуглов отмечает, что в позднем облике Танаиса прослеживаются многие черты, связанные с аланскими, восточногерманскими и сарматскими традициями, находившимися под воздействием и нивелировкой поздебоспорской культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Книпович Т. Н., 1949. Танаис. Историко-археологическое исследование. М., Л.
- Шелов Д. Б., 1961. Некрополь Танаиса. М.
- Шелов Д. Б., 1970. Танаис и Нижний Дон в III–II вв. до н. э. М.
- Шелов Д. Б., 1970. Керамические клейма из Танаиса III–I вв. до н. э. М.
- Шелов Д. Б., 1972. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.
- Арсеньева Т. М., Бётгер Б., Виноградов Ю. Г., 1996. Новые исследования в Танаисе. ВДИ. № 3.
- Арсеньева Т. М., Науменко С. А., 1992. Усадьбы Танаиса. М.
- Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В., 2001. Некрополь Танаиса. М.

Комплексные палеоэкологические и археологические исследования на Таманском полуострове

В последнее десятилетие актуальным стал интерес к вопросам палеоэкологического развития Северного Причерноморья. Это связано как с разработкой палеогеографического обоснования прогноза особенностей регионального развития в условиях ожидаемого глобального потепления климата и ускорения темпов повышения уровня моря, так и с детализацией схем ландшафтно-климатического развития побережья, представляющей самостоятельный интерес для решения ряда задач, связанных с обоснованием существующих схем этнокультурного развития в регионе и проведением локальных ландшафтно-геоморфологических реконструкций отдельных участков Азово-Черноморского побережья для уточнения историко-географической ситуации. Неполнота сохранившихся письменных источников порождает неоднозначные палеогеографические реконструкции, в частности, достаточно свободное истолкование ландшафтно-геоморфологического облика Таманского полуострова, который, в свою очередь, выступает в качестве основы локализации палеотопонимов и палеогидронимов, известных из античной письменной традиции, боспорской эпиграфики и нумизматики. Подобный некри-

тический подход определил устойчивое существование некоторых произвольных палеогеографических схем, ставших почти общим местом при описании региона в историческое время (Горлов, Поротов, 2002, с. 277–289).

Отсутствие или недостаточное количество абсолютных датировок затрудняло применение палинологических данных для детальных палеоклиматических и фитоценологических построений. По результатам спорово-пыльцевого анализа донных осадков Азовского и Черного морей, Восточного Причерноморья удалось получить лишь обобщенные характеристики таких этапов в истории растительности и климата, как древний, ранний, средний и поздний голоцен (Болиховская и др., 2002, с. 257).

Комплексное изучение существовавших в древности особенностей ландшафтно-климатических условий Таманского полуострова было начато в 90-е гг. прошлого столетия и на разных этапах осуществлялось при поддержке РГНФ и РФФИ, Французской школы в Афинах (EFA), а в последние годы — Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Евразия». В Черноморской экспедиции Института археологии РАН принимали участие спе-

циалисты Географического факультета МГУ, Французской школы в Афинах и Университетов Париж I и XII, Магнитогорского ГУ (Горлов, Лопанов, 1995, с. 121–137; Müller et al., 1998a, с. 102–111; Абрамзон и др., 1999, с. 365–367; Müller et al., 1999, р. 589–598; Каплин и др., 2001, с. 51–57; Fouache et al., 2001, р. 599–611; Горлов и др., 2002, с. 248–257; Болиховская и др., 2002, с. 257–272; Поротов и др., 2004, с. 63–77). Проведенные работы включали в себя анализ и дешифрирование панхроматической аэрофотосъемки и спектрональных космоснимков, археологическое и геоморфологическое обследование территории, бурение толщ прибрежных отложений, а также последующее лито-фациальное, малакофаунистическое и геохронологическое изучение полученного материала. Учитывая разнообразие геохронологические данные (радиоуглеродное датирование по раковинам моллюсков и торфам) и археологические материалы, использованные для возрастной привязки индикаторов положения уровня моря, приведение радиоуглеродных дат к календарной (исторической) шкале проводилось на основе стандартной процедуры с использованием калибрационной программы CALIB 3.0 (Stuiver et al., 1998, р. 1127–1151).

Осредненная величина поправки на «бассейновый эффект» на основании существующих данных для Средиземного и Черного морей (Facorellis et al., 1998, p. 963–972; Morhange et al., 2000, p. 65–68; Sianti et al., 2000, p. 271–280) принималась равной 250 лет. Учитывая возможные погрешности, связанные с использованием раковинного материала для датировки последовательности палеогеографических изменений, полученные результаты рассматриваются нами как предварительные.

Одной из основных задач, вставших перед исследователями, было изучение изменений относительного уровня моря для Черноморского побережья Таманского полуострова в позднем голоцене, оказавших существенное влияние на современную топографию археологических памятников. До последнего времени археологические материалы оставались единственным источником для оценки изменений уровня моря, но надежность полученных палеогеографических реконструкций в значительной мере была ограничена уровнем изученности археологических объектов, который в большинстве случаев оказался недостаточным для их обоснования. Проведение подобных реконструкций также сопряжено с рядом сложностей, обусловленных, в первую очередь, плохой сохранностью древних береговых линий. Например, представляется недостаточно обоснованным отнесение к «фанагорийской» регрессивной фазе древнебереговой линии, залегающей у побережья Керченско-Таманского района на глубинах 6–10 м, поскольку существующие геологические данные показывают, что на этих глубинах с некоторым сдвигом относительно друг друга располагаются реликты не одной, а нескольких береговых линий. Небольшие аккумулятивные образования сохранились лишь в относительно изолированных заливах и лиманах с пониженными гидрологическими условиями (Таманский залив, Керченский пролив). На ряде участ-

ков Черноморского побережья активное нарастание берега в последующий период привело к захоронению реликтов «фанагорийской» регрессии под толщей более молодых прибрежно-морских отложений. Однако для большей части Черноморского побережья подобные реликты оказались размыты, что определило использование иных косвенных, преимущественно литологических индикаторов положения уровня моря (прослой песков и торфов в толще лиманных отложений, залегающие ниже современного уровня моря континентальные отложения и т. п.), допускающих значительные погрешности. Немногочисленность радиоуглеродных датировок, выполненных по разным типам органического материала (раковины, древесина, торф) и в различных лабораториях на протяжении последних двух–трех десятилетий (с учетом развития методики радиоуглеродного датирования) определили дополнительную проблему соотношения их между собой и с исторической шкалой, поскольку возможные отклонения между радиоуглеродными и историческими датами могут составлять от 100 до 450 лет в зависимости от типа датированного материала. Однако в большинстве палеогеографических работ, включающих историко-археологические данные, возможные сдвиги между разными типами хронологических оценок палеогеографических событий, как правило, не принимаются во внимание, что естественно не способствует достоверности палеогеографических реконструкций. Таким образом, несмотря на то, что в последние десятилетия был накоплен значительный материал, позволивший расширить существующие представления о ходе голоценовой трансгрессии Черного моря, сопоставление полученных результатов для разных участков побережья показало существенные региональные различия, выразившиеся в количестве и возрасте регрессивных фаз. Открытым оставался вопрос о природе и амплитуде так называемой

«фанагорийской» регрессии. Оставалось неясным, является ли частичное или полное затопление археологических памятников результатом последующего погружения прибрежных территорий под влиянием неотектонических движений, или же оно было предопределено эвстатическими причинами, и лишь амплитуда регрессии, существенно отличающаяся по оценкам отдельных авторов, отражает последующие неотектонические деформации (Горлов, Порохов, 1998, с. 94–101).

Результаты проведенного изучения строения и возраста формирования толщи прибрежных отложений различных в структурно-тектоническом отношении участков побережья Таманского полуострова позволили охарактеризовать региональные особенности изменений уровня Черного моря, связанные неотектоническими условиями этого побережья. На основании литолого-фациальных и малакофаунистических признаков, а также данных радиоуглеродного датирования в строении верхней части прибрежных отложений удалось выделить следы, по крайней мере, двух трансгрессивных фаз в изменении относительного уровня моря, первая из которых относится к возрастному интервалу 2,0–1,7 тыс. лет до н. э., а вторая охватывает последние 1,5 тыс. лет (рис. 1). Отложения первой трансгрессивной фазы наиболее отчетливо выявляются в строении Анапской пересыпи и косы Чушка на отметках 2,5–3 м ниже современного уровня моря. К этому же возрастному интервалу относится формирование низкой террасы с отметками +3–3,5 м, фрагменты которой прослеживаются на участках побережья, испытывающих активное современное поднятие (Таманский залив, Азовское побережье Тамани).

Археолого-палеогеографические данные свидетельствуют о существовании в позднем голоцене периода относительного понижения уровня моря, так называемой «фанагорийской» регрессии, который охватывает возрастную интервал конца II тыс.

до н. э. до середины I тыс. н. э. Максимум этого понижения, вероятно, составлял около 5–6 м и приходился на начало I тыс. до н. э. Геоморфологические данные о «фанагорийской» регрессии существенно дополняются материалами изучения археологических остатков на дне Таманского залива и Керченского пролива, согласно которым во второй половине I тыс. до н. э. отмечается повышение относительного уровня моря с отметок 5,5–6 м до 2–3 м ниже современного. Присутствие ранне-средневековых комплексов в пределах затопленных участков античных поселений свидетельствует о начале «нимфейской» трансгрессии не ранее VII–IX вв. н. э. (Горлов и др., 2004, с. 117–128). К концу I тыс. н. э. при положении уровня моря, которое приближалось к современному, относится начало формирования современного облика побережья, включая аккумулятивные образования в Керченском проливе и в Черноморском русле Кубани.

Результаты проведенных исследований показали, что локальные тектонические движения оказали существенное влияние на деформацию высотного положения древних береговых образований Таманского полуострова. В частности, осредненные оценки разнонаправленных молодых тектонических движений в пределах отдельных структурных зон составляют 0,5–1,5 мм/год, проявляющихся в пределах сравнительно ограниченных по протяженности участков побережья Таманского залива. В связи с этим, несомненно, их влияние на высотное положение различных археологических и литолого-геоморфологических индикаторов положения уровня моря в позднем голоцене. В частности, это касается и существующих оценок понижения относительного уровня моря во время «фанагорийской» регрессии, амплитуда эвстатической составляющей которой, по нашему мнению, не превышала 2,5–3 м (Fouache et al., 2001, p. 599–611; Поротов и др., 2004, с. 63–77). Более корректной оценке

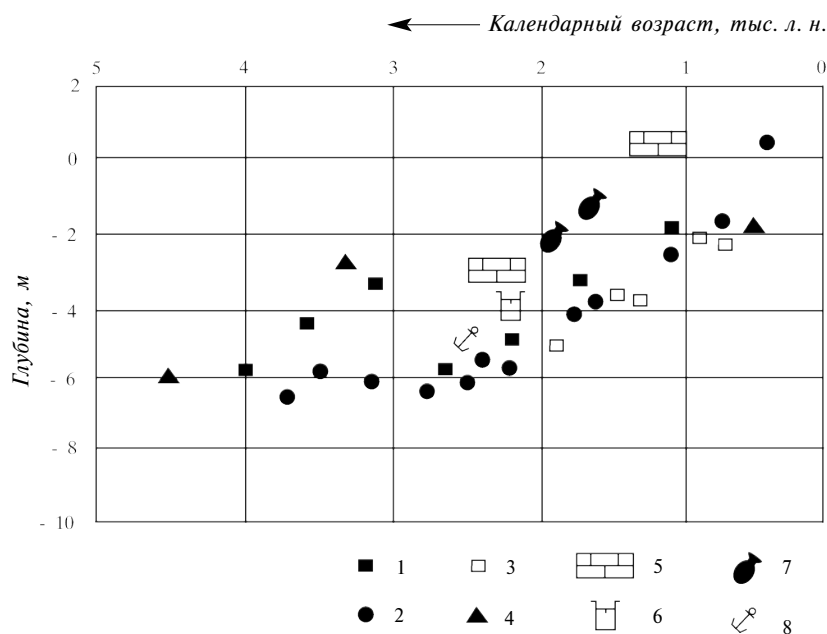

Рис. 1. Изменения относительного положения уровня моря в позднем голоцене для черноморского побережья Таманского полуострова на основе датированных горизонтов раковинного материала в строении отложений Джеметинской террасы (1), Черноморской дельты Кубани (2), Таманского залива (3), косы Чушки (4), а также затопленных археологических объектов: вымостки и кладки (5), колодцы (6), амфоры (7) и якоря (8).

темпов неотектонических движений препятствует фрагментарность развития и узкий временной интервал установленных следов древних береговых линий.

Полученные оценки положения относительного уровня моря для побережья Таманского полуострова за последние 3 тыс. лет характеризуются значительной схожестью с различными участками Черноморского побережья, а наблюдаемые различия не выходят за пределы погрешности, связанной с точностью проводимых реконструкций. Отмечаемые различия могут быть объяснены влиянием вторичных процессов на современные глубины залегания археологических памятников, что требует крайне осторожного подхода при использовании археологических данных для решения палеогеографических задач. Эти результаты неоднозначно сопоставляются с материалами изучения эвстатических колебаний уровня Средиземного моря, который по дан-

ном ряда исследователей к началу I тыс. до н. э. находился в среднем на 1–2 м ниже современного. В общем виде, кривые изменения уровня для Средиземного моря далеко не повсеместно фиксируют регрессивный максимум в первой половине I тыс. до н. э., что позволяет предполагать о существенных региональных особенностях развития голоценовой трансгрессии Черного моря, связанных с особенностями водного баланса и региональным неотектоническим режимом побережья (Горлов и др., 2004, с. 117–128).

Изучение осадков Таманского залива позволило реконструировать картину палеогеографического развития изучаемого района в позднем голоцене. Эрозионно-тектоническое понижение залива постепенно заполнилось водами Керченского пролива и превратилось в полуизолированный морской залив в первой половине IV тыс. до н. э. Ко второй половине I тыс. до н. э. сформировались аккумуля-

мулятивные образования в Керченском проливе: барьерная система из палео-Тузлы и палео-Чурубашской косы в его южной части и коса Чушка в северной. В это же время внутренняя часть Таманского залива частично или полностью отгородилась от акватории Керченского пролива барьерной формой — Маркитанской банкой, сравнительно долго существовавшей как надводное образование. Относительное положение уровня моря в это период было на 5–5,5 м ниже современного. В первой половине II тыс. н. э. произошла активизация смещения Маркитанской банки, сопровождавшаяся последующим ее затоплением, связанная как с повышением уровня, так и с усилением штормовой активности в Черном море в период «средневекового климатического максимума». Результаты исследований на побережье Таманского залива наглядно иллюстрируют влияние локальных структур на деформацию высотного положения древнебереговых отложений позднеголоценового возраста. В вершине Таманского залива (от уреза моря до абс. отметок -2,5–3 м) в пределах депрессии, протягивающейся к востоку в сторону Ахтанизовского лимана (так называемый «Субботин ерик»), бурением была вскрыта однородная толща покровных суглинков, без каких-либо следов перерывов, связанных с существованием одной из дельтовых протоков Кубани, что подтвердило выводы, сделанные ранее на основе анализ и дешифровки аэрофотоснимков (Лопанов, Горлов, 1995, с. 135–137).

Важное значение для исторической географии полуострова имеет также и то обстоятельство, что в толще голоценовых отложений Таманского залива отсутствуют следы как собственно кубанского аллювия, так и влияния опресняющего воздействия речных вод на видовой состав морских моллюсков, что свидетельствует о том, что ни один из рукавов Кубани не впадал в Таманский залив за последние 6 тыс. лет (Горлов и др., 2002). Следовательно, мы

можем исключить вероятность существования другой дельтовой протоки Кубани — «Шимарданской», впадавшей, по мнению ряда исследователей, в залив в районе пос. Приморский, и отказаться от традиционной идентификации Корокондамитского озера с Таманским заливом. В противном случае нам придется высказать серьезные сомнения в точности описания Азиатского Боспора Страбоном. Скорее под Корокондамитским озером можно рассматривать палео-Кизилташский лиман, существование которого в черноморском русле Кубани в период «фанагорийской регрессии» установлено нашими исследованиями (Каплин и др., 2001, с. 51–57; Поротов и др., 2004, с. 67–70).

Итак, мы можем сделать вывод о том, что в период «фанагорийской» регрессии Таманский полуостров представлял собой один крупный остров, упоминания о котором сохранила боспорская эпиграфика (КБН, 40, 697, 982, 1000). Современные Голубицкая и Темрюкская возвышенности, а также Благовещенский останец, вероятно, представляли собой небольшие острова, расположенные соответственно в азовском и черноморском устьях Кубани. Таким образом, историко-географические представления о Таманском полуострове, как архипелаге дельтовых островов, разделенных протоками палео-Кубани, широко используемые при описании его ландшафтно-геоморфологических условий, в период греческой колонизации не получили своего подтверждения.

Палинологически был изучен керновый материал ряда черноморских скважин (рис. 2), вскрывших толщу дельтовых отложений Кубани, представленную комплексом парагенетически взаимосвязанных лиманно-морских, аллювиальных, озерных, болотных и субаэральных фаций, характеризующих условия развития Кубанской дельты за последние 6 тыс. лет. Возрастная привязка палинологических данных основывалась на серии радиоуглеродных определений

возраста, полученных в основном по раковинному материалу. Результаты проведенных исследований позволили впервые получить схему динамики ландшафтно-климатических условий Таманского полуострова, отражающую проявление общеклиматических тенденций позднего голоцена на фоне локальных ландшафтно-геоморфологических условий, испытывавших существенные изменения под влиянием колебаний уровня моря. На протяжении изученного интервала с конца раннеатлантического субпериода до середины субатлантического периода сменились 13 фаз в развитии растительности и климата. В южной части полуострова и, возможно, прилегающем районе нижней Кубани на протяжении большей части исследуемого периода были развиты степные и лесостепные ландшафты. Наиболее теплыми и сухими условиями характеризовались фазы в интервалах 4100–3950, 3500–3300/3200, 2800–2400, 1650–1300 и 1000–900/800 лет назад. Максимумам увлаженности отвечают хронологические интервалы 4500–4300 и 3950–3500 лет назад, во время которых на исследуемой территории доминировали широколиственные леса.

С середины I тыс. до н. э. до середины I тыс. н. э. развитие господствовавших в начале и в конце этого хронологического интервала разнотравно-маревых степей прерывалось фазами более влажного климата, вызвавшего сначала расширение площади лесостепной растительности, а затем весьма широким распространением широколиственных лесов при доминировании лесостепных ландшафтов. Еще одна важная выделенная особенность палиноспектров связана с хозяйственной деятельностью человека. Наиболее ранние находки пыльцы культурных злаков (*Cerealia*) принадлежат эпохе поздней бронзы, к которой, вероятно, следует отнести начало антропогенного воздействия на природную среду Таманского полуострова. О возросшей интенсивности сельскохозяйственной деятельности в антич-

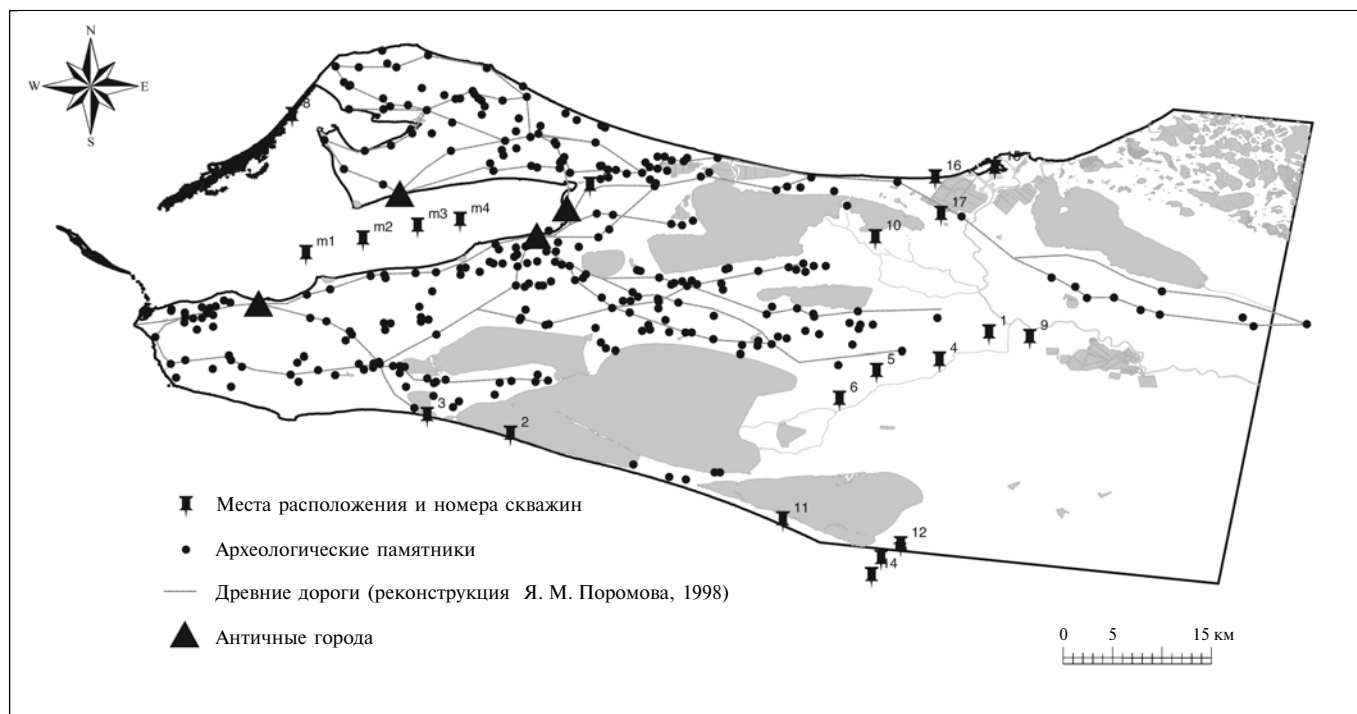

Рис. 2. Схема района исследования.

ную эпоху свидетельствует самое высокое содержание в составе палиноспектров пыльцы культурных злаков в рассматриваемый период голоцена, а также появление и рост содержания пыльцы *Plantago* других сорняков (Болыховская и др., 2002, с. 257–271).

Для уточнения надежности возрастной привязки этих данных было проведено параллельное изучение реперных слоев Фанагорийского городища, характеризующих отдельные периоды в истории этого памятника. Полученная спорово-пыльцевая диаграмма отразила особенности, связанные с условиями расположения памятника и интенсивной деятельностью человека, а также основные этапы развития зональной и локальной растительности за последние 2,5 тыс. лет.

Полученные результаты пока носят предварительный характер, предложенная хронология не имеет жестких границ, поскольку не может абсолютно соответствовать археологической стратиграфии, однако общие тенденции в динамике ландшафтно-климатических изменений на побе-

режье Таманского залива прослеживаются. Например, в конце IV–III вв. до н. э., в период смены суббореального периода субатлантическим, при сохранении господства открытых степных ландшафтов происходит увеличение древесной и кустарниковой растительности, появляются плодовые деревья и кустарники, среди которых виноград. А в III в. до н. э. имело место сокращение лесной и кустарниковой растительности почти вдвое, но составляющая хвойных пород при этом выросла до 41,9%. У нас отсутствует полноценная информация о периоде II в. до н. э. – I в. н. э.; вероятно, это обстоятельство объясняется особенностями стратиграфии городища. Во II–III вв. н. э. складывается ситуация, в которой господствовала сухая, возможно, локальная степь как результат интенсивной хозяйственной деятельности человека (Горлов и др., 2005).

Активное применение в проекте нашли результаты дистанционного зондирования земной поверхности, которое представлено в проекте источниками информации и специфи-

ческими методами анализа данных. Основным способом применения аэрофотоснимков был поиск новых и идентификация ранее известных памятников. Космические снимки благодаря анализу многоспектральных данных позволяли не только выявлять поселения, некрополи, системы организации землеустройства, но и их внутреннюю структуру, обычно недешифрируемую на аэрофотоснимках. В результате археологических разведок было обследовано более 300 памятников на общей площади около 1800 км². Около 25% из них выявлено впервые, из известных ранее удалось идентифицировать 95%. Местоположение всех памятников фиксировалось с помощью приемника GPS.

Отдельной задачей исследования стало составление археологической геоинформационной системы (ГИС) Таманского полуострова. Для создания первичной топографической основы ГИС использовались снимки «СОЮЗ» КФА-1000 и панхроматический «SPOT». В качестве координатной системы была выбрана широко распространенная проекция UTM с

моделью Земли WGS-84, базовая при работе с GPS-приемниками. Тематическое содержание ГИС Таманского полуострова определяется созданными в результате полевых работ базами данных. В первую очередь это геокодированная база данных для всех обследованных археологических памятников и база данных геологических скважин. (Требелева, Горлов, 2004, с. 437–438; Требелева, Горлов, 2005). Наличие географических координат для всех памятников позволяет легко отображать их на карте, подбирая для каждого конкретного запроса подходящую картографическую нагрузку. Еще одним тематическим слоем ГИС стала мозаика из крупномасштабных топографических карт, на основании которой с помощью специального геостатистичес-

кого модуля была создана трехмерная модель ландшафта полуострова, позволяющая проводить полноценный пространственный анализ археологических памятников с учетом рельефа местности. (Требелева, 2005, с. 9–13). Принцип многослойности, реализованный в современных ГИС, способствует привлечению к анализу непосредственно археологических данных результатов исследований смежных дисциплин (геоморфологии, палинологии, палеогеографии и т. п.), помещая археологический материал в контекст соответствующих тематических слоев (Гарбузов и др., 2001, с. 246–249; Требелева, Горлов, 2004, с. 440–441; Требелева, Горлов, 2005). Созданная ГИС может успешно использоваться как для решения различных анали-

тических научных задач, так и для организации системы охраны памятников археологии в данном регионе, в том числе и для археологического мониторинга состояния памятников.

Результаты исследований были положительно оценены нашими коллегами на научных конференциях в Безье (Müller et al., 1998, p. 141–153), в Москве (Горлов, Поротов, 2000, с. 24–26; Требелева, Горлов, 2005); в Генте (Müller et al., 2000, p. 97–104), в Лейдене (Müller et al. 2000a, p. 97–104), в Санкт-Петербурге (Гарбузов и др., 2001, с. 246–249; Болиховская и др., 2001, с. 33–36), в Сухуме (Горлов, Поротов, 2004, с. 81–187), в Гданьске (Fouache E. et al., 2004, p. 47–57).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамзон М. Г., Гаибов В. А., Горлов Ю. В., Мюллер К., Фуаш Э., Поротов А. В., 1999. Исследования в рамках Таманского регионального археологического проекта (ТРАП) в 1998 году // ПИФК. Вып. VII.
- Болиховская Н. С., Поротов А. В., Горлов Ю. В., 2001. Эколого-палеогеографические условия Таманского полуострова в античную эпоху и предшествующие периоды голоцена // Пыльца как индикатор состояния окружающей среды и палеоэкологические реконструкции. Международный семинар. Министерство Природных Ресурсов РФ, ВНИГРИ, Палинологическая комиссия РАН, Общественный региональный экологический фонд «Организм и среда». Спб.
- Болиховская Н. С., Горлов Ю. В., Кайтамба М. Д., Мюллер К., Поротов А. В., Парунин О. Б., Фуаш Э., 2002. Изменения ландшафтно-климатических условий Таманского полуострова на протяжении последних 6 тысяч лет // ПИФК. Вып. XII.
- Гарбузов Г. П., Мюллер К., Горлов Ю. В., 2001. Использование геоинформационных технологий в Таманском региональном археологическом проекте // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы научной конференции. Часть II. СПб.
- Горлов Ю. В., Поротов А. В., 1998. Изменение уровня Черного моря в позднем голоцене по материалам геоморфологических и археологических исследований // ПИФК. Вып. VI. 1998
- Горлов Ю. В., Поротов А. В., 2000. Палеогеографическая ситуация в устье Кубани (Таманский полуостров) в эпоху позднего голоцена // Антиковедение на рубеже тысячелетий: междисциплинарные исследования и новые методики (информатика, подводная археология и создание компьютерной базы данных). М.
- Горлов Ю. В., Поротов А. В., 2002. К проблеме палеогеографии Таманского полуострова // Сборник Русского исторического общества. № 4 (152). М.
- Горлов Ю. В., Поротов А. В., Янина Т. А., Фуаш Э., Мюллер К., 2002. К вопросу об историко-географической ситуации на Таманском полуострове в период греческой колонизации // ПИФК. Вып. XII.
- Горлов Ю. В., Поротов А. В., Столярова Е. В., 2004. К оценке изменений уровня Черного моря в античный период по археолого-палеогеографическим данным // Древности Боспора. Том 7.
- Горлов Ю. В., Поротов А. В., 2004. Некоторые аспекты палеоэкологии Северо-Западного Кавказа // Кавказ: история, культура, традиции, языки. По материалам международной научной конференции, посвященной 70-летию АБИГИ им. Д. И. Гулия АНА. Сухум.
- Горлов Ю. В., Кайтамба Л., Поротов А. В., 2005. Палеоэкологический фактор в социально-экономическом развитии Боспора Киммерийского // Боспорский феномен.
- Каплин П. А., Поротов А. В., Янина Т. А., Горлов Ю. В., Фуаш Э., 2001. Возраст и условия формирования Бугазской пересыпи // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 2.
- Поротов А. В., Горлов Ю. В., Янина Т. А., Фуаш Э., 2004. Особенности развития черноморского побережья Таманского полуострова в позднем голоцене // Геоморфология. № 4.

- Требелева Г. В., Горлов Ю. В., 2004. Применение ГИС-технологий в комплексных палеогеографических и археологических исследованиях на Тамани и Абхазском побережье // ПИФК. Вып. XIV.
- Требелева Г. В., Горлов Ю. В., 2005. ГИС-технологии: использование в исследованиях на Тамани и Абхазском побережье // CD. Второй круглый стол «Археология и геоинформатика» (Москва, 7 апреля 2004 г.). Сборник статей. М.
- Требелева Г. В., 2005. Оборона территории Азиатского Боспора в первые века нашей эры: историческое моделирование на основе ГИС-технологий. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.
- Facorellis Y., Maniatis Y., 1998. Apparent ^{14}C ages of marine mollusk shells from a Greek islands: calculation of the marine reservoir effect in the Aegean sea // Radiocarbon. V. 40. № 2.
- Fouache E., Porotov A., Müller C., Gorlov Y., 2001. Le possible rôle de la néotectonique dans les variations relatives du niveau marin sur la presqu'île de Taman (Mer Noire, Mer d'Azov, Russie) // TOPOI, Orient-Occident. Vol. 11/2.
- Fouache E., Porotov A., Müller C., Gorlov Y., 2004. The role of neotectonics in the variation of the relative mean sea level throughout the last 6000 years on the Taman peninsula (Black Sea, Azov Sea, Russia) // Colloque «Rapid Transgression into semi-enclosed basins». PIGG 464. Gdansk. Polish Geological Institute (Pologne). 8–9–10 mai 2003. «Polish Geological Institute. Special Papers». Vol. 11.
- Morhange Ch., Oberlin Ch., 2000. Estimation de l'âge apparent local de l'eau de mer dans le cas du Vieux de Marseille // Méditerranée. T. 94.
- Müller C., Fouache E., Gaibov V., Gorlov Y., 1998. Approche Geoarchéologique de paysages de la presqu'île de Taman (Mer Noire, Russie) // Actes du Colloque «Cite et Territoires II, Environnement antique et Amenagement, Statut et Territoire des cites antiques». Ville de Beziers, Service Régional de Archéologie, CNRS, 24–25 octobre 1997.
- Müller C., Fouache E., Gaibov V., Gorlov Y., 1998a. Péninsule de Taman (Russie meridionale). (Rapport sur la campagne 1997) // ПИФК. Вып. VI.
- Müller C., Fouache E., Gorlov Y., Abramzon M., Gaibov V., Porotov A., 1999. Péninsule de Taman (Russie meridionale) // BCH. 123.2.
- Müller C., Gorlov Y., Abramzon M. et al., 2000. Chronique des fouilles et découvertes archéologiques dans le Bosphore cimmérien (mer Noire septentrionale) // BCH. 124. 2000.
- Müller C., Fouache E., Gaibov V., Gorlov Y., Porotov A., 2000a. Geoarchaeological Study of the Taman Peninsula and the Kouban Delta (Black Sea, Sea of Azov, Russia) // Actes du Colloque «Geoarchaeology of the landscapes of classical antiquity». International Colloquium Ghent, 23–24 October 1998. Leiden.
- Sianti G., Paterne M., Arnold M., 2000. Radiocarbon reservoir ages in the Mediterranean sea and Black sea // Radiocarbon. V. 42.
- Stuiver M., Reimer P. J., Braziunas T. F., 1998. High-precision radiocarbon age calibration for terrestrial and marine samples // Radiocarbon. V. 40. № 3.

Поселение и святилище «Береговой 4»

Итоги исследований в 1999–2004 гг.

Памятник, располагающийся на западной оконечности Фонталовского полуострова, на берегу Таманского залива, примерно в 5 км к северо-западу от Патрея, в 1961 г. был обследован, а в 1963 г. исследовался раскопками Таманской экспедицией ИА АН СССР (Сокольский, 1963, с. 87–89). Раскоп площадью 75 м² в южной части памятника не выявил строительных остатков (как и шурфы в северной). Культурный слой на раскопе был насыщен материалами керамического сброса, образовавшегося, по мнению исследователей, вследствие строительных работ не ранее II в. до н. э. (Стручалина, 1966, с. 120). В целом находки из слоя датированы концом VI–I вв. до н. э. В 1981 г. памятник обследовался Я. М. Паромовым (Паромов, 1981, с. 29–30; 1992, с. 188–192, рис. 50; Абрамов, Паромов, 1993, с. 48–49). Исследователь оценивает площадь памятника по подъемному материалу ок. 46,5 га. Культурный слой в береговых обнажениях доходит до 2 м, в среднем, как правило, не превышая 1–1,3 м. По материалам сборов с поверхности памятника Я. М. Паромов датировал «Береговой 4» VI в. до н. э. – III в. н. э. и определил его тип как «сельское поселение». В работе, посвященной главным дорогам Таманского по-ва

в античное время, тот же автор отметил, что через поселение Береговой 4 проходила дорога, связывающая его с Патреем, с одной стороны, и «Каменной батареей» (Береговой 3) и далее — Батареей I, городищем Ильич I, — с другой (Паромов, 1998, с. 225, рис. 2).

В 1985–1988 гг. на памятнике проводил исследования Б. Г. Петерс¹. Два небольших раскопа (I и V) были разбиты им в северной части памятника, у берегового обрыва. Здесь был вскрыт культурный слой мощностью до 1 м с материалами с конца VI по I в. до н. э. со строительными остатками в нижней части отложений (обрывок каменной кладки и вымостки). В средней части памятника, на отрезанном оврагами с севера и юга мысу было заложено три раскопа. Раскопы II и III (по 25 м² каждый), расположенные ближе к морю, показали отсутствие культурного слоя (лишь единичные маловыразительные находки). А раскоп IV (площадью 100 м²), заложённый в самой высокой точке мыса, привел к интересному открытию. В 1–2 штыках насыщенного культурного слоя были найдены обломки и почти целые терракотовые статуэтки (например, см. Петерс, 1996, рис. 1–8, с. 227), разнообразные кувшинчики и флаконы, монеты, наконечники стрел, бусы, све-

тильники (см. Петерс, 1996а, с. 46–48; Журавлев, Завойкин, 2004). Помимо скоплений находок в верхнем горизонте фиксировался слой камки и бессистемный развал камней. Исследователь резонно предположил, что имеет дело с остатками святилища.

В 1999–2004 гг. исследования на памятнике были продолжены² (Завойкин, Сударев, 2002; 2003; 2004). Основные усилия сосредоточены на двух участках: в северной части берегового обрыва (поселение), раскоп I, и на раскопе IV в центральной части (святилище); в последний год исследований начаты работы в южной части памятника (вплотную к раскопу Н. И. Сокольского), а также к северу от раскопа I был выявлен ранний некрополь; в течение ряда лет (с 2001) велись работы в затопленной части памятника (совм. с А. Н. Шамраем).

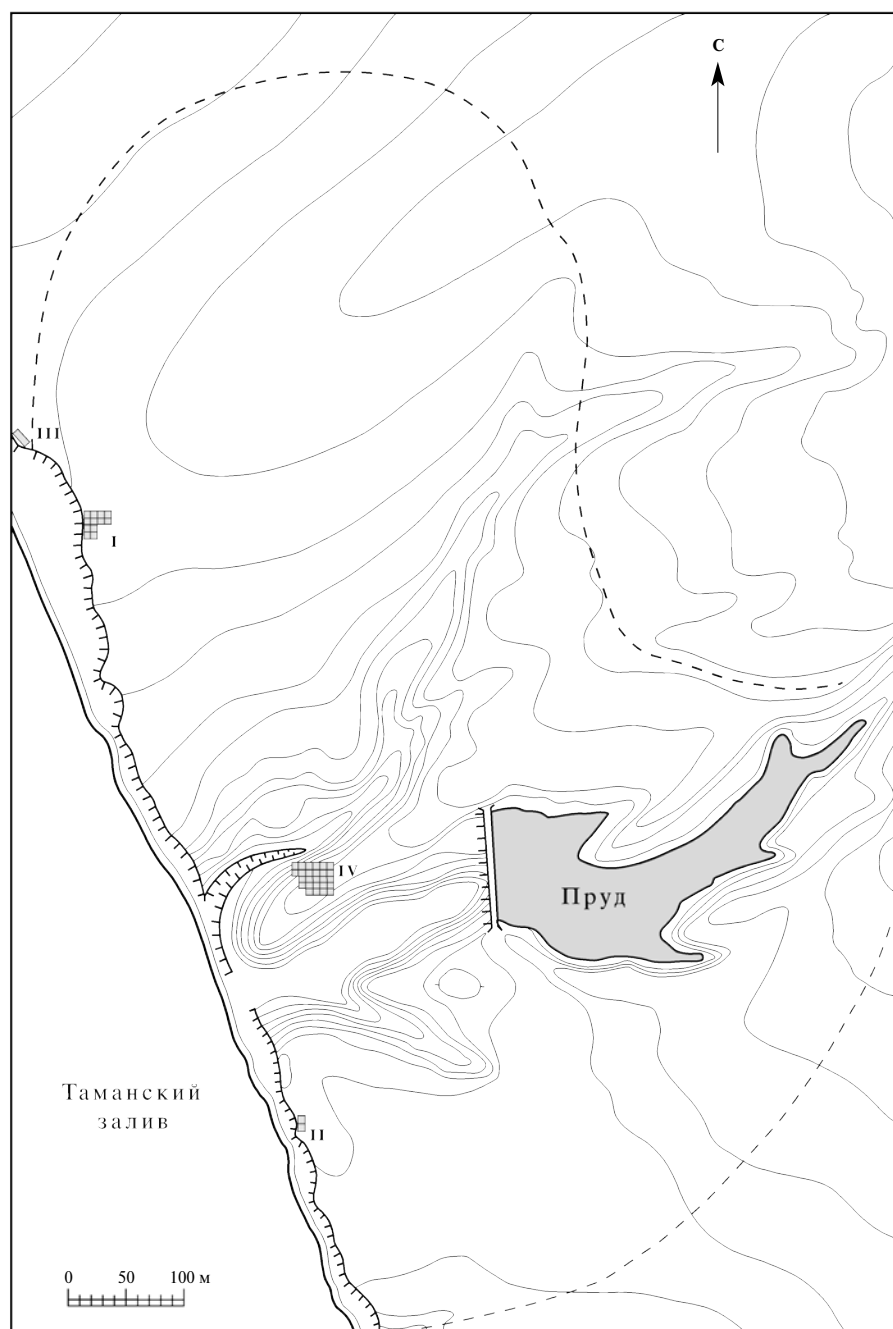
На раскопе IV в течение пяти полевых сезонов на площади 500 м² был целиком вскрыт уникальный культовый комплекс рубежа VI–V по примерно середину I вв. до н. э., связанный с культом богинь плодородия.

Связь этого культа с ландшафтом обусловлена двумя основными факторами. Во-первых, овраги, отрезающие мыс, на котором располагалось святилище, с севера и юга, представляют собой устьевую часть водото-

ков, берущих начало на западном склоне г. Горелой (Куку-Оба). В настоящее время непосредственно у юго-восточного основания мыса, сооружена плотина, отрезающая южную балку от моря, в результате чего образовался Орловский пруд, подпитываемый грунтовыми водами и не пересыхающий даже в засушливый сезон. Во-вторых, примерно в 2 км восточнее возвышается (104 м над уровнем моря) грязевой вулкан — г. Горелая — прямой путь в преисподнюю³. С такими местами связаны у эллинов культы хтонических божеств (например, святилище на г. Майской к югу от Фанагории — Марченко, 1962; 1963). Отправляемые здесь обряды тесно связаны со стихиями воды и огня.

Культурный слой святилища, мощность которого не превышала 0,50–0,60 м, образовывал на древней поверхности небольшой холмик (хорошо различимый на аэрофотосъемке 1958 г.), который располагался в средней части образованного оврагами мыса, вплотную к крутому северному склону. Толщина слоя плавно убывает от центра к периферии, сходя на нет. Сложен слой желто-коричневыми лессовидными суглинками, в нижней части — более рыхлыми и насыщенными известняковыми включениями. Именно с этим нижним горизонтом связаны наиболее ранние комплексы и находки в центральной части святилища.

Строго говоря, сплошной насыпи культурного слоя на святилище не образовалось: она состоит из серии разновременных и разнохарактерных комплексов (культовые площадки с приношениями; разного рода алтарики-эсхары — наземные из камня и сырцового кирпича и углубления — ямки, в которые помещались вотивы; сырцово-кирпичные стенки ограды священного участка на завершающей стадии функционирования; и т. д.) и «обрамляющего» их грунта, связанного, как представляется, с естественным почвообразованием, если и не стерильным (быть может, только в силу несовершенства раскопочной

- Граница поселения Береговой 4
- Обрыв
- ▣ Участки раскопов

Топографический план поселения «Береговой 4».

методики), то представляющим собой своего рода «шлейф» культовой практики. В нем встречаются обломки (как правило мелкие) тех вещей, которые использовались в ходе ритуала и, возможно, остатки случайно разрушенных сакральных комплексов при устройстве новых.

Уместно добавить, что ямы (перекопы) на святилище не были выявлены, за исключением серии (ок. 20) ям-эсхар в северо-западном углу святилища, заполненных углями и золой. Таким образом, с учетом, что на исследованном памятнике на протяжении почти полутысячелетия его

Протома Деметры из эсхары. Терракота, IV в. до н. э.

формирования и до наших дней никогда ничего иного кроме святилища не было, все осталось на своих местах в том положении, как было оставлено древними.

Возникновение святилища, судя по наиболее ранним находкам, относится к концу VI в. до н. э., а завершается его жизнедеятельность — примерно в середине I в. до н. э., поскольку более поздние вещи в нем почти⁴ не представлены. Определяющую роль в установлении верхней даты играет отсутствие светлоглиняных амфор с двуствольными ручками (Завойкин, 2005). Однако такие категории массового материала как монеты (тип: Зограф, 1951, XLIII, 18; Болдырев, Завойкин, Сударев, 2004) и «мегарские чаши» (отсутствие группы боспорских) позволяют ставить

вопрос о 1-й четверти I в. до н. э. в качестве финальной даты.

В настоящее время (прежде, чем завершена полная обработка всех материалов) в истории святилища можно выделить два периода. Ранний — конца VI — 1-й половины V в. до н. э. и поздний, — после значительного хронологического разрыва, — не ранее 2-й половины (или конца?) IV — 1-й половины I вв. до н. э. Во всяком случае, отсутствие в коллекции целого ряда групп массового материала (амфор, чернолаковой и расписной керамики) заставляет считать, что на протяжении целого века, если не полутора, святилище пребывало в запустении⁵.

Несмотря на этот временной разрыв, наблюдается преемственность в отправлении культа, хотя наблюда-

ются и некоторые изменения в его конкретных проявлениях. На протяжении и первого и второго периода это было место, где люди поклонялись одним и тем же божествам плодородия. Прежде чем перейти к описанию того, каким именно образом они это делали, пожалуй, стоит сообщить о характере культа.

Отсутствие граффити, казалось бы, лишает нас оснований для уверенной атрибуции божеств, которым здесь поклонялись. С другой стороны, направленность его на плодородие (в тесной связи с водной стихией), хтонический его аспект (при близости ко входу в Аид); несомненный приоритет женского начала; наконец, репертуар короластики (Деметра и Кора — Персефона, в III/II — 1-й половине I вв. до н. э. к

Сидящие Деметра и Кора – Персефона. Терракота, IV в. до н. э.

ним добавляются Кибела и Вакх – Дионис) вводят нас в круг мифологических представлений элевсинского круга. Само отсутствие в святилище посвященных надписей, упоминающих имена чтимых божеств, красноречиво свидетельствует в пользу культа мистериального характера. Но мы располагаем еще более ясным критерием для атрибуции «безымянных богинь». На красноглиняном

гидриске в одном из поздних комплексов-кострищ отчетливо читаем пометку, выведенную ретроградно белой акварельной краской: QQE. В том, что это инициалы элевсинской триады (богиня [Деметра], богиня [Кора], Эвбулей) едва ли можно сомневаться. Менее внятно читается дипинто красной краской на тулове гидриска из другого комплекса: четко читается Q под ручкой, возможно,

потом вторая, и еще какой-то округлый знак. Наконец, видимо, не случайно в большинстве комплексов представлено приношение *трех* (или *двух*) сосудов божествам: Деметре и Коре – Персефоне в любом случае, третьим мог быть Плутон – Аид, Эвбулей или Триптолем, Иакх – Вакх – Дионис (Завойкин, 2002; 2003).

Не имея возможности в краткой заметке характеризовать детали и ва-

Статуэтка Афродиты, сидящей на скале. Терракота, II–I вв. до н. э.

рианты обряда, предлагаем его обобщенное описание, характеризующее основное культовое действие, суть которого в принципе сохранялась на всем протяжении функционирования святилища. На подготовленной (горизонтальной) площадке возжигался огонь. Обычно открытый, иногда — ограниченный переносным керамическим кольцевидным очажком. Слабая степень прожженности грунта и незначительность золистых остатков говорит о том, что, скорее всего, огонь был не сильным, воз-

можно, подпитывался травянистыми растениями без участия животной органики и дерева⁶. Отсутствие костей животных говорит о бескровных жертвах (в слое и некоторых объектах найдены кости птицы, свиньи и собаки, реже — мелкого рогатого скота). Рядом с кострищем (или в него, после того как пламя угасло⁷) клали приношения, которые покрывали камкой и землей. В числе вотивов найдены следующие категории вещей. Чаще других — миниатюрные сосуды (обычно группами по два или

три, как правило разных типов и (или) разных размеров⁸), и прежде всего гидриски (в одном случае, рядом с керамическим — два крохотных из металла). Этот тип фигурирует и в виде налепов на кольцевидных (полых внутри) керносах⁹, фрагменты которых (с тремя гидрисками каждый) тоже клали как вотивы или использовали в качестве предметов ритуального обихода. Вместе с ними представлены маленькие кувшинчики (ольпы): простые, с крашеным венчиком и верхней частью ручки;

Мальчик Дионис, играющий с собачкой. Терракота, II–I вв. до н. э.

тонкостенные полосатые аттического производства; чернолаковые (два случая, оба сосуда без верхней части); однажды найдена миниатюрная чернофигурная ойнохоя (Завойкин, 2003, с. 117, рис. I: 3а–б, 4а; 5а, б; 4б).

Помимо сосудов в небольшом количестве найдены терракотовые вотивы в виде грозди винограда, «лошадки», косточки миндаля и медальоны: один с изображением головы Афины, один — с Горгоной (Завойкин, 2003а).

Образцы короластики найдены в большинстве случаев фрагментированными (иногда, несомненно, намеренно измельченные). В коллекции представлены в основном изображения богинь круга Деметры–Коры/Персефоны в различных типах и позах (сидящие на троне и стоящие; протомы, с плодом граната и цветком; в калафе, Деметра «скорбящая» в покрывале и т. д.), разного времени. Или же это изображения мифологических персонажей, связан-

ных с их культом. Необходимо обратить внимание на двойные статуэтки богинь и пару статуэток богинь на тронах, найденных вместе (Завойкин, 2003, с. 118, рис. 1–3). В верхнем горизонте найдены превосходные образцы масок Диониса (конец II–I-я половина I в. до н. э.), аналогичные найденным в Пантикапее (Голстикова, Виноградова, 1999, с. 288, рис. 7: 1–8, 12), Мирмекии (Денисова, 1981, с. 65–66, табл. XXI–XXII), Херсонесе¹⁰ и др. В верхнем же слое

была найдена статуэтка Кибелы (и фрагмент другой), статуэтка «Афродиты сидящей на скале» и т. д. Из числа мужских персонажей представлен юный Дионис, играющий с собачкой (Завойкин, 2006), и Аттис (ручка чернолакового кубка).

Состав находок определенно указывает, что святилище связано с культом Деметры¹¹—Коры (Персефоны). К нему имеет прямое отношение и Дионис¹²—Иакх, бог производящих сил природы и покровитель растительного мира, хотя появление его изображений здесь, возможно, и связано с обстоятельствами далекими от культа плодородия¹³.

Кроме отмеченных приношений встречаются скромные женские украшения: колечки¹⁴, серьги, бусы, браслеты. Возможно, в качестве вотивов фигурируют редкие бронзовые наконечники стрел, но не исключено, что они связаны с каким-то эпизодом жизни памятника, хотя вряд ли¹⁵. В верхнем горизонте присутствуют медные монеты последней четверти IV—1-й четверти I вв. до н. э. (Болдырев, Завойкин, Сударев, 2004), однако денежные приношения не свойственны для раннего периода истории святилища (с некоторыми оговорками это замечание касается и предметов короластики).

В слое найдены разрозненные и немногочисленные обломки намеренно битых расписных (чернофигурных) чаш и рельефных, оттиснутых в форме (с растительными и сюжетными изображениями). Некоторые бытовые предметы использовались вторично в культовых целях. Об этом говорит и численное соотношение верхних и нижних (абсолютно преобладают) частей сосудов (ср. Тульпе, 1999, с. 338—243; Завойкин, 2005) и то, что не редко эти нижние части (сколь возможно судить по заизвесткованности и затертости их сколов) зафиксированы «втоптан-ными» в землю донцем вверх. В большинстве случаев это донца кувшинов, главным образом маленьких, аналогичных тем, что встречены среди вотивных приношений; несколько

случаев — ножки чернолаковых канфаров; однажды в такой же позиции найдена ножка хиосской пухлогорлой амфоры 3-й четверти V в. до н. э. (в сравнительно позднем комплексе). Отметим, что подобного рода находки (поддоном вверх) — распространены в погребальных памятниках Боспора (Сорокина, Сударев, 2001, с. 134—136). Во всяком случае, не вызывает никаких сомнений, что такое положение данных предметов — часть обряда.

Среди вотивов присутствуют раковины моллюсков и гальки яйцевидной формы, что вполне понятно в контексте культа плодородия. В качестве фаллического символа представлены ножки хиосских «колпачковых» амфоры IV в. до н. э., которым соответствуют парные находки амфорных ножек с расширенным основанием и выемкой в подошве (Завойкин, 2005).

Помимо комплексов-кострищ выделяются два объекта, сложенных из камня. Это кольцевидная выкладка с дном из плоских камней¹⁶. В ней найдена крупная протома Деметры в стефане и покрывале, крашенном красной краской; рядом с терракотой — керамический оттиснутый в форме медальон с изображением головы Афины в шлеме (позолочен)¹⁷; гальки, кости птицы. Другая «эсхара» — подпрямоугольная в плане, сложена из вертикально поставленных плоских камней, тоже с дном из камня. В ее заполнении зола, угольки, кости птицы, в углу стоял упомянутый ранее однорожковый светильник (III в. н. э.) со следами нагара на носике¹⁸.

На уровне 1—2-го штыков в центральной части комплекса были выявлены отдельные элементы сырцово-кирпичной ограды, видимо, имевшей в плане подпрямоугольные очертания (расчетная длина стороны — ок. 12,8 м), ориентированной по сторонам света углами. Удалось проследить восточный угол и большую часть юго-восточной стены; примыкающий к южному углу отрезок юго-восточной стены¹⁹ с прист-

роенным с внешней стороны ступенчатым алтарем; и северо-западный угол постройки. Сооружение можно датировать не ранее 2-й половины II—1-й половины I в. до н. э.

В восточном секторе стены сложены в сырцово-саманной технике (в глиняные блоки подмешана камка). Сохранившаяся их высота — до 2—3 рядов кирпича. С внутренней (западной) стороны, в ок. 6,7 м от восточного угла, к юго-восточной стене под прямым углом примыкала кладка, параллельная северо-восточной стене. С внешней стороны к юго-восточной стене примыкала кладка кирпича, тянущаяся параллельно стене. Пространство к северо-западу от стены, возможно²⁰, было замощено сырцовым кирпичом сплошь. Не исключено, это остатки поднятого над древней дневной поверхности «пола». На том же уровне на западной границе замощенной площади зафиксированы следы прямоугольного в плане жертвенника, тоже сложенного из сырцового кирпича, поставленного на ребро.

Описанные строительные остатки перекрывают восточный край нижележащего слоя желтого заизвесткованного суглинка, в котором, как говорилось, располагались культовые площадки-кострища.

Над руинами сырцово-саманного сооружения и мощенной площадкой, зафиксирована прослойка камки²¹, на поверхности которой были совершены завершающие в жизни святилища культовые действия. В северной части этого участка они сопровождалась приношением терракотовых статуэток (в основном фрагментированы, но имелись и более сохранные), а в южной — большого количества ритуальных многорожковых (в несколько ярусов) светильников (гончарных и лепных), в большинстве своем битых на мелкие части по месту (Журавлев, Завойкин, 2004, с. 191 сл., рис. 2, 3). По сохранившимся обломкам трудно посчитать число этих светильников (несколько десятков?). В данном горизонте их фрагменты составляют самую много-

Деметра и Кора. Терракота, III–I вв. до н. э.

численную группу находок. Здесь же фиксировались донца сосудов, в том числе поддоном вверх. Любопытно отметить две верхние части многоярусных светильников²², заполненные зубами скота. Выше всех других располагался объект, не характерный для иных уровней культурного слоя. Это компактное скопление измельченных костей (разные части скелета) мелкого рогатого скота — по-видимому, остатки последней культовой

трапезы. То, что это не «случайный» мусорный сброс, — бесспорно, так как среди костей присутствовал кувшинчик, расколотый надвое: верхняя его часть горловиной впущена в грунт, а нижняя вставлена в него донцем. Смысл этого действия не понятен, скорее всего, совершалось возлияние подземным богам.

Южный участок постройки представлял собой отрезок стены, видимо, примыкавшей к южному углу пост-

ройки и прослеженной в длину с юго-запада на северо-восток на 2,93 м (ширина кладки 0,50 м)²³. С юго-востока к стене примыкал ступенчатый алтарь-платформа (1,90 × 1,80 м), сложенная из небольших сырцовых кирпичей в 4 ряда, ориентированные примерно по линии СЗ — ЮВ.

Выше платформы над и на лежащих в несколько уровней прослойках камки, а также между ними фиксировались разного рода керамические

Маска Диониса. Терракота, I в. до н. э.

находки (навершия и обломки многогоржковых многоярусных и одногоржковый светильники; обломки посуды и терракот, в том числе — богиня на троне (без головы), лежащая на спине; и т. д.). В числе находок сравнительно многочисленные обломки амфор. Они концентрировались в нижней северной части комплекса. У большинства нижних частей амфор ножки намеренно отбиты (Завойкин, 2005, рис. 7). Одна из них использовалась в качестве очажка. Три амфорные ножки фигурируют, видимо, в качестве вотивов (хиосская «фаллоидная», херсонесская и неизвестного центра).

Упоминания заслуживает горло гераклейской амфоры, стоявшее вертикально рядом с очажком из ножки родосской амфоры. По-видимому, оно выполняло роль «эсхары». Горло амфоры на святилище, обращенное устьем в землю, подобно тому, как и в тризнах, является, пользуясь выра-

жением И. А. Тульпе, «своеобразной воронкой между 'этим' и 'тем' мирами...» (Тульпе, 1999, с. 340).

Наконец, третий элемент сырцовой постройки — ее западный угол, к северо-западу от которого располагалось пространство, целиком занятое разновременными ямами-эсхарами, заполненными углями и золой. Некоторые из них оказались засыпаны и перекрыты субструкцией под стены сырцовой постройки. По крайней мере некоторые элементы субструкции — платформы были выполнены из сырцовых блоков, сложенных без раствора²⁴. В плане она, вероятно, тоже была подпрямоугольной, хотя прослежено это только в западном секторе.

В 0,60 м к северо-западу от сырцовой стены ограды, параллельно ей, располагался прямоугольный в плане алтарь, выложенный по периметру сырцовыми кирпичами, поставленными на ребро. Остатки еще одного,

видимо, такого же удалось выявить у юго-восточного края платформы. Надо сказать, что такие алтари не имеют сколько-нибудь выраженных следов огня.

Наконец, упомянем своеобразные объекты из камней (одного или нескольких), располагавшиеся на той же площади, что и ямы-эсхары. Они служили своего рода маркерами, отмечавшими место, где в ямках захоранивались приношения, или же выполняли какую-то другую, непонятную для нас функцию.

После того, как святилище было оставлено, сырцовые сооружения ветшали, разрушались под действием природных факторов, сырец расползался в направлении понижения склонов. Однако и на аэрофотоснимке 1958 г. при сильном увеличении, как будто, удается уловить элементы ортогональности в очертаниях холмика культурного слоя у северной балки.

Голова Силена. Терракота, II–I вв. до н. э.

* * *

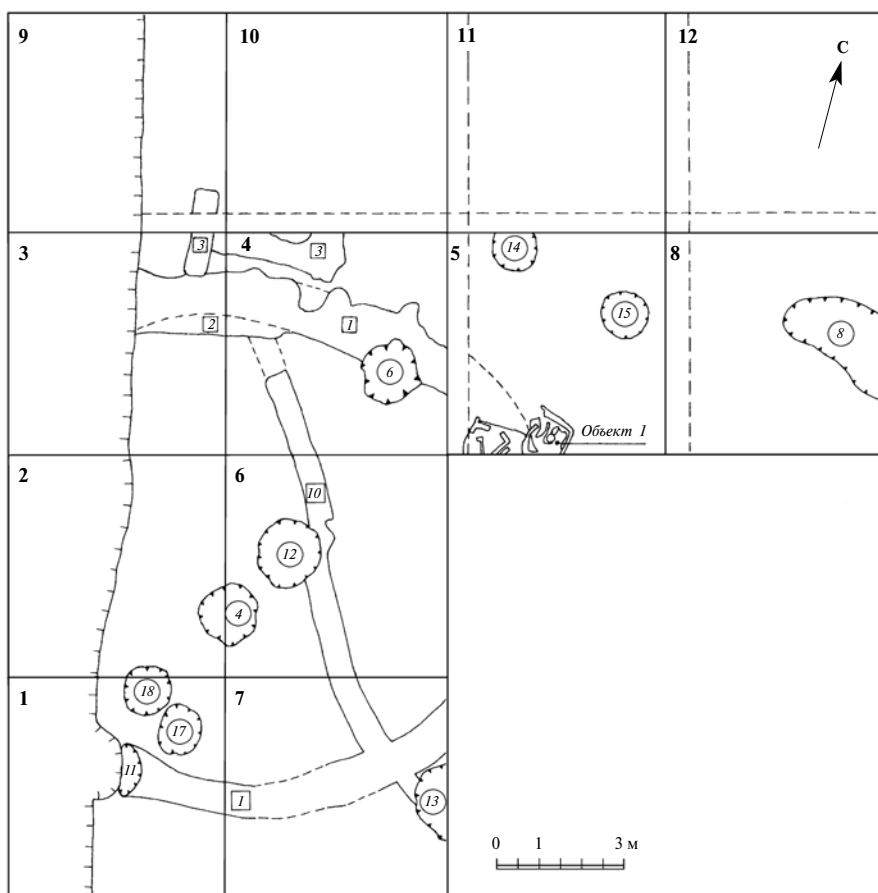
Помимо раскопок на святилище в 1999–2004 гг. производились работы и в северной части памятника. Условно территория памятника была разбита на три части: Береговой 4 Южное, Центральное и Северное. Эти части разделены естественными границами — оврагами-водотоками, берущими начало на г. Куку-Оба. В центральной части находится святилище, о раскопках которого — см. выше. Разведочные работы проводились с использованием «Археологической карты Таманского полуострова» Я. М. Паромова (Паромов, 1981, с. 29–30; Паромов, 1992; с. 188–192, рис. 50; Абрамов, Паромов, 1993, с. 48–49).

Исследование южной и северной частей памятника велось по секторам. В южной части в обрывах берега строительных остатков и ям не выявлено. Границы этой части памятника

в основном совпадают с границами, отмеченными на схеме Я. М. Паромова. Толщина слоя на границе центральной и южной частей составляет 0,1–0,2 м, к югу постепенно увеличивается и через 50 м доходит до 1–1,3 м. Еще далее к югу слой уменьшается, временами сходя на нет. Вновь он появляется в районе южной границы памятника. В подъемном материале в южной части памятника в основном представлена керамика IV–I вв. до н. э. (фрагменты хиосских IV в. до н. э., гераклейских, синопских, косских и др. амфор, эллинистическая чернолаковая керамика, фрагменты простой столовой посуды). Фрагменты более раннего времени редки — это фрагменты хиосских и лесбосских амфор VI–V вв. до н. э., чернолаковой и расписной керамики и т. д. Фрагменты керамики конца VI в. до н. э. единичны. Несколько иная картина в южном и юго-восточном секторах этой

части памятника. Там представлена керамика римского времени и (в меньшем объеме) раннесредневековая. Возможно, это остатки усадеб, напрямую не связанные с поселением VI–I вв. до н. э.

Другая ситуация зафиксирована в северной части памятника. Практически сразу за оврагом, отделяющим северную часть памятника от «святилища» начинается культурный слой. И если ближе к оврагу он невелик — 0,2–0,3 м, то уже через 15–20 м достигает 0,5 м. При этом слой продолжается непрерывно на север приблизительно на 500 м. В его толще регулярно встречаются остатки разновременных ям и построек и, соответственно, в районах строительных и хозяйственных остатков слой толще и доходит до 1,5–2 м. Материал, находимый в вывалах земли в районе берегового обрыва датируется от VI в. до н. э. до середины I в. до н. э., находки более позднего времени

Береговой 4-Северный, раскоп I. Сводный план ям и сооружений.

практически отсутствуют. Самый ранний материал датируется серединой VI в. до н. э. К этому времени относятся фрагменты хиосского кубка, отдельные фрагменты клазоменских амфор тип I–II, 1,11 по типологии А. П. Абрамова (1993, с. 26, 71, табл. 3), хиосских амфор типов IA, 1,4 (1993, с. 26, 69, табл. 1) и т. д. Обильно на всей территории «Берегового 4 Северного» представлен материал второй половины VI – середины V в. до н. э. (фрагменты хиосских с воронкообразным горлом и пухлогорлых, эолийских красноглиняных, так наз. «протофасосских» амфор (Абрамов, 1993, с. 27–36), фрагменты расписной чернофигурной столовой посуды и т. д.). Материал 3-й четверти V в. до н. э. – начала IV в. до н. э. более редок, представлен единичными фрагментами хиосских прямогорлых амфор, чер-

нолаковой посуды со штампованным орнаментом и т. д. Довольно обилён материал IV в. до н. э. (фрагменты гераклейских, мендейских амфор и т. д.). Полнее всего представительны находки позднеэллинистического времени – фрагменты тарной и столовой посуды, «мегарских» чаш и т. д. Фрагменты керамики, датируемой после середины I в. до н. э., практически отсутствуют, исключение составляют невыразительные фрагменты краснолаковой посуды, а также фрагмент ручки узкогорлой светлоглиняной амфоры типа D (Абрамов, 1993, с. 121). Кроме фрагментов керамики в районе берегового обрыва обнаружены скопления вывалившихся камней, монеты, бронзовый рыболовный крючок и т. д. Представляет интерес каменный шток античного якоря, обнажившийся в обрыве берега после дождей. Он находился

в остатках каменной кладки, уходящей в толщу обрыва. По сопутствующим обломкам керамики (гераклейских, мендейских и синопских амфор) данную кладку можно датировать приблизительно IV–III в. до н. э.

В районе большого оврага у северной границы памятника в результате абразии обнажились остатки кладок, ям и т. д. Часть примыкающей к обрыву территории была покрыта большим количеством трещин, некоторые куски земли уже съехали вниз. Участок характеризовался особым обилием подъемного материала. В районе, где находилось наибольшее количество керамики, выходов кладок, на примыкающем к обрыву участке имеется повышение уровня современной дневной поверхности. Все это позволило предположить, что перед нами остатки здания, подвергающегося активному разрушению. На данной территории²⁵ в 1999–2004 г. была исследована площадь 375 м². В связи с началом оползня в 1999 г. производились раскопки прилегающего вплотную к обрыву наиболее разрушаемого участка. Толщина культурного слоя достигала 1,5 м. На глубине 0,5 м обнаружены остатки каменной вымостки, состоящей из крупных камней. Некоторые из них использованы вторично. В их числе: остатки двух зернотерок, целый и разбитый якоря для лодок, пороговый камень, фрагмент известнякового хорошо обработанного карниза, два цилиндрических известняковых камня с сквозной выемкой в центре (возможно, базы под деревянные колонны), фрагмент трапециевидной известняковой архитектурной детали. По сопутствующему материалу вымостка датируется II–I пол. I вв. до н. э. Ниже располагались остатки слоя VI–III вв. до н. э. В 2000–2004 г. было вскрыто 300 м². В юго-западной части раскопа были доследованы остатки вымостки II–I вв. до н. э. (см. выше). В качестве строительного материала использованы куски жерновов, зернотерок, блока из мрам-

Протома богини. Терракота. V в. до н. э.

моровидного известняка и т. д. Представляет интерес обнаруженный на уровне подошвы вымостки небольшой жертвенник — эсхара(?). Он сооружен из обломков зернотерки, поставленных вертикально, имел П-образную форму и размеры 15 × 15 см. Открытой стороной он был направлен в сторону г. Куку-Оба (на восток). На расстоянии 0,10 м к востоку от «входа» обнаружен двухрожковый светильник. И вымостка, и жертвенник располагались на подсыпке из желтой глины (возможно — остатков сырца).

Ниже расположена свалка — сбросы сырца и керамики. Свалка датируется IV—II веками до н. э. Слой характеризуется большим количеством керамики, золой и т. д., его насыщенность сопоставима с городскими слоями. В нем встречены фрагменты тарной, столовой и кухонной посуды, фрагменты терракот, 19 обломков керамики с граффити (в том числе три, которые с большой долей вероятности можно связать

с посвящениями божествам²⁶, более 40 монет и т. д. (см. Болдырев, Завойкин, Сударев, 2004). Интересна серия находок лошил из ручек амфор, которые можно выделить, как специфическую черту данного участка памятника, говорящую, наряду со шлаками, о наличии на памятнике керамического(?) производства. Такие признаки, как обилие монет, граффити и т. д. позволяет предположить, что мы имеем дело с зольником (Бутягин, 2002, с. 90—94).

Под свалкой располагались остатки сырцового здания, ориентированного по оси север—юг. Выявлена его западная стена и части северной и южной стен. С этим зданием связана находка развала нескольких гераклейских амфор, одна из которых (с клеймом ΙΣΤΑΙΟΥ ΕΡΕΙ ΚΡΟΝΙ) полностью склеилась. Подобные клейма известны²⁷ из раскопок Семибратнего городища Горгиппии (IOSPE III 269) и датируются 20-ми гг. IV в. до н. э. Найденные в данном слое материалы не противо-

речат этой дате. В нем же найдено трехстрочное граффито на стенке гераклейской амфоры. Вероятно, здание погибло в пожаре. А построено данное здание было, насколько позволяют судить найденные материалы, еще в последней четверти V в. до н. э.

Ниже основания дома расположен слой конца VI—2 четверти V в. до н. э. Наиболее интересно сооружение 1 — здание, построенное из сырцовых кирпичей (их размеры приблизительно 20 × 40 см). Перед нами часть окружности, из которой остался не выявлен лишь восточный сектор. Расстояние между его внутренними краями — ок. 10 м, между внешними — ок. 12 м. Наибольшее расстояние от восточного борта ок. 8 м (в настоящее время западная стена рухнула). Таким образом, диаметр сооружения — не менее 12 м. Толщина стены толоса — ок. 0,95 м. С внешней стороны к стене примыкал ряд ям (№ 10, 5, 6, 7), заполненных такой же серо-желтой глиной,

Протома Деметры. Терракота, V в. до н. э.

что и материал для кирпичей. Их размеры, расположение и заполнение позволяют предположить их одновременность с округлой стеной, а также более четко очертить внешнюю северную границу. Кроме того, внешняя граница ограничивается полосой толщиной до 0,2 м, которую можно предположительно определить как сырцовые кирпичи поставленные на ребро. С внутренней северной стороны толоса расположено сооружение квадратной формы размерами 1 × 1 м из сырцовых кирпичей, поставленных на ребро. Внутри выявлены угольки, зола и 7 лежащих друг на друге ракушек. Мы трактуем данное сооружение как эсхару, расположенную при входе в толос. Стенки эсхары разрушены упавшими стенами толоса, что довольно хорошо видно в профиле.

Толос погиб в пожаре, связанном с военными действиями. В пользу такой трактовки события говорит наличие железных и бронзовых стрел, часть которых обнаружена воткнутой в сырцовые стены. Гибель сооружения приходится на 2-ю четверть

V в. до н. э. В слое разгрома встречены фрагменты хиосских пухлогорлых амфор (Абрамов, 1993, с. 27, ИГ-1,2, 2,6, 2,9), а также развал ионийского полосатого килика, серебряная пантикапейская монета (Зограф, 1951, табл. XXXIX, № 12 (15?)), фрагменты чернофигурной керамики конца VI–2 четверти V в. до н. э. Сложнее определить время постройки толоса. Наиболее ранний слой на данном участке датируется 3-й четвертью – концом VI в. до н. э. С ним связано функционирование сырцового здания, от которого сохранилась одна стена шириной 0,95 м, расположенная по оси запад – восток. Стена толоса перекрывает стену этого сооружения (2). Уточнить датировку помогает изучение ям, расположенных вдоль западной стены толоса (№ 10, 5, 6, 7). Как уже отмечалось, они, видимо, взаимосвязаны с сооружением 1 (толос). При выборке ям не было встречено ни одного фрагмента керамики позже конца VI – начала V в. до н. э. В основном это фрагменты эолийских красноглиняных, клазоменских, реже – амфор на

сложнопрофилированном кольцевом поддоне (Абрамов, 1993, с. 27–31, № 2,28, 2,30, 2,22, 2,23, 2,27, 2,34 и т. д.). Видимо, на основании датировки заполнения этих ям, мы можем сузить дату строительства толоса до конца VI – начала V в. до н. э.

Округлая форма зданий (толос) чрезвычайно редка в античном мире. На Боспоре их теперь известно три (вместе с нашим): толос эллинистического времени в районе пос. «за Родину» («Таманский толос») и позднеархаический толос на акрополе Пантикапея (Толстикова, 1992, с. 63–70; Толстикова, Журавлев, Ломтадзе, 2002, с. 43–49). Исследуемое нами здание сопоставимо с пантикапейским по размерам (диаметр, ширина фундамента), хотя, вероятно, было менее крупным. Постройки такого рода обычно были храмами либо общественными зданиями.

К северу от толоса в 2002 г. было выявлено сооружение 2 расположенное по оси запад (с небольшим отклонением к северу) – восток. Это остатки сырцовой стены с развалом сырцов, расположенных к северу от

нее. Видны некоторые из кирпичей этого развала (размером 0,5 × 0,4 м). Четко были видны сырцы, стоявшие на ребре (?), расположенные с южной стороны стены. Их толщина — 0,2 м. Общая длина стены — 4,8 м, предположительная толщина — 0,85 м. Датируется данное сооружение 3 четвертью — 2 половиной VI в. до н. э. Стена объекта 2 перекрывается стеной толоса. Почти параллельно стене сооружения 2 располагается стена сооружения 3, длиной 3,5 м и шириной 0,5 м. К ней с востока и запада под прямым углом примыкают стены такой же ширины. Длина западной стены 1,9 м (частично выходит на кв. 9, где ее продолжение не обнаружено). Восточная стена сооружения 3 имеет размытые очертания длиной ок. 1 м (уходит под северный борт на кв. 10, который на данном уровне пока не раскапывался).

К северу от данного участка, на расстоянии 20 м в обресе обрыва обнаружены следующие объекты. В обресе борта съехавшей осыпи — остатки хозяйственной ямы, заполненной золой, редкими фрагментами керамики; в ней обильно представлены фрагменты печины и крупные куски шлака. Предположительно заполнение можно интерпретировать как остатки сброса керамической печи.

В 0,5 м к югу от ямы, в обресе обрыва обнаружены остатки заглубленного в материк помещения («полуземлянка»). Его длина (сохранившаяся) — 3,5 м, ширина — 1,5–2 м.

Ясно читались несколько уровней заполнения (в нем — зола, фрагменты керамики, большое количество шлаков, аналогичных заполнению предыдущей ямы). Дата заполнения (одновременного, в пользу чего говорит находка фрагментов от одной миски в обоих ямах) — поздний эллинизм. Время их сооружения осталось неясным. В донной части ямы найдена монета III в. до н. э. В заполнении «полуземлянки» встречается керамика конца VI–1/2-й трети V в. до н. э. (интересно, что в нижней части она встречается чаще). Однако состояние обоих исследованных объектов таково, что более точных выводов о времени их сооружения сделать не удалось.

Севернее описанных сооружений в 2004 г. выявлен некрополь. Вслед за «счастливчиками», на участке длиной 300 м вдоль обрыва были исследованы остатки не менее 5 погребений. Встречены кости, в том числе фаланга пальца с окислами бронзы. Найденные кости принадлежат молодой и старой женщинам, ребенку и подростку и, вероятно, мужчине. Некрополь предположительно датируется VI–IV вв. до н. э.

Если суммировать вышеизложенное, можно предположительно реконструировать историю данного участка. Первые поселенцы появились на здесь в VI веке до н. э., не позже его второй половины, а возможно уже во второй четверти²⁸. Во 2-й половине VI века до н. э. строится сооружение 2 и, возможно,

сооружение 3. В конце VI в. до н. э. на этом месте строится круглое здание — толос. Его жизнедеятельность продолжается до 2-й четверти V в. до н. э., в пользу этого говорят обильные находки этого времени. Во 2-й четверти V в. до н. э. толос гибнет. С его гибелью связаны следы горения и находки бронзовых стрел, в том числе и воткнутых в сырец. Находок 2-й половины V в. до н. э. крайне немного, хотя они и присутствуют. Вероятно, в последней четверти V в. до н. э. на этой территории начинает функционировать здание 10, погибшее в пожаре в 20-е годы IV в. до н. э. Позже здесь образуется свалка (зольник?), просуществовавшая до III в. до н. э. Следующий период связан с функционированием на данном участке эллинистической усадьбы и датируется II–I половиной I в. до н. э. Материалов после 1-й половины I в. до н. э. не встречено.

Обнаруженные материалы позволяют по-новому взглянуть не только на статус памятника, но и на некоторые вопросы ранней истории Боспора в целом. Комплекс данных (время основания поселения, наличие раннего домостроительства, ордерных и общественных зданий, наличие якорной стоянки, некрополя и т. д.) позволяет предположить, что в раннее время данное поселение было самостоятельной, неизвестной нам из письменных источников, апоикией, в более позднее время, вероятно, утратившей первоначальный статус.*

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ (№ 05-01-18023е) и РФФИ (04-06-80008).

¹ Отчеты за соотв. годы см. в Архиве ИА РАН. Р-1, №№ 10872, 11405, 12024, 12643.

² Из-за отсутствия финансирования в 2003 году работы имели ограниченный характер.

³ Последнее извержение 24 февраля 1794 г. сопровождалось мощным выбросом газов, огня и столбом черного дыма (Паллас, 1883, с. 80–83).

⁴ Исключения: краснолаковый светильник из эсхары 4.2, III вв. н. э. (Арсеньева, 1988, с. 73, табл. XIX, 4); верхний щиток буролокового светильника с рельефным орнаментом

в виде концентрической косой насечки и с круглым налепом у рожка, конца II–III вв. н. э. (Сорочан, 1982; Chrzanowski, Zhuravlev, 1997, p. 133–140); бронзовая монета 47–30 гг. до н. э. (Зограф, 1951, табл. XLIV, 9).

⁵ Подчеркнем, что в разработке хронологических критериев данного памятника имеется целый ряд специфических сложностей, обусловленных как особенностями стратиграфии, так и тем обстоятельством, что некоторые категории вещей на святилище использовались нередко не по прямому (первичному) их назначению. Поэтому такие традиционные датирующие находки, как, например, амфорные фрагменты в контексте святилища зачастую далеко по времени отстоят от периода

производства и бытования аналогичных тарных сосудов. Рассмотрению проблем хронологии памятника специально посвящена заметка (Завойкин, 2005а).

⁶ Лишь в одном комплексе, открытом в 2000 г. хорошо сохранились крупные древесные угли. В 2002 и 2004 гг. в северо-западном углу святилища была открыта серия компактно расположенных ям, заполненных древесным углем и золой. Не исключено, что в них собирались остатки горения (еще горячими) со всего священного участка. Впрочем, следы сильного огня в некоторых ямах указывают на то, что сожжение проводилось и на месте, в самих ямах.

⁷ Исключая один случай, когда в кострище обнаружены кальцинированные молочные зубы поросенка.

⁸ Символика цифр (и соотношения размеров) здесь достаточно прозрачна: Деметра — Кора/Персефона — Аид (Плутос) (Завойкин, 2002; 2003, рис. I, II).

⁹ Кольцевидный предмет с «множеством маленьких чашечек, которые наполнялись разнообразными фруктами, вином и маслом. В центре его была лампа [едва ли в нашем случае — А. З.]. Во время Элевсинских мистерий женщины несли эти керносы на голове». Керносы использовались и во время панспермий, когда в их вместилища клали плоды нового урожая (виноград, зерно, вино, масло) (Нильссон, 1998, с. 43–44).

¹⁰ Терракоты Северного Причерноморья // САИ. Г1-11, табл. 44:1, 5.

¹¹ Многочисленные аналогии нашим материалам находим среди находок из нимфейского святилища Деметры V–II вв. до н. э. (Худяк, 1945, с. 158–162, табл. XV.1–XVI.1, XX.1, XXI.1–2) и на Майской горе (Марченко, 1962; 1963; 1974).

¹² Следует упомянуть и верхнюю часть фигурного сосуда в виде головы самого ли Вакха или кого-то из членов его фиса, а также голову статуэтки «Силена».

¹³ Новый импульс в развитии культа Диониса в Причерноморье в I-й половине I в. до н. э. обусловлено вхождением этих территорий в Понтийскую державу Митридата VI Евпатора *Диониса*.

¹⁴ Помимо бронзовых стоит отдельно упомянуть находки массивных железных колец, едва ли являвшихся собственно украшением (не связаны ли эти вещи с культом кабиров? — см. Новосадский, 1891, с. 98).

¹⁵ Все найдены в 1987–88 гг. в верхнем горизонте, по типам относятся к IV–III вв. до н. э.

¹⁶ По-видимому, особое значение придавалось тому, что кам-

ни эти представляли собой слюдянистую породу. Некоторые из них сохранили следы воздействия огня. Не исключено, что сверкающая на солнце плоская поверхность камней символизировала воду, уместную в «колодце Деметры».

¹⁷ Такого рода керамические медальоны встречаются в погребальных комплексах (чаще — изображение горгоны Медузы — см. например, Грач, 1999, с. 56–58, рис. 19, табл. 46: 12–13). См также: «голова Афины» на керамическом медальоне, Шкорпил, 1904, с. 79, рис. 2 — погреб. № 2, IV–III вв. до н. э.

¹⁸ С формальной стороны, и сам этот объект (4.2) следует датировать тем же временем.

¹⁹ Трасса этого отрезка параллельна отрезку стены, примыкающей к восточному углу.

²⁰ Сохранность кирпича очень плохая: на просохшей зачищенной поверхности с трудом уловимы его следы. Состав кирпича иной, чем в кладке стены (отсутствует камка). Сохранная высота не превышает 1–2 см.

²¹ Трудно сказать, остатки ли это какого-то перекрытия, или же прослойка, образовавшаяся при размыве самана осадками.

²² Ср. (Худяк, 1945, табл. XX.1, с. 162): «Около одной из загородок стоял опрокинутый кверху дном большой глиняный светильник формы усеченного конуса».

²³ На уровне подошвы кладки, 0,30 м севернее ее края была сделана парная находка богинь, восседающих на тронах.

²⁴ Этот же прием использован при сооружении ступенчатого алтаря. Вероятно, сделанные из материковой глины и лесса блоки просто смачивались при укладке и образовывали монолит. По причине отсутствия швов-промазок такие кладки читаются чрезвычайно плохо: они различимы в плане при пересыхании, но совершенно не видны в свежем вертикальном разрезе.

²⁵ На схеме представлен план северной части памятника на 2004 г. К этому времени вся западная часть раскопов с сооружениями обрушилась. Полное издание данного комплекса планируется.

²⁶ По нашему мнению, к посвятившим можно отнести большее количество граффити, в данном же случае, мы говорим о тех, интерпретация которых в этом качестве наиболее вероятна.

²⁶ Определение клейм из раскопок 2004 г. сделал В. И. Кац, которому авторы выражают свою искреннюю благодарность.

²⁶ По мнению В. Д. Кузнецова, некоторые находки могут датироваться именно этим временем. Приносим ему благодарность за любезную консультацию.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абрамов А. П., 1999. Городище Патрей. Периодизация и топография // Патрей. Материалы исследований. Вып. 1. М.
Абрамов А. П., 1993. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сб. Вып. 3.
Абрамов А. П., Паромов Я. М., 1993. Раннеантичные поселения Таманского полуострова // Боспорский сб. Вып. 2.

Арсеньева Т. М., 1988. Светильники Танаиса. М.
Болдырев С. И., Завойкин А. А., Сударев Н. И., 2004. Монеты с Берегового 4: проблемы хронологии и интерпретации // Боспорский феномен. Ч. II. СПб.
Бутягин А. М., 2004. Новые исследования раннего Мирмекийского зольника // Боспорский феномен. Ч. II. СПб.

- Грач Н. Л., 1999. Некрополь Нимфея. СПб.¶
- Денисова В. И., 1981. Коропластика Боспора (по материалам Тиритаки, Мирмекия, Илурата и сельской усадьбы). Л.
- Журавлев Д. В., Завойкин А. А., 2004. Светильники из святилища элевсинских богинь «Береговой 4» // Боспорский феномен. Ч. II. СПб.
- Завойкин А. А., 2005. Фрагменты амфор из раскопок святилища на «Береговом 4» // Боспорские исследования. Вып. VIII. Керчь, Симферополь.
- Завойкин А. А., 2002. TW QEW: образы и символы Матери и Дочери в святилище элевсинских богинь на «Береговом 4» // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы международной конференции. Ч. I. СПб.
- Завойкин А. А., 2003. qpe: двойственность и троичность на святилище элевсинских богинь («Береговой 4») // Древности Боспора. Т. 6. М.
- Завойкин А. А., 2003а. Керамические вотивы на святилище «Береговой 4» // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь.
- Завойкин А. А., 2005. Фрагменты амфор из раскопок святилища на «Береговом 4» // Боспорские исследования. Вып. VIII. Керчь, Симферополь.
- Завойкин А. А., 2005а. Береговой 4: проблемы хронологии // Четвертая Кубанская археологическая конф. Краснодар.
- Завойкин А. А., 2006. Два сюжета в комплексе терракоты на святилище элевсинских богинь (Береговой 4) // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Памяти Н. П. Сорокиной. Труды ГИМ. Вып. 159.
- Завойкин А. А., Сударев Н. И., 2002. Исследования на «Береговом 4» в 2001 г. // АО 2001 г.
- Завойкин А. А., Сударев Н. И., 2003. Основные итоги исследований на «Береговом 4» в 2002 г. // АО 2002 г. М.
- Завойкин А. А., Сударев Н. И., 2004. Итоги исследований на памятнике «Береговой 4» в 1999–2000 гг. (предварительная информация) // Патрей. Материалы и исследования. Вып. 2. М.
- Зограф А. Н., 1951. Античные монеты // МИА. № 16.
- Марченко И. Д., 1062. Новые данные об античном святилище вблизи Фанагории // Сб. 50 лет ГМИИ им. А. С. Пушкина. М.
- Марченко И. Д., 1963. Некоторые итоги раскопок на Майской горе // КСИА. Вып. 95.
- Марченко И. Д., 1974. Терракоты из святилища на Майской горе (Блеваке) // САИ. Вып. Г1-11. Ч. IV.
- Новосадский Н. И., 1891. Культ кавиров в Древней Греции. Варшава.
- Нильссон М., 1998. Греческая народная религия. СПб.
- Паллас П. С., 1883. Поездка во внутренность Крыма вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // ЗООИД. XIII.
- Паромов Я. М., 1981. Отчет о работе по теме «Установление охранных зон археологических памятников Таманского полуострова в 1981 г.» // Архив ИА РАН. Р-1, № 6802.
- Паромов Я. М., 1992. Археологическая карта Таманского полуострова. М., 1992. Депон. ИНИОН РАН. № 47103 от 1.10.1992.
- Паромов Я. М., 1998. Главные дороги Таманского полуострова в античное время // Древности Боспора. Т. I. М.
- Петерс Б. Г., 1996. На городище. М.
- Петерс Б. Г., 1996(a). Светильник из Саратовского городища // Древности РАО. М.
- Сокольский Н. И., 1963. Отчет о раскопках Таманской археологической экспедиции городища и некрополя Кеп и о разведывательных раскопках на Фанталовском полуострове 1963 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 2733.
- Сорокина Н. П., Сударев Н. И., 2001. Предметы, связанные с куклами и магией из погребений кепского некрополя VI–II вв. до н. э. // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. I. СПб.
- Сорочан С. Б., 1982. Про так звані рубчасті світильники з Херсонеса // Археологія. Вып. 38. Київ.
- Стручалина Р. А., 1966. Поселение на Фанталовском полуострове (Саратовское) // Археологический сб. Саратов.
- Толстиков В. П., 1992. Пантикапей — столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М.
- Толстиков В. П., Виноградов Ю. Г., 1999. Декрет Спартокидов из дворцового храма на акрополе Пантикапея // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову. М.
- Тульпе И. А., 1999. Амфора в некрополе: хтонический аспект // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы конф. СПб.
- Худяк М. М., 1945. Работы Нимфейской экспедиции 1939 года // Труды отдела истории и культуры античного мира ГЭ. Т. I. Л.
- Шкорпил В. В., 1904. Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 г. // ИАК. Вып. 9.
- Chrzanowski L., Zhuravlev D., 1997. Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum, Moscow. *Studia archaeologica*, 94. Roma.

Новейшие исследования в Фанагории

Фанагория является крупнейшим на территории России древнегреческим городищем, которое находится на Таманском полуострове. Она была основана выходцами из ионийского города Теоса в середине VI в. до н. э. (Кузнецов, 2001, с. 227–236) и просуществовала до начала X в. н. э. (Плетнева, 2003, с. 180). В орбиту внимания русских ученых Фанагория попала после присоединения Таманского полуострова к России в конце XVIII в. Сразу же после этого события были произведены первые раскопки на фанагорийском некрополе. Однако в XIX в. эти раскопки носили ненаучный, а подчас и варварский характер (Блаватский, 1940, с. 288). Начало научных исследований городища и его некрополя относится к 1936 г. (В. Д. Блаватский). За семь десятков лет, прошедших с этого времени, решен ряд задач по изучению этого выдающегося античного памятника: определены границы городища (в том числе и в его затопленной части), выявлен весь спектр культурных напластований, установлены хронологические рамки существования памятника, зафиксированы границы некрополя. Кроме того, получены разнообразные материалы по различным аспектам истории и материальной культуры города.

Несмотря на довольно длительную историю изучения Фанагории, тем не менее этот памятник остается малоисследованным. Во многом такое положение вещей обязано тому, что археологические изыскания здесь, как правило, не носили масштабного характера. В общей сложности, начиная с 1936 г., исследовано всего лишь около 1,5% от всей площади городища.

Фанагория относится к редкой категории древнегреческих памятников, которые обладают одной весьма важной чертой: вся площадь городища и большая часть некрополя остается до настоящего времени свободной от каких-либо строений и сооружений. Это существенное обстоятельство позволяет осуществлять на этом античном памятнике самые разнообразные научные проекты.

В последние годы внимание специалистов, работающих в Фанагории, привлекает весьма важный вопрос о наиболее раннем периоде истории города. Следует отметить, что материальная культура понтийских городов архаического периода изучена далеко не полно. Это во многом связано с тем, что слои соответствующего времени крайне плохо сохранились и труднодоступны. В литературе по вопросу о местоположении ранней Фанагории со времени В. Д. Бла-

ватского утвердилось мнение, что наиболее древние кварталы находились в прибрежной части городища (Блаватский, 1940, с. 297–298; Кобылина, 1956, с. 14). Однако оно не подтверждается археологическими материалами: наиболее древние находки датируются не серединой VI в. до н. э., а более поздним временем (Кузнецов, 2001, с. 233; см. также Долгоруков, 1990, с. 30–37). В 1975 г. в центральной части городища, на краю верхнего плато был впервые заложен небольшой раскоп, который получил название «Верхний город». Работы на нем показали, что город был основан на холме, хорошо укрепленном природой (Kuznetsov, 2003, с. 906 сл.).

В течение нескольких лет на вершине холма был исследован участок городского квартала (около 300 м²) архаического времени (вторая половина VI—начало V в. до н. э.). Были открыты нижние части 11 жилых домов, построенных из сырцовых кирпичей. Между ними пролегли улицы шириной 2,5 м и узкие (около 0,5 м) переулки, мощенные камнем и черепками. Один из этих домов, погибший в сильном пожаре, имеет неплохую сохранность (дом № 6): от него осталось полуподвальное помещение, над которым находился жилой этаж площадью 12,5 м².

Рис. 1. Вид на раскоп «Верхний город» с юго-востока. В центре раскопа стены общественного здания V в. до н. э. На переднем плане — следы сырцово-кирпичной стены дома второй половины VI в. до н. э.

Общая высота дома составляла около 5 м. В непосредственной близости от этого дома были обнаружены остатки бронзолитейной мастерской. От нее сохранилась нижняя часть печи. Печь была прямоугольной в плане, размером 1,2 × 2 м и была врезана в материковый песок на глубину 0,6 м. Котлован был обложен сырцовыми кирпичами. Устье печи шириной 0,5 м находилось с северной стороны. В печи найдены бронзовый шлак, обломки глиняных тиглей, изделий из бронзы, а также слитки бронзы. Важной находкой является фрагмент глиняной обмазки с отпечатком пальцев рук (Долгоруков, 1986, с. 145–149). Она свидетельствует о том, что в мастерской была отлита бронзовая статуя в полный человеческий рост. Весьма интересно то, что некоторые из этих фрагментов были найдены на

ступеньках дома 6. Это дает основание полагать, что мастерская принадлежала хозяину этого дома. Более того, из полуподвального помещения дома 6 происходит два фрагмента от мраморных статуй (косы коры) небольшого размера. Все это позволяет говорить о том, что дом и мастерская принадлежали скульптору, который продолжил занятия своим ремеслом после бегства со своей родины — Теоса (Кузнецов, 1995, с. 99–125; Kuznetsov, 2003, с. 897–921).

В 1995 г. на холме «Верхний город» с целью продолжения исследований ранних напластований, был заложен раскоп общей площадью 900 м². В течение 10 полевых сезонов (1995–2004 гг.) на нем было вскрыто около 5 м культурного слоя (при общей мощности слоя на данном участке более 6 м) (рис. 1). Самый верх-

ний слой датируется VII–VIII вв. н. э. К исходу сезона 2004 г. на подошве большей части раскопа был открыты слои V–IV в. до н. э. Однако вдоль южного борта раскопа на материковом песке были обнаружены слои второй половины VI в. до н. э.

В данном месте городища в позднеэллинистическое время, в римский и средневековый периоды располагались жилые кварталы Фанагории. К сожалению, строительные остатки сохранились крайне плохо. Это объясняется как тем обстоятельством, что в результате многочисленных планировочных работ уничтожались культурные слои предыдущих периодов, так и причиной, общей для всех таманских археологических памятников, — отсутствием на полуострове месторождений камня. Это приводило к тому, что на протяжении веков

жители разбирали сооружения предыдущего времени для нового строительства. Как правило, от того или иного здания сохраняется один–два фрагмента стен. Вследствие этого мы можем далеко не всегда восстановить планы и размеры жилых домов Фанагории. Впрочем, такая ситуация характерна не только для большинства греческих городов Причерноморья, но и Средиземноморья. Дома в Фанагории в греческий и римский периоды ее истории строились из камня и из сырцовых кирпичей. Причем наиболее распространенной техникой в классическую и эллинистическую эпохи было строительство стен из сырцовых кирпичей, положенных на каменный фундамент. Дома из сырцового кирпича отнюдь не были эфемерными сооружениями. Древние греки достигли очень больших высот в приготовлении строительного материала из глины. Построенный из сырца дом, обмазанный несколькими слоями водоотталкивающего раствора, секрет которого утерян, (см. Hellmann, 1992, с. 37–42) мог стоять десятилетиями. В зимний холод сырцовый кирпич сохранял в доме тепло, а в летний зной в помещении было прохладно. На раскопе «Верхний город» были открыты фрагменты стен семи домов, построенных из сырцовых кирпичей на каменном фундаменте. Они датируются эллинистическим временем (III–II вв. до н. э.).

В более раннее время (V–IV вв. до н. э. и отчасти III в. до н. э.) на исследуемом участке городища помимо жилых домов находились и общественные здания. Так, к V–IV вв. до н. э. относится большое здание общей площадью около 130 м². Оно было сложено по преимуществу из обтесанных блоков ракушечника. Стены местами сохранились на высоту до 1,2 м, что является необычным для Фанагории. Пол этого здания был сделан из цемянки. С двух сторон, северной и западной, здание было окружено площадью, замощенной камнем. Функциональное назначение этого сооружения оста-

ется неизвестным. Помимо него, было исследовано еще одно сооружение общественного назначения — здание, сложенное из тесаных блоков ракушечника. Оно сохранилось не полностью (выбрана северная стена), его размеры равны примерно 6 × 5 м. О том, что сооружение носило общественный характер, можно судить уже только на основании того, что для его строительства вторично использовали архитектурные детали (элементы архитрава) другого общественного здания. К сожалению, сохранились лишь камни двух нижних рядов кладки. Внутри помещения также не были обнаружены какие-либо находки, которые помогли бы понять функциональное назначение сооружения. Тем не менее, исходя из того, что вход в здание был сделан с восточной стороны, можно вполне уверенно говорить о его сакральном характере. Это был небольшой храм, посвященный какому-то божеству. Если предлагаемая интерпретация здания является правильной, то данное здание окажется первым храмом, когда-либо открытым раскопками в Фанагории.

На протяжении всего времени жизни на исследуемом участке (от классического времени до римского и даже в хазарский период) городские кварталы сохраняли ориентацию по странам света. Как показали исследования на участке «Верхний город» предыдущих лет такая ориентация была характерна и для архаической эпохи. Более того, новые сооружения строились по преимуществу на месте более ранних. Это дает основание предполагать, что регулярная планировка Фанагории была заложена еще в архаическую эпоху. В литературе по греческой архитектуре и урбанизму господствует точка зрения, в соответствии с которой регулярная планировка греческих городов зародилась в колониальном мире и стала следствием демократических начал в политической структуре апойкий: все колонисты при переселении на новую родину были

равны, что проявлялось в равнозначности земельных участков, выделенных под жилое строительство (а также под сельские наделы) (Owens, 1991, с. 30–49).

Из-за фрагментарной сохранности стен сооружений крайне трудно определить размеры жилых домов. Исключение составляют два здания. Одно из них датируется VII в. н. э. и представляет собой дом хазарского времени. Его фундамент был построен в так называемой технике кладки «елочкой». Он был разделен на три помещения, общей площадью более 40 м². К сожалению, ничего более о нем сказать нет возможности. Второе здание было обнаружено в слое II в. до н. э. Оно погибло в сильном огне. Комплекс сохранился крайне плохо. Здание представляло собой большой частный дом. Его площадь превышала 350 м², как можно судить по обрывкам стен, сохранившимся в разных частях раскопа. В доме был подвал, в котором в небольших пифосах хранились припасы.

В процессе раскопок на городище было обнаружено значительное количество разнообразных археологических материалов. Они свидетельствуют о различных сторонах жизни города, показывая, что в античный период своей истории Фанагория была типичным греческим городом. Это необходимо специально подчеркнуть, потому что в литературе широко распространено мнение о Боспорском царстве как о греко-варварском государстве. Возможно, психологической основой для такой точки зрения можно считать прежде всего географический фактор: Боспор находился на окраине греческой ойкумены, в окружении многочисленных варварских племен. Это обстоятельство заставляет исследователей пристально искать проявления варварского влияния на жизнь боспорских греков. Например, В. Ф. Гайдукевич так писал в своей фундаментальной работе: Боспорское царство «очень рано приняло характер этнически смешанного греко-варварского государства, в котором с осо-

Рис. 2. Земляной склеп римского времени на восточном некрополе.

бенной яркостью нашло свое проявление взаимодействие античных греческих и местных элементов как в социально-экономической, так и в культурной жизни» (Гайдукевич, 1949, с. 4). В подтверждение этой точки зрения исследователи используют разнообразные аргументы: от наличия на территории некрополей боспорских городов негреческих погребений и скифских курганов до существования так называемого «греко-скифского искусства». Однако до сего времени не было предпринято попытки систематического обоснования упомянутой точки зрения. В то же время имеется довольно много возражений против мнения о том, что культура боспорских городов носила смешанный, греко-варварский характер. Речь идет не только о соображениях общего порядка. Например, таких: греческий полис имел замкнутый характер, был по сути дела закрыт для неграждан; наличие в нем чужеземцев, в том числе неэллинов, варваров, не вносило структурные изменения в полис как систему. Так в эталонном греческом полисе, Афинах, чужеземцев, в том числе рабов-варваров, было во много раз больше, чем граждан (Hansen, 1985, с. 30 сл.). Однако было бы в высшей степени нелепо говорить о культуре Афин как о симбиозе культур эллинской и варварской. Но речь идет также и о конкретных археологических фактах. Исследование слоев архаического, классического и эллинистического времени в Фанагории дает основание уверенно говорить о материальной культуре города как о чисто эллинской. Предполагаемое наличие в городе выходцев из местной причерноморской среды не могло повлиять на структуру его политического устройства.

Со времени своего основания Фанагория имела широкие связи с средиземноморским миром. Об этом свидетельствуют многочисленные импортные предметы, находящиеся в процессе раскопок. Особое значение для определения торговых партнеров в античном мире, как

известно, имеют амфоры. Важная роль для экономики Боспора вообще, и для Фанагории в частности, играли центры, находившиеся в бассейне Эгейского (Хиос, Клазомены, Фасос, Менда и северозегейский регион в целом, Родос, Кос и некоторые другие) и Черного морей (Гераклея, Синопа). Как известно из письменных источников классического времени, в обмен на вино, оливковое масло, продукцию ремесленного производства и другие товары боспорские города поставляли в Средиземноморье в качестве основного предмета экспорта зерно. Принимая во внимание плодородие почв на Таманском полуострове, можно полагать, что именно здесь выращивалась основная масса боспорского хлеба (Кузнецов, 2000, с. 107–120). Сельскохозяйственные угодья Фанагории находились к югу от города, в долине между двумя водоразделами. Мы не знаем размеров хоры полиса, но, исходя из местоположения соседних городов, можно полагать, что она равнялась нескольким десяткам квадратных километров. Как бы то ни было, совершенно очевидным является то, что Фанагория была одним из основных поставщиков хлеба, который через Пантикапей поступал в Афины и другие центры Средиземноморья в течение IV–начала III вв. до н. э. Именно этим фактом объясняется большее по сравнению с предыдущими и последующими столетиями количество амфорной тары и других импортных вещей, найденных в слое IV в. до н. э.

Вряд ли ошибочным будет предположение о том, что Фанагория была важнейшим торговым пунктом, через который осуществлялся обмен товарами с районами, прилегающими к азиатской части Боспорского государства, о чем для более позднего времени писал Страбон (11.2.10).

Одним из важных направлений работы Фанагорийской экспедиции является исследование некрополя. В течение многих лет осуществляются раскопки на всех трех участках некрополя — восточном, западном и

южном. В результате этих работ получена самая разнообразная информация о фанагорийском некрополе: о типах погребальных сооружений (каменные и земляные склепы, плитовые гробницы или каменные ящики, так называемые «могилы с заплечиками», погребения с черепицами, в амфорах, простые могилы) (рис. 2), о погребальных обрядах, социальной структуре общества, наличии негреков в «городе мертвых» и т. д. Наиболее яркой находкой последних лет является каменный склеп с уступчатым перекрытием. В сезоне 2003 г. был исследован курган, который находился в так называемой «аллее курганов» (Паромов, 2004, с. 287–292). За горой Майской, которая доминирует над городищем с юга, проходит древняя дорога, которая определяется на местности до сих пор (Паромов, 1998, с. 219, 225, рис. 2). Вдоль нее были сооружены курганы южного некрополя. Практика строительства погребальных сооружений по обеим сторонам дорог, выходящих из города, была типичной для древней Греции. В результате раскопок под центральной бровкой кургана были обнаружены две параллельные друг другу каменные стены (восточная и западная), перекрытые толстыми бревнами, которые полностью истлели. После вскрытия бревен обнаружилось сооружение настолько необычное, что не сразу можно было понять его функциональное назначение (рис. 3). Оно представляло собой обработанные блоки ракушечника, положенные по кругу в шесть рядов: одной торцевой стороной блоки сходились друг с другом, а другой расходились. Таким образом, каждый ряд напоминал собой своего рода розетку, а вся композиция — сложную многолепестковую розетку. При этом, если самый верхний ряд состоял из девяти блоков, то в каждом последующем количестве камней увеличивалось (во втором тринадцать и т. д.). Блоки второго сверху ряда выступали из-под блоков первого ряда, третьего ряда — из-под второго и т. д. Стык камней первого

Рис. 3. Вид на свод каменного склепа снаружи.

ряда, которые образуют плафонное отверстие, был перекрыт двумя прямоугольными блоками, лежащими параллельно и вплотную друг к другу.

Загадка этого крайне необычного сооружения была раскрыта после того, как были подняты два блока, венчающих всю конструкцию. Оказалось, что сооружение представляет собой каменный склеп с уступчатым перекрытием (рис. 4). Многолепестковая розетка представляла собой внешнюю сторону купола. При вскрытии склеп оказался заполнен водой на 10–15 см.

Склеп был сооружен следующим образом. В котловане, выкопанном в материковом грунте, были положены по кругу стандартные блоки ракушечника средним размером 0,6 ×

0,3 × 0,25 м. Торцевые стороны блоков, выходящие внутрь камеры, подтесаны так, что образуют ровный круг. Диаметр камеры 2,45 м, высота 1,38 м. Камера построена из шести рядов камней. Пол вымощен плоскими (толщиной 12 см) плитами, общим числом 24 камня. На стенах погребальной камеры покоится конический уступчато-кольцевой купол, состоящий из 6 постепенно уменьшающихся в диаметре концентрических колец, перекрытых сверху двумя блоками, имеющих изнутри камеры вид круга. Эти кольца образованы при помощи напуска камней одного ряда на камни предыдущего ряда. Ширина уступов в среднем равна 15 см, а высота 25 см. Высота купола от нижней грани нижнего

уступа до плафона равна 1,49 м. Таким образом общая высота склепа от пола до плафона равна 2,87 м.

С северной стороны в камере сделан вход. Он был заложен несколькими блоками ракушечника. Вход в высоту равен 1,45 м, в ширину — 1,17 м. Снаружи камеры к входу ведет коридор, стены и пол которого выложены тесаными блоками камня. Сверху он перекрыт каменными плитами. Коридор имеет длину 1,6 м при ширине 1,17–1,18 м. Изнутри камеры два нижних уступа купола не замыкаются в кольцо, а обрываются около входа в склеп, как бы фланкируя его.

Дромос, который вел в погребальную камеру, представляет собой коридор, выкопанный в земле и пе-

Рис. 4. Вид на камеру склепа с уступчатыми перекрытиями.

рекрытый сверху толстыми бревнами, которые в свою очередь были засыпаны морской травой (камкой).

Склеп при вскрытии оказался пустым. Не было обнаружено практически никаких следов погребения. В верхнем левом углу входа, заложенного блоками, недоставало трех камней. Через это отверстие склеп и был ограблен. На полу склепа было найдено всего два предмета: плохо сохранившаяся бронзовая монета и три фрагмента небольшого египетского алебаstra. Пантикапейская монета и

алебастровый сосудик относятся к IV в. до н. э. Этим временем и датируется склеп, впрочем, как и все склепы с уступчатыми перекрытиями. Несколько уточнить датировку позволяет монета. Она относится к известному типу пантикапейских монет с изображением головы безбородого сатира вправо (лицевая сторона) и протомы пегаса вправо (оборотная сторона), вокруг которой выбита надпись P-A-N (Зограф, 1951, табл. XL, 19; Шелов, 1956, табл. 5,56; Анохин, 1986, табл. 3, 112). Датировки

исследователей не совсем совпадают между собой, однако ясно, что речь идет о второй половине IV в. до н. э.

Говоря в целом о склепе, следует отметить его высокое качество строительства и отделки. С видимых сторон блоки очень тщательно обтесаны и подогнаны друг к другу. Между ними невозможно просунуть тонкое лезвие ножа. Изнутри погребальная камера полностью оштукатурена. Штукатурка сохранилась неплохо. Однако сказалось негативное воздействие грунтовых вод, поступающих

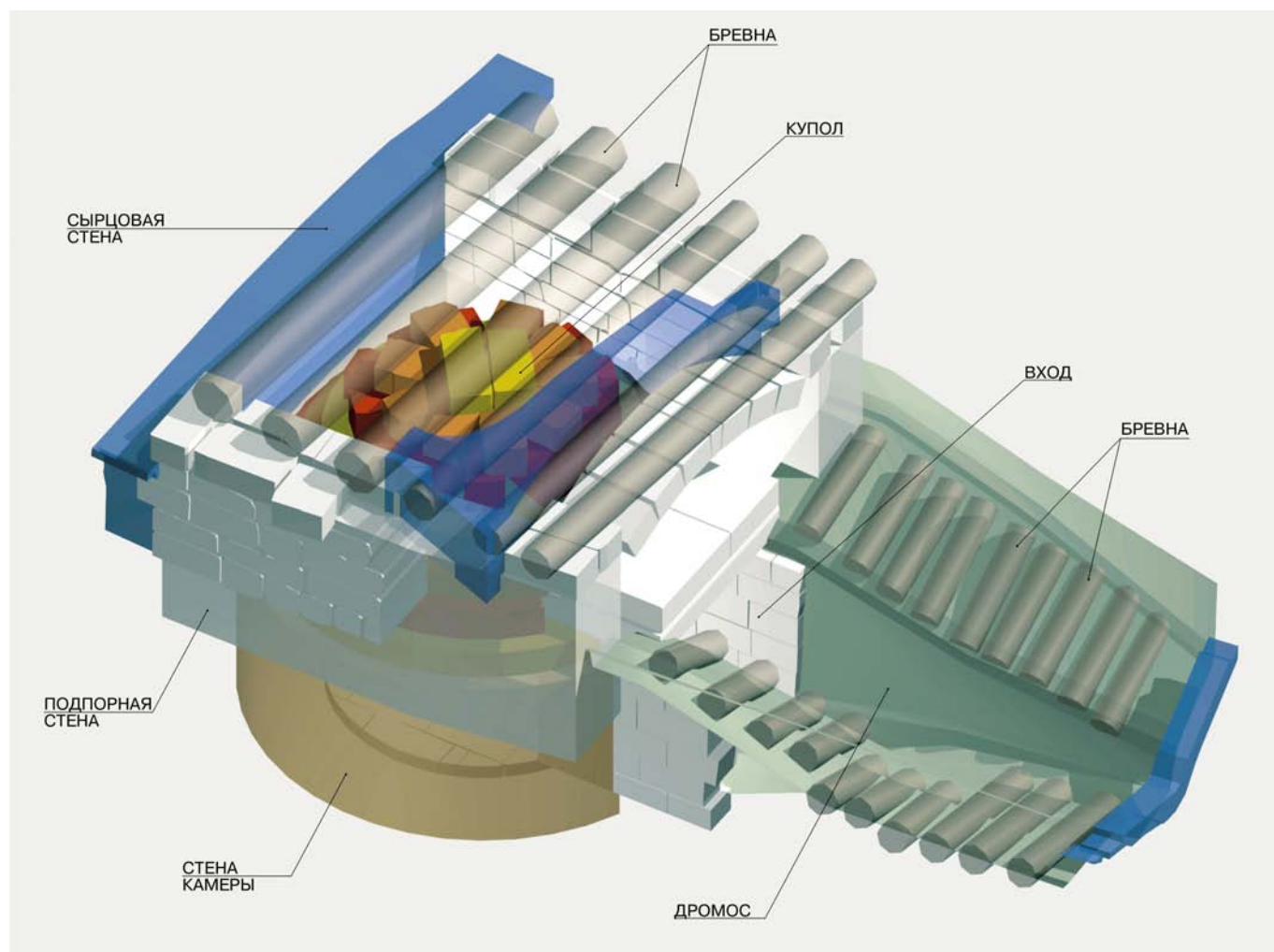

Рис. 5. Устройство склепа с уступчатыми перекрытиями.

в склеп: мягкий камень пропитался влагой, штукатурка размокла.

Склепы с уступчатыми перекрытиями являются феноменом, характерным для боспорской погребальной архитектуры. Уже многие годы исследователи пытаются определить истоки происхождения этих склепов. Одни считают, боспорские склепы имеют своим прообразом знаменитые толосы микенского времени, другие же ищут параллели в местных, скифских и меотских, погребальных сооружениях (Блаватский, 1955, с. 29–53; Блаватский, 1985, с. 146–150). Что касается первого предположения, то вполне естественными выглядят сомнения в возможности заимствования боспорскими архитекторами идей, заложенных в сооружения, построенные — и скрытые от челове-

ских глаз — примерно за тысячу лет до них (Dinsmoor, 1975, с. 28 сл.). Не меньше возражений вызывает и второе предположение. Дело даже не в том, что между боспорскими склепами и местными погребальными комплексами причерноморских регионов также существует разрыв во времени, что само по себе отменяет заимствования. Мы уже не говорим о том, что между склепами с уступчатыми сводами и, например, шатровыми погребальными сооружениями Прикубанья, которые В. Д. Блаватский считал первоисточком, по существу нет ничего общего. Правоммерно задать себе такой вопрос: почему мы обязательно должны искать причину появления уступчатых склепов в Микенах бронзового века или в скифских степях, а не на самом Боспоре?

На каком основании мы отказываем Боспору в способности создать оригинальные архитектурные сооружения?

Как мне представляется, важнейшими вопросами для понимания появления уступчатых склепов являются следующие: почему они возникли именно на Боспоре и почему — в IV в. до н. э.? Мы не знаем аналогичных сооружений в других причерноморских полисах. Ответ почти очевиден: начиная с конца V в. до н. э. на берегах Керченского пролива происходит процесс становления государства, объединившего в своем составе независимые до этого полисы европейского и азиатского Боспора (нынешние Керченский и Таманский полуострова). Это позволило правящей в Боспорском государстве ди-

настии Спартокидов сосредоточить в своих руках не только большую власть, но и значительные материальные ресурсы. IV в. до н. э. становится временем расцвета государства, что прослеживается археологически в коренной реструктуризации сельскохозяйственной территории (вся территория покрывается сетью заново основанных сельских поселений), огромном количестве импортных товаров, которое во многом покрывалось экспортом боспорского хлеба в Грецию именно в это время, чеканке собственной золотой монеты, расцвете архитектуры городов и сельских вилл и т. д. Величие и власть боспорского царя неизбежно должны были проявляться во внешних признаках, в том числе и в погребальной архитектуре. Можно быть уверенным в том, что такие монументальные сооружения, как склепы Золотого и Царского курганов под Пантикапеем были созданы по заказу правящей династии. Такого рода заказ мог осуществить местный или приглашенный архитектор, перед которым была поставлена задача создания необычного погребального комплекса. Достаточно будет привести параллель с галикарнасским Мавсолеем, который был построен выдающимися мастерами по заказу вдовы могущественного династа, ставшим своего рода символом усыпальниц-мавзолеев. С течением времени склепы с уступчатыми перекрытиями, более скромные по характеру, стали сооружать для себя представители правящей элиты. Важно отметить то, что в III в. до н. э. уступчатые склепы прекращают свое существование. В это же время умирает боспорская хлебная торговля, прекращается чеканка пантикапейской золотой монеты, происходят другие негативные события в истории Боспора.

Согласно данным В. Ф. Гайдукевича, к настоящему моменту известно 18 склепов с уступчатыми перекрытиями. В большинстве своем они открыты на Керченском полуострове. Имея в плане квадратную или прямоугольную форму, они делятся на

три типа: склепы с уступами с двух, трех и четырех сторон (Гайдукевич, 1981, с. 6–54). Единственным исключением (не вошедшим в список В. Ф. Гайдукевича) является каменный склеп, раскопанный Д. В. Карейшей в 1832 г. в Золотом кургане под Керчью. Его архитектурный облик восстанавливается на основе неточных чертежей XIX в., поскольку сам склеп погиб (Гайдукевич, 1981, с. 6–25). Судя по всему, этот склеп имел круглую в плане камеру с отвесными стенами. Таким образом, если реконструкция В. Ф. Гайдукевича верна, то фанагорийский склеп окажется вторым найденным на Боспоре склепом с круглой камерой и лежащим на ее стенах круглым же куполом. Можно полагать, что в нем был похоронен представитель (или представительница) одной из богатых семей Фанагории.

Фанагория представляет собой благодатный объект для проведения подводных археологических исследований. Значительная часть памятника, примерно его треть, затоплена водами Таманского залива. Важным фактором является то, что глубина моря в акватории затопленной части не превышает 3 м. Поэтому в прибрежной части можно видеть не только многочисленные обломки античной и средневековой керамики, но и остатки сооружений, построенных из камня. Еще в 1970-е гг. на берегу находилось значительное количество строительных блоков, архитектурных деталей и даже надписей. Позднее практически все камни были собраны местными жителями для строительных нужд. Исследование находящихся под водой культурных напластований Фанагорийского городища важно не только само по себе. Датировка этих слоев, а также строительных объектов даст возможность внести значительный вклад в решение проблемы евстатических колебаний уровня Черного моря.

Подводные исследования в Фанагории, как известно, проводились в 1958–1959 гг. экспедицией под

руководством В. Д. Блаватского (Блаватский, 1985, с. 221–227). Основным итогом ее работы стали следующие результаты. Было установлено, что граница затопленной части городища проходила на расстоянии в 220 м, местами в 240 м от современной береговой линии. В пределах этой территории грунт на морском дне довольно плотный, тогда как за ее пределами он очень мягкий. По подсчетам В. Д. Блаватского, под водой находится 15–17 га площади древнего города. Исследование культурного слоя в северо-восточном секторе затопленной части городища (в 185 м от уреза воды) с использованием грунтососа показали, что он имеет толщину в данном месте около 1,3 м. Слой состоял из трех напластований: в самом верхнем из них были перемешаны находки от эпохи классики до средневековья, а два других датировались II в. до н. э. и III–IV вв. до н. э. соответственно.

После работ экспедиции под руководством В. Д. Блаватского подводные исследования в Фанагории до недавнего времени не предпринимались. В 1999 г. в рамках Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН был создан отряд для осуществления подводных исследований в акватории затопленной части городища. Главной задачей, поставленной в начале работ, было гидроакустическое обследование морского дна с целью составления батиметрической карты, а также испытание аппаратуры и разнообразной техники для производства расчистки некоторых участков морского дна от ила и травы и шурфовка для определения мощности, состояния и сохранности культурного слоя под водой, определения характера влияния моря на этот слой в течение многих веков (Кузнецов, Латарцев, Латарцева, Амелькин, 2003, с. 153–175).

Пожалуй, важнейшей задачей на первоначальном этапе подводных исследований было составление батиметрической карты затопленной части Фанагории (Кузнецов, Латарцев, Латарцева, Амелькин, 2003, с. 167,

Рис. 6. Раскоп в полосе прибой. Расчистка стены здания IV в. до н. э.

рис. 4). Для этой цели использовался эхолот «Logans 350 А», которым осуществлялись промерные работы в автоматическом режиме. Для сбора массива информации, который мог бы обеспечить полноту картины подводного рельефа и наглядно продемонстрировать наиболее интересные для дальнейшего визуального и приборного подводного обследования зоны акватории, был выбран участок южного побережья Таманского залива длиной около 3000 м и шириной от уреза воды в море 800 м. Произведенный в результате этих работ батиметрический анализ обследованной территории дает нам основание говорить более точно о границах затопленной части Фанагории. Во-первых, западная граница городища, за которую традиционно принимают глубокую лошину, совпадает с всхолмле-

ниями под водой. Во-вторых, северная граница города по всей видимости проходит примерно по изобатам 2,7–2,9 м, после которых начинается довольно заметное понижение морского дна до 3,7 м. Таким образом, затопленной частью Фанагории можно считать полосу, закрашенную на батиметрической карте разными оттенками желтого цвета, шириной от 200 м (на востоке) до 270 м (на западе). Длина этой полосы, которая (длина) одновременно является длиной городища с востока на запад, равна примерно 1 км. Отсюда следует, что размеры затопленной части Фанагории колеблются в пределах между 22 и 25 га. Эта площадь заметно больше той, которая была вычислена в результате подводных исследований экспедиции под руководством В. Д. Блаватского. Соответ-

ственно, общая площадь Фанагории также должна быть увеличена (не менее 60 га).

В отношении поднятия уровня моря за последние примерно две с половиной тысячи лет на основе наших подводных исследований в Фанагории можно говорить о том, что такое поднятие вряд ли превышало отметку в 3 м.

В процессе обследования морского дна в восточной половине акватории затопленной части городища, в 120 м от берега, был обнаружен большой развал камней, который был расчищен при помощи гидроэжекторов. Развал камней имеет размеры 40 × 17 м. Он состоит более чем из полусотни больших строительных блоков и фрагментов, мелких камней, архитектурных деталей и обломков статуй (Кузнецов, Латарцев, Ла-

тарцева, Амелькин, 2003, с. 170–173). Среди наиболее интересных находок отметим четыре барабана колонн, фрагменты других архитектурных деталей (карнизы, архитравы, база колонны), строительные блоки, в том числе мраморные, с пиронами, небольшие обломки мраморных статуй. Поскольку строительные блоки и архитектурные детали были сделаны из разных пород камней (известняк, мрамор, ракушечник), можно уверенно говорить о том, что они принадлежали нескольким зданиям, по крайней мере два из которых были общественными. Первому из них принадлежали неканелированные барабаны колонн, диаметр которых (от 0,82 до 0,96 м) говорит о том, что здание было весьма большим. Второму зданию принадлежат блоки из мрамора, один из которых имеет весьма крупные размеры (1,4 × 0,7 × 0,3 м). Они свидетельствуют о том, что в Фанагории (по всей видимости в эллинистическое время) находилось здание из мрамора, скорее всего храм. Это дает нам основание скептически отнестись к мнению некоторых исследователей о том, что «целых мраморных храмов в Северном Причерноморье не было вообще» (Крыжицкий, 1993, с. 72).

В связи с исследуемым развалом камней следует обратить внимание на следующий факт. Экспедицией В. Д. Блаватского было проведено довольно тщательное обследование акватории затопленной части городища. Однако этот развал не был зафиксирован исследователями. С другой же стороны, было отмечено наличие значительного развала камней в северо-западной части затопленного участка городища, который не был до сегодняшнего дня обнаружен нашей экспедицией. Чем это можно объяснить? Отвечать на этот вопрос до проведения специального исследования, видимо, было бы преждевременно. Тем не менее, можно предположить, что камни исчезли с поверхности морского дна в результате деятельности моря. Другими словами говоря, каменные блоки, на-

ходящиеся в культурном слое на мелководье, то размываются морскими штормами, то вновь затягиваются илом и зарастают травой.

Теперь обратимся еще к одному важному вопросу — о состоянии культурных напластований под водой. На месте развала камней некоторые блоки довольно глубоко уходили в грунт. Во время их расчистки пришлось переместить при помощи грунтососа много земли, в результате чего образовалась довольно глубокая яма. Для того, чтобы определить мощность культурного слоя в данном месте, было решено продолжить этот шурф до материка. Работы показали, что мощность культурного слоя в данном месте достигает 1,8 м (Кузнецов, Латарцев, Латарцева, Амелькин, 2003, с. 162). Все попытки разделить слой на отдельные культурные напластования и датировать их не увенчались успехом. При этом было обращено внимание на такой важный момент: в толще культурных напластований по всему периметру шурфа встречено несколько слоев ракушек (Кузнецов, Латарцев, Латарцева, Амелькин, 2003, с. 175, рис. 15). Это наводит на мысль о том, что весь слой оказался переотложенным. Такое могло произойти, например, в результате действия осенне-весенних штормов, размывавших и перемешивавших в течение многих столетий культурный слой.

Даже если это предположение и верно, то это не означает, что весь слой в затопленной части городища размыт и перемешан. Ближе к берегу, на глубинах в несколько десятков сантиметров он полностью сохранился. Об этом свидетельствуют каменные кладки *in situ*, которые отчетливо видны во многих местах. Не исключено, что разрушительная деятельность моря возможна только на определенных глубинах (например, от 1 м и глубже), на которых и находится развал камней. С другой стороны, возможно, что описанное явление носит локальный характер: исследуемый участок по какой-то причине не закрыт плотным слоем

грунта, о котором говорилось выше и который был зафиксирован экспедицией В. Д. Блаватского. Для разрешения этой весьма важной для изучения состояния культурных напластований и их датировок проблемы в будущем необходимо продолжить подводные раскопки на различных участках акватории затопленной части Фанагории.

С целью изучения состояния культурного слоя в прибрежной части городища в сезоне 2003 г. были предприняты раскопки непосредственно в полосе прибоя (рис. 5). Эти работы во многом носили экспериментальный характер. При визуальном осмотре этой полосы прибоя в спокойную погоду под водой можно увидеть не только отдельно лежащие камни, но и кладки различных сооружений. В качестве объекта изучения был выбран участок в восточной половине городища, в непосредственной близости к раскопу И. Е. Забелина (1870 г.) (Паромов, 1993, с. 121–122). При отсутствии сильного волнения в этом месте отчетливо можно было видеть фрагмент стены, сложенный из довольно крупных блоков. Глубина воды непосредственно над стеной составляла не более 25–40 см и около 0,5 м до морского дна. Раскоп площадью 25 м² был ориентирован по странам света.

Границы раскопа были обложены мешками с песком и проложены полиэтиленовой пленкой. Раскопки при помощи рыхления плотного слоя гидромонитором оказались неудовлетворительными, поскольку нарушалась послойность выемки грунта, а стенки раскопа начинали быстро разрушаться. В ходе многочисленных экспериментов было найдено единственно возможное и удовлетворительное решение — послойное рыхление грунта ножом по всей площади с последующей его эжекцией грунтососом на фильтры. Для откачки воды были установлены 4 мотопомпы с суммарной производительностью около 2 тыс. литров в минуту. Находки из раскопа поступали по шлангу в корзины, где они выбира-

Рис. 7. Расчищенный от ила и водорослей участок морского дна.

На переднем плане постамент под стацию Савромата II, справа от него обломок мраморной статуи.

лись и затем обрабатывались на площадке.

Описание культурного слоя в раскопе возможно только по бортам, поскольку его вскрытие осуществлялось в условиях нулевой видимости. Однако и борта не дают возможности полноценного понимания стратиграфии этого участка. Причина этого состоит в том, что структура грунта, находившегося в течение многих столетий под морской водой, не поддается определению. Со временем грунт приобрел однородный характер, стал напоминать ил — жирный и мажущий. Его цвет по преимуществу темно-серый, часто черный. Местами в нем видны более светлые, желтоватых от-

тенков прослойки. Можно предполагать, что изначально грунт представлял собой суглинок коричневатого или желтоватого оттенка, что характерно для слоев классического времени Фанагории. В слое встречаются ракушки, угольки, небольшие печины, также потерявшие свой первоначальный цвет. Разбить слой на микрослои не удастся. Однако это не столь существенно в данном случае, поскольку он имеет единую дату, установленную на основе находок керамики — IV в. до н. э. Мощност культурного слоя на раскопе около 1 м от поверхности морского дна. Ниже лежит материк, который представляет собой песок желтоватого цвета.

Находки представлены массовым археологическим материалом, среди которого господствуют фрагменты амфорной тары. Находок не очень много, по преимуществу они являются стенками сосудов. Черепки не окатаны, поскольку находились внутри слоя. Среди находок отметим фрагменты хиосских пухлогорлых и «колпачковых», «протофасосских», фасосских и гераклейских амфор, а также обломки небольшого числа столовой и кухонной посуды.

Таким образом, на основе этих раскопок можно поставить вопрос об отсутствии городских кварталов VI и V в. до н. э. на территории города, прилегающей в древности к морско-

му побережью. Естественно, что это предположение должно быть проверено последующими подводными исследованиями.

Наряду с аппаратным обследованием дна в акватории затопленной части городища ежегодно производится его визуальное изучение. В 2004 г. оно привело к важным результатам. Неподалеку от западной границы памятника на расстоянии около 120 м от уреза воды был обнаружен угол мраморного блока, который давал надежду на открытие необычного объекта. Дно в этом месте покрыто слоем песка и небольшим количеством водорослей. В результате расчистки грунтососом небольшого участка морского дна общей площадью около 100 м² обнаружилась следующая картина. Под слоем песка находилось скопление камней, которые представляли собой строительные блоки, архитектурные детали, в том числе неканелированный барабан колонны, обломки мраморных статуй (рис. 6). Некоторые из них имели большие размеры. Например, одна из архитектурных деталей представляла собой, по всей видимости, какую-то из частей антаблемента и достигала в длину полтора метра. Среди фрагментов мраморных статуй выделялась часть плеча статуи больше человеческого роста. Все камни лежали довольно беспорядочно. Среди них наибольший интерес представляют два объекта из мрамора: строительный блок с надписью царя Аспурга и постамент под статую царя Савромата II с десятистрочной надписью.

Камень с надписью Аспурга представляет собой строительный блок размером 0,85 × 0,55 × 0,53 м. Блок был установлен в стене какого-то здания, полностью построенного из мрамора. Более того, наш блок был угловым, о чем говорит не только чистовая обтеска правой (от лицевой стороны) грани, но и наличие на ней специального выступа. Такие выступы (обычно их было два) оставлялись на камне еще в каменоломне для того, чтобы можно было блок

застропить и поднять лебедкой на стену (Hellmann, 2002, с. 88, рис. 94; Orlandos, 1968, с. 88–91, рис. 91–94, 97). Иногда такие выступы оставались в стене уже построенного здания для красоты. Наиболее известный пример — Пинакотека на афинском Акрополе. Спустя какое-то время после сооружения здания на нем была выбита посвятельная надпись из пяти строк, полностью сохранившихся:

«Царь Аспург, друг римлян, сын царя Асандроха, (посвятил статую) Эрота Афродите Урании, владычице Анатура, в качестве благодарственного дара».

До находки нового документа было известно 7 надписей, в которых упоминается имя Аспурга. Для нас интерес представляют четыре надписи. Две из них являются посвятельными надписями, а две других — письмами Аспурга жителям города Горгиппии. Посвятельные надписи очень важны для датировки нового документа (КБН 39, 40). В первой из них, которая сохранилась фрагментарно, дана дата — 23 г. Вторая надпись, хотя и не несет на себе дату, очень близка к первой как по шрифту, так и по титулатуре царя, в которой перечисляются племена, входившие в состав Боспора, и сообщается о победе царя над скифами и таврами (КБН 40). Можно согласиться с большинством специалистов, что оба документа практически одновременны. В последнем из них говорится, что Аспург «происходит от Асандроха» (to;n eijk basilevw" ΔAsandrovcou). Эта фраза породила целую дискуссию в научной литературе о происхождении Аспурга. Во-первых, некоторые исследователи идентифицируют Асандроха с боспорским царем Асандром, другие же видят в нем варвара сарматского происхождения (Сапрыкин, 2002, с. 131–134). В зависимости от этого в Аспурге видели приемного сына

Асандра, мужа, сына и даже внука боспорской царицы Динамии (Ростовцев, 1916, с. 17). Недавно Ю. Г. Виноградов на основании фразы о происхождении Аспурга от Асандроха выдвинул гипотезу, в соответствии с которой Аспург был приемным сыном Асандра. Аспург происходил родом из сарматского племени, о чем говорит и его имя, имеющее иранские корни. Отсюда он делает заключение, что Аспург не был законным наследником боспорского престола, а захватил власть силой, основав таким образом новую династию, сарматскую по своему происхождению (Виноградов, 1994, с. 151–170).

Надпись из Фанагории ставит точку в этих дискуссиях. В ней прямо говорится, что Аспург был сыном Асандроха, в котором большинство специалистов видит боспорского царя Асандра (Сапрыкин, 2002, с. 134). Соответственно, Аспург, будучи через свою мать Динамию потомком Митридата VI Евпатора, имел все права обладать боспорским престолом.

Вновь найденная надпись может быть датирована между 16 и примерно 23 гг. н. э.

Боспорский царь Аспург посвятил статую Эрота в качестве благодарственного дара, возможно, в один из важнейших храмов государства (Ustinova, 1999, с. 44, 173). Принимая во внимание то обстоятельство, что Афродита Урания была покровительницей боспорских царей и всего государства, можно полагать, что посвящение последовало после какого-то важного для Аспурга события.

Вторая находка представляет собой мраморный постамент под статую боспорского царя Савромата II с десятистрочной надписью и изображением быка, приготовленного к жертвоприношению (рис. 7). Она гласит: *«В добрый час. Происходящего от предков царей, великого царя*

Рис. 7. Постамент в честь Савромата II с десятистрочной надписью и изображением быка.

ΑΙ ΛΟΗ ΤΥΧΗΣ
ΤΟΝ ΕΚ ΤΡΟΛΟΝΙ ΜΕΧΡΙ ΜΕΝΝ ΒΑΔΙ
ΛΕ ΑΜΕΓΑΝ ΤΙΒΙΟΥΑΙΟΝ ΕΑΥΤΟ
ΜΑΤΗΝ ΟΥΤΟΝ ΒΑΓΙΑ ΕΡΟΙ Μ
ΤΑ ΑΡΟΥΦΙΑ ΚΑΙ ΤΑ ΚΑΙ ΑΙ ΚΟΙΝ ΜΟΝ
ΕΥΣΕΒΗ ΠΑΟΠΑΤΙΝ ΑΡΧΙΕΡΕΑΤΑΝ
ΕΒΑΛΕ ΤΟΝ ΔΙΑΒΙΟ ΚΑΙ ΕΥΕΡΕΤΕ
ΤΕΤΑ ΠΑΟΕ ΤΟΝ ΚΑΚΤΙΕ ΤΝΙΟ ΜΟΕ ΤΕ
ΕΤΡΑΤΟ ΑΡΧΙΟΥ ΕΤΕ ΤΟΝ ΔΙΟΤΕ ΕΝ
ΚΑΙ ΕΠΡΟΤΕΝ ΕΤΕ ΕΥΕΡΕΤΕ ΧΑΤΙ

Тиб(ерия) Юлия Савромата (его статую), сына царя Реметалка, друга цезаря и друга римлян, благочестивого, любящего свое отечество, пожизненного первосвященника августов, благодетеля отечества и основателя, Юлий Менестрат, архикойтонит, своего бога и владыку почета ради (поставил)». Надпись датируется временем между примерно 192 и 210/11 гг. н. э.

Очевидно, что находка обломков мраморных статуй, постамента, надписей и многочисленных фрагментов мраморных архитектурных деталей может свидетельствовать о том, что на западной окраине акватории затопленной части Фанагории могло находиться святилище или какой-то городской общественный центр, о функциональном назначении которого говорить пока мы не можем ни-

чего сказать. Комплексные исследования последних лет крупнейшего в России полиса со всей очевидностью показывают, что Фанагория на протяжении всей своей античной истории оставалась типичным греческим городом, культура которого развивалась в общем русле античной цивилизации.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анохин В. А., 1986. Монетное дело Боспора. Киев.
- Гайдукевич В. Ф., 1949. Боспорское царство. М., Л.
- Гайдукевич В. Ф., 1981. Боспорские города. Уступчатые склепы. Эллинистическая усадьба. Илурат. Л.
- Герц К. К., 1875. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. // Древности. Т. 6. Вып. 1. М.
- Блаватский В. Д., 1940. Раскопки в Фанагории в 1938–1939 гг. // ВДИ. № 3–4.
- Блаватский В. Д., 1955. О происхождении боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями // СА. № XXIV.
- Блаватский В. Д., 1985. Античная археология и история. М.
- Виноградов Ю. Г., 1994. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // ВДИ. № 2.
- Долгоруков В. С. 1986. Литейная форма из Фанагории // Проблемы античной культуры. М.
- Долгоруков В. С., 1990. Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории // КСИА. Вып. 197.
- Долгоруков В. С., Колесников А. Б., 1993. Новый тип строительных комплексов Фанагории // РА. № 1.
- Зограф А. Н. 1956. Античные монеты. МИА 16. М.
- Ильинская В. А., Тереножкин А. И., 1986. Звериный стиль // Археология Украинской ССР. Т. 2. Скифо-сарматская и античная археология. Киев.
- Кобылина М. М., 1956. Фанагория // Фанагория. МИА 57. М.
- Кобылина М. М., 1963. Культура Фанагории досарматского периода // Античный город. М.
- Кобылина М. М., 1983. Страницы ранней истории Фанагории // СА. № 2.
- Крыжицкий С. Д., 1993. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев.
- Кузнецов В. Д., 1995. Ранние типы греческого жилища в Северном Причерноморье // Боспорский сборник. Вып. 6. М.
- Кузнецов В. Д., 2000. Афины и Боспор: хлебная торговля // РА. № 1.
- Кузнецов В. Д. 2001. Метрополия Фанагории // Древности Боспора. Вып. 4.
- Кузнецов В. Д., Латарцев В. Н., Латарцева Е. Е., Амелькин А. О. 2003. Подводные исследования в Фанагории в 1999–2002 гг. // Древности Боспора. Вып. 6.
- Назаров В. В., 2003. Гидроархеологическая карта Черноморской акватории Украины, Киев.
- Паромов Я. М., 1993. Археолого-топографический план Фанагории // Боспорский сборник. Вып. 2. М.
- Паромов Я. М., 1998. Главные дороги Таманского полуострова в античное время // Древности Боспора. Вып. 1. М.
- Паромов Я. М., 2004. Курганный некрополь Фанагории (общая характеристика) // Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки памятников. Часть 1. Спб.
- Плетнева С. А., 2003. Фанагория // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья, IV–XIII века. Археология. М.
- Ростовцев М. И., 1916. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности. Т. Вып. 25. М.
- Сапрыкин С. Ю., 2002. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.
- Соколов Г. И., 1999. Искусство Боспорского царства. М.
- Тункина И. В., 2002. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII–середина XIX в.). Спб.
- Формозов А. А., 1975. К летописи археологических исследований в Северном Причерноморье в первой половине XIX в. // СА. № 1.
- Шелов Д. Б., 1956. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М.
- Boardman J., 1994. The Diffusion of Classical Art in Antiquity. L.
- Dinsmoor W. B., 1975. The Architecture of Ancient Greece. N.Y.
- Hansen M. H., 1985. Demography and Democracy. The Number of Athenian Citizens in the Fourth Century B.C. Herning.
- Hellmann M.-Ch., 1992. Recherches sur le vocabulaire de l'architecture grecque d'après les inscriptions de Délos. Paris.
- Hellmann M.-Ch., 2002. L'architecture grecque. I. Les principes de la construction. Paris.
- Kuznetsov V. D., 2003. Кери – Phanagoria – Taganrog // Ancient Greek Colonies in the Black Sea. Vol. II. Ed. by D. V. Grammenos, E. K. Petropoulos. Thessaloniki.
- Orlandos A. K., 1968. Les matériaux de construction et la technique architecturale des anciens Grecs. Vol. I. Paris.
- Owens E. J., 1991. The City in the Greek and Roman World. L.-N.Y.
- Ustinova Y., 1999. The Supreme Gods of the Bosphoran Kingdom. Celestial Aphrodite and the Most High God. Leiden-Boston-Köln.

Могильник Клин-Яр — перекресток времен и культур

В результате исследований последних 20 лет одним из самых ярких памятников эпох раннего железа и раннего средневековья на Кавказских Минеральных водах стал комплекс памятников в урочище Клин-Яр близ г. Кисловодска. Благодаря уникальным природно-климатическим условиям Кисловодской котловины эта территория активно осваивалась человеком с эпохи энеолита. На сегодняшний день она является наиболее насыщенной памятниками археологии в регионе.

Комплекс памятников Клин-Яр, состоящий из могильников и поселений кобанской, сарматской и аланской культур, располагается в одноименном урочище в 3–3,5 км к западу от старого Кисловодского озера и корпусов бывшего санатория Велинград, на высокой правой береговой террасе реки Подкумок. С севера урочище замыкается длинным останцом со скалистым гребнем длиной 420–450 м, вытянутым с востока на запад. Верхняя плоская площадка этого останца, с практически отвесными склонами, в древности служила укреплением и убежищем. В ее восточной части сохранились выдолбленные в древности в скале глубокие цистерны для хранения дождевой воды, которые выполняют эти функции и по сей день. В западной части

площадка перекрыта валом, а, примерно в ее центре, прослеживаются остатки каменной конструкции, возможно сторожевой башни. Несомненно, что это уникальное природное образование — естественное укрепление, а также близость воды, послужило причиной выбора места для поселения здесь людей в древности. На южном, северном и западном склонах этого останца, имеющего современное название «Паровоз», и находятся памятники Клин-Яра.

Первые сведения о наличии здесь археологических объектов поступили в 1967–1968 гг. от А. П. Рунича. Во время первой раскопки этой территории образовались провалы над аланскими катакомбами. Несколько погребений было исследовано А. П. Руничем, который предложил их предварительную культурную атрибуцию. Но широкомасштабные раскопки памятников Клин-Яра начались с изучения кобанского могильника в 1983 г. экспедицией Института археологии АН СССР под руководством С. Н. Корневского (1983 г.) и В. С. Флерова (1984–1986 гг.), при участии М. В. Андреевой. Начало больших новостроечных работ на этом месте было связано со строительством дороги, а затем принятием решения о строительстве здесь животноводческого комплекса

4-го Управления Минздрава СССР. В 1987 г. охранные раскопки здесь проводил Я. Б. Березин, а с 1988 по 1997 г. автор статьи силами организованных им археологической лаборатории Ставропольского государственного педагогического института и ГУП «Наследие». С 1993 по 1996 г. исследования велись совместно с Ридингским университетом Великобритании. Руководителем с английской стороны являлся доцент департамента археологии Ридингского университета Г. Харке.

В результате этих работ был получен огромный научный материал из почти трех сотен погребений кобанской культуры, что беспрецедентно в изучении кобанских древностей на Северном Кавказе. Огромный массив погребений сарматской (около тридцати подбоев и катакомб) и аланской (около семидесяти катакомб) культур также вошел в фонд северокавказской археологии. Особую значимость среди материалов средневековой эпохи приобрело изучение участка могильника с элитарными захоронениями, открытого в 1995 г.

Ряд уже изданных комплексов кобанской культуры могильника Клин-Яр, содержащих великолепные образцы вооружения, привлек к себе внимание как в России, так и за рубежом. Это связано, прежде всего,

Рис. 1. Могильник Клин-Яр. Мужское погребение 186.

с вопросами решения проблем периодизации и хронологии предскифского периода Кавказа, а также Восточной и Центральной Европы. Особую роль в этом играют найденные в погребениях могильника шлемы ассирийского типа, детали конской узды и некоторые другие находки. Предложенная атрибуция и хронология данных предметов породила оживленную полемику на страницах

отечественных и иностранных археологических изданий (работы А. Б. Белинского, С. Л. Дударева, А. Ю. Алексеева, Т. М. Кеменцеи, С. Б. Вальчака, В. Р. Эрлиха, А. И. Иванчика С. В. Махортых, и др.). Материалы могильника опубликованы лишь выборочно, на уровне отдельных наиболее ярких находок и комплексов. Огромный массив находок и материалов этого могильника в настоящее

время обрабатывается и готовится к публикации. Параллельно обрабатывается и изучается антропологический материал из этого могильника, включая химический анализ состава костей, а также изотопные анализы, что позволяет проводить не только традиционные половозрастные определения, но и выявить элементы диеты, болезни, влияние вредных производств на состояние здоровья разнокультурного и разновременного населения этого места. Работы с антропологическими материалами проводятся в лабораториях ИА РАН и Оксфордского университета Великобритании.

Наиболее известным комплексом материалов кобанской культуры могильника стало погребение 186, открытое в 1988 г. Это было мужское скорченное погребение в прямоугольной яме, ориентированное головой на юг, в целом характерное для этого могильника. В юго-восточном углу погребения перед лицевой частью черепа находился бронзовый шлем с нашечниками (рис. 1). Внутри шлема находились бронзовые двукольчатые удила, трехпестельчатые псалии с загнутыми концами и выделенными утолщениями на них, напоминающими копытца, а также четыре литые бронзовые сбруйные бляшки подквадратной формы, с прорезными солярными знаками на выпуклой стороне и с петлями на обороте (рис. 2). За шлемом вдоль стенки лежал железный наконечник копья, а в районе пояса погребенного — биметаллический кинжал, железный нож, две бронзовые полусферические бляшки и каменный оселок. Наиболее значимой находкой в этом погребении является бронзовый шлем. Необходимо отметить, что годом ранее при строительных работах на этом же участке могильника было разрушено еще одно погребение с подобным шлемом. Высота тульи последнего, форма нашечников, способ их крепления при помощи бронзовых скоб, полностью совпадали со шлемом из погребения 186. Исключение в нем составил лишь

пуансонный орнамент, нанесенный в нижней части тульи в виде зигзагов между двух поясков.

Шлемы такого типа, в основном во фрагментах, находили на Кавказе и ранее. Так, один из них происходит из могильника Фаскау в Северной Осетии. Он был приобретен до революции Историческим музеем у местного жителя. Судя по описанию и приведенной фотографии, он соответствует клин-ярским шлемам. Плохая его сохранность, особенно в нижней части тульи, объясняет, по-видимому, отсутствие нашечников. Другая находка подобного шлема была сделана у п. Приморский Гудаутского р-на в Абхазии. Вместе с ним в нескольких разрушенных погребениях были найдены вещи кобанского облика: биметаллический кинжал, бронзовая шейная гривна, наколочник копья, бронзовая фибула. Впоследствии на этом же месте были обнаружены два бронзовых топора кобанского типа (Шамба, 1984, с. 62, 63). Судя по фрагменту тульи, шлем из Приморского соответствовал по высоте клин-ярским шлемам и шов на тулье также был скреплен бронзовыми скобками. Близкий по форме шлем, судя по полевой фотографии, очень плохой сохранности, был найден в Триалети у с. Бешташени в могильнике раннего железного века, и был опубликован Б. А. Куфтиным (1941, с. 68). Относительно этой находки нельзя однозначно установить ее полное соответствие шлемам из Клин-Яра, Фаскау и Приморского, поскольку в нашем распоряжении есть только полевая фотография.

Б. А. Куфтин первым предпринял попытку интерпретации известных к тому времени шлемов этого типа. Он считал, что наиболее близкими по форме могут считаться бронзовый конический шлем, датирующийся VI в. до н. э., составленный из двух кусков, склепанных между собой, украшенный в греко-восточном орнаментальном стиле, найденный в Оппеано (Верхняя Италия) археологом Пагорини, и конический шлем, датирующийся 550–450 гг. до н. э.,

Рис. 2. Удила, псалии и сбруйные бляшки внутри шлема из погребения 186 могильника Клин-Яр.

происходящий из Поречья в Истории, также с заклепанным продольным швом, употребленный в качестве урны для пепла покойника (Куфтин, 1941, с. 139–143). Обращаясь к ассирийским рельефам, Б. А. Куфтин констатировал, что шлемы, изображенные на них, характеризуются тульей не прямой, а гнутой по форме головы. Исходя из этого положения, он отвергал возможность соотнесения кавказских шлемов с ассирийскими. В качестве подтверждения, он предлагал ближе ознакомиться с бронзовым шлемом, хранящемся в Британском музее, происходящем из Нимруда. Однако шлем из Нимруда не может быть сопоставлен с кавказскими, так как его форма и технология отличаются от упомянутых выше, а главное, что он относится к другому историческому периоду — эпохе сасанидов. Плохая сохранность шлемов, учтенных Б. А. Куфтиным, не позволила ему в полной мере выявить их особенности. Представляется, что аналогии кавказским шлемам стоит искать именно в асси-

рийских древностях. Судя по клин-ярскому экземпляру 1988 г., полностью сохранившему первоначальную форму, тулья была выгнута именно в нижней части, как на шлемах, изображенных на ассирийских рельефах. Детальный анализ рельефов из Ниневии, опубликованных Р. Д. Барнеттом (Barnett, 1975) и осмотренных автором данной статьи в экспозиции Британского музея, позволяет соотнести бытование шлемов близкой формы в Ассирии с периодом правления Синнахириба (705–680 гг. до н. э.) и начала правления Ашшурбанипала (668–626 гг. до н. э.). Именно на рельефах времени правления Синнахириба появляются шлемы конической формы с выгнутой нижней частью тульи, снабженные нашечниками. На большей части изображений присутствуют шлемы с приклепанными к низу тульи нашечниками, но наряду с ними присутствуют и цельнокроенные экземпляры. В это время, судя по рельефам, шлемы такого типа преобладали. На ниневийских рельефах времени Ашшурба-

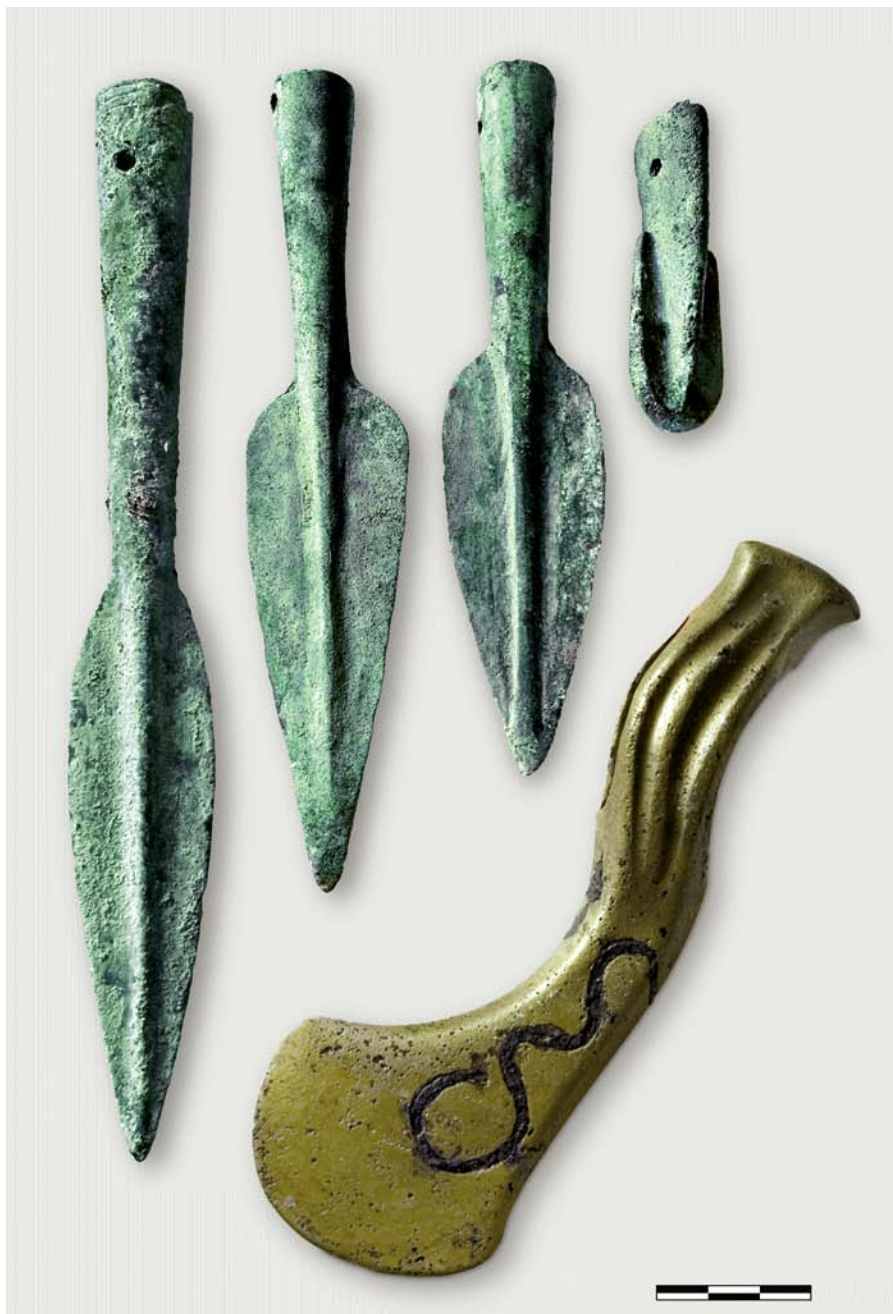

Рис. 3. Бронзовые наконечники копий, наконечник ножа и бронзовый топор.

нипала, особенно в ранний период, изображения таких шлемов еще имеются, сосуществуя с другими типами. На изображениях более позднего периода его правления формы шлемов уже другие. Таким образом, можно считать, что шлемы, близкие по форме найденным на Кавказе, существовали как элемент защитного вооружения в Ассирии с конца VIII в. до н. э. до середины VII в. до н. э. Этим датам не противоречит

соответствующий набор инвентаря из погребения 186 клин-ярского могильника. Вопрос о месте изготовления кавказских шлемов остается открытым. Можно лишь предполагать, что скорее всего кавказские шлемы были сделаны в одном центре, так как их размеры и конструктивные особенности практически полностью совпадают. Несомненно также, что эти шлемы близки ассирийским образцам известным

по рельефам, и то, что они существовали непродолжительное время, не оставив традиции в кавказском защитном вооружении.

В настоящее время комплекс находок из погребения 186 вызывает заслуженное внимание многих специалистов по эпохе раннего железного века. Так, А. Ю. Алексеев, Е. В. Черненко и С. В. Махортых в целом согласны с предложенным тезисом о наибольшей близости клин-ярских шлемов с изображениями на рельефах времени Синнахириба. В. Р. Эрлих считает, что наиболее близкие параллели имеются на рельефах Тиглатпаласара III (745–727 гг. до н. э.) и Саргона II (721–705 гг. до н. э.). Это мнение было поддержано и С. Л. Дударевым. К X–VIII вв. до н. э. относят кавказские шлемы В. И. Козенкова и С. В. Полин, а А. И. Иванчик — к XI–X вв. до н. э. При всем разбросе мнений, на наш взгляд, важным является тезис В. Р. Эрлиха о том, что комплексы типа погребения 186 клин-ярского могильника являются «реперными и приоритетными для предскифских древностей Юго-Восточной Европы в плане абсолютной хронологии, в отличие от среднеевропейских «привязок», которые сами порой зависят от восточноевропейских параллелей» (Эрлих, 1997, с. 19–34).

Наряду с этими яркими комплексами были получены массовые материалы, характеризующие процесс освоения железа в Центральном Предкавказье. Например, выборка такой категории инвентаря, как оружие, дало 119 железных, 20 бронзовых и 6 биметаллических предметов. Эти данные свидетельствуют о том, что процесс освоения железа и смена им бронзовых и биметаллических изделий был на завершающей стадии еще в предскифское время. В погребениях же скифского времени эти категории инвентаря представлены только железными образцами.

Отдельные предметы инвентаря «помимо защитного вооружения ассирийского типа», в могильнике

редки и уникальны. К их числу относится первая находка на Северном Кавказе и вторая в Юго-Восточной Европе сложносоставного лука «скифского типа» из погребения 261, датированного второй пол. VIII — первой пол. VII в. до н. э. Среди другого вида вооружения — каменных и металлических молотков и топоров — выделяется не имеющий аналогов бронзовый скипетр из погребения 300 и раннекобанский бронзовый топор из погребения 362 с гравированными и инкрустированными железом изображениями змей и нанесенных пуансонным орнаментом рыб (рис. 3), датируемый первой половиной VIII в. до н. э. и связанный своим происхождением с древностями Центрального Кавказа (Белинский, Дударев, 2001, с. 37–44). Из погребений Клин-Яра происходит также большое количество ярких предметов конской сбруи. Это бронзовые удила, псалии, бляхи (рис. 4). Среди удил встречены экземпляры с двукольчатыми, однокольчатыми и стремечковидными окончаниями. Псалии трехпетельчатые с прямыми и изогнутыми стержнями. Встречен также один костяной дуговидный псалий. Среди этих предметов конской упряжи выделяются псалии с конскими головками из погребения 14 из раскопок Я. Б. Березина — шедевр бронзовой металлопластики. К конскому снаряжению также принадлежат различные бляхи, подпружное кольцо, которое, по мнению В. Р. Эрлиха, относится к детали колесничной упряжи, и скобы с двумя бляшками. Все эти предметы укладываются в рамки VIII — начала VII в. до н. э. Наличие конской упряжи свидетельствует о появлении всадничества на этой территории в предскифское время. Но соотношение всаднических захоронений и общего числа мужских могил (11 к 114) не дает оснований для выводов о роли конницы как самостоятельного военного подразделения в это время. Скорее, элементы конской упряжи вместе с другими престижными предметами маркировали элитный слой

Рис. 4. Бронзовые однокольчатые удила с псалиями и двукольчатые удила.

членов общества, погребенных в этих могилах. Интересен факт, что в погребениях скифского времени Клин-Яра предметов конской упряжи уже нет.

Богатая коллекция украшений, найденная в погребениях могильника Клин-Яр, стала самой репрезентативной из кобанских могильников на территории Кавказских Минеральных вод, изученных до сих пор. Она состоит из 10 типов бронзовых привесок разнообразных форм, пяти типов блях и пуговиц, двух типов браслетов, 3 типов булавок, двух типов гривен и более четырех тысяч

бус (рис. 5, 6). Среди женских украшений особенно выделяются наборы украшений из двух женских погребений жриц (шаманок). Например, бляха с солярной орнаментацией в виде пятилучевой звезды и богатым декором по полю не встречалась ранее нигде на Северном Кавказе. Ближайшая аналогия происходит из комплекса с конской сбруей IX в. до н. э. из Западного Закавказья (Лайлаши).

Севернее основного кобанского могильника Клин-Яр на южном склоне останца, располагается могильник сарматского и аланского време-

Рис. 5. Бронзовые гривны.

ни. Отдельные его участки изучались исследователями на протяжении всего времени раскопок Клин-Яра. С 1994 по 1997 г. один из самых богатых участков этого могильника исследовался совместной экспедицией ГУП «Наследие» под руководством автора и Ридингским университетом Великобритании, под руководством доцента департамента археологии Г. Харке. Здесь на небольшой территории были открыты несколько десятков сарматских и аланских погребений, отличавшихся особым богатством и разнообразием инвентаря.

Сарматские погребения относились к периоду I–III вв. н. э. и были совершены в подбоях, катакомбах, катакомбах с двумя камерами, соединенных одним дромосом. Такой была конструкция наиболее богатого погребения 361. Мужское захоронение в одной из камер сопровождали четыре керамических сосуда и большой железный меч. Женское погребение, вход в камеру которого находился на противоположном конце дромоса и был закрыт двойным закладом камней, сопровождалось инвентарем с золотыми серьгами и подвеской,

инкрустированной полудрагоценным камнем красного цвета, уникальной крупной многогранной золотой бусиной, бронзовым зеркалом, стеклянными бусами и тремя керамическими сосудами.

На этой же территории могильника был выявлен «элитный» участок аланского катакомбного могильника. Погребения здесь резко выделялись богатством инвентаря и размером погребальных сооружений. Почти в каждом дромосе находилось погребение коня. Сами камеры были глубокими, зачастую превышающими глубину 4 м от дневной поверхности. Захоронения обычно состояли из нескольких костяков. По смещению костей ярко прослеживался обычай подзахоронения. По всей видимости, катакомбы служили семейными усыпальницами.

Особым богатством отличалось катакомбное погребение 360. Здесь рядом с женским костяком были найдены две золотые серьги, выполненные в византийском стиле, золотая брошь, бронзовое зеркало и бусы, бронзовые обувные накладки. У мужчины выявлена маленькая золотая серьга с левой стороны черепа, золотые обувные накладки. С левой стороны лежал большой меч с серебряной рукоятью, украшенной золотыми накладками. Рядом с ножами находились P-образные серебряные скобы. Такой тип меча встречается в аварском контексте и распространен в это время от Средней Азии до севера Италии. Пояс был украшен множеством серебряных накладок с золотой инкрустацией в геральдическом стиле. В припорожной яме находился большой бронзовый котел, кольчужный нагрудник, поясные накладки и 15 наконечников стрел. Кроме того, в головах погребенных были поставлены стеклянный кубок, керамическая миска, два керамических чернолощенных кувшина, в одном из которых был найден еще один пояс с серебряными, инкрустированными золотом накладками. Незаурядный набор инвентаря датируется, скорее всего, VII в. н. э.

Несомненно, что погребения, открытые на этом участке, относятся к захоронениям местной сарматской и аланской элиты. Погребения здесь богаче всех могил, относящихся к этим культурам, известных на Клин-Яре. Например, сопровождающие конские захоронения на Клин-Яре очень редки и обычно ассоциируются с исключительным благосостоянием погребенных. Однако на этом участке было выявлено 14 погребений как целых лошадей, так и так называемых «конских шкур», где присутствуют только головы и конечности. Таким же образом, бронзовые котлы и стеклянные сосуды редко встречаются в сарматских и аланских могилах, четыре же погребения на элитном участке содержали три из пяти бронзовых котлов и все четыре стеклянных сосуда, найденные за все время исследования Клин-Яра. Две разграбленные в древности катакомбы, являются еще одним косвенным показателем богатства этого участка. Наконец, исключительное богатство и разнообразие инвентаря, принадлежащего мужчине, погребенного в катакомбе 360, на фоне других погребений этого времени в данном регионе, позволяет отнести его к высшему слою раннеаланского общества на Северном Кавказе.

Открытие этого элитного участка на могильнике Клин-Яр является одним из важнейших итогов полевых исследований российско-британской экспедиции. Материалы, полученные в ходе этих работ, позволили выявить социальную структуру и связи населения, оставившего клин-ярский могильник, располагавшийся на одном из участков Великого Шелкового пути в аланский период. Эти связи отражаются не только в наличии импортных товаров. Анализ конских костей из погребений 341 и 345 свидетельствует о скрещивании восточных степных пород лошадей с местными породами. Это же направление географических контактов, возможно, маркирует меч из погребения 360 и стеклянный кубок, относящийся к V–VI вв. н. э из сасанидского Ирана.

Рис. 6. Многослитковые бронзовые браслеты.

Другое основное направление контактов — это Византия, на которое указывают типы украшений, монеты и стеклянные сосуды. Есть еще одно звено в этой цепи. Элитный участок погребений на могильнике Клин-Яр содержал ряд железных стремян в комплексе с византийскими монетами, датируемыми между концом VI и серединой VII в. н. э., а это, похоже, самая ранняя группа стремян на Северном Кавказе, а возможно, и одна из первых в Европе. Стремена появились в Византии в 590-е гг., они, как считается, попали туда с севера

(личный комментарий J. Howard-Johnston, Оксфорд). С учетом датировки клин-ярских стремян, район Кисловодска, возможно, сыграл роль в этом заимствовании (Harke, Belinsky, 2000, p. 193–210).

Интересные результаты получены и для антропологических материалов всех периодов могильника. Так, на основании изучения химического состава костных остатков древних клин-ярцев, сделаны важные заключения о демографии населения Клин-Яра, его здоровье, некоторых особенностях жизни и быта, а также

ведении населением комплексного хозяйства (исследования А. П. Бужиловой, М. В. Козловской, М. Б. Медниковой, Е. А. Александровской). Такие исследования для памятников этого круга на Кавказских Минеральных Водах сделаны впервые. Так на материалах по возрастным данным 106 кобанских индивидуумов установлено, что средняя продолжительность жизни составляла для мужчин 35,5 лет, а для женщин — 33 года. При этом у тех и других не наблюдается пиков смертности, что указывает на относительно высокий уровень жизни группы. На фоне синхронных и более поздних групп северокавказского и степного населения можно говорить о среднем уровне продолжительности жизни местных «кобанцев». Обращает на себя внимание отсутствие людей старше 40 лет и незначительная доля детского населения. Такая ситуация характерна для военизированного населения укрепленных поселений типа крепостей, форпостов. На милитаризованный образ жизни указывают следы травм в антропологическом материале, в том числе рубленных, полученных во время стычек, в которое были втянуты женское и детское население. На основании антропологического материала четко устанавлива-

ется оседлый характер образа жизни клин-ярцев, связанный с земледелием. На это указывают хрящевые грыжи (при отсутствии других индикаторов физического стресса), отсутствие маркера холодового стресса, слабо выраженные признаки всадничества, особо характерные для антропологической выборки могильника Клин-Яр III аланского времени. В то же время хозяйство кобанцев было комплексным, земледельческо-скотоводческим, на что указывает характер зубных болезней и данные концентрации химических элементов в костях погребенных. Местные жители также испытывали определенные трудности с мясным питанием, переживая периоды недоедания и голодания, что характеризуется различием концентрации цинка в сравнении с сарматской и аланской выборкой могильника Клин-Яр III, а также индикаторами задержки роста у детей. В то же время уровень малокровия, наиболее характерный для женщин и детей у населения того времени в Европе, Средиземноморье, и на Ближнем Востоке, у «кобанцев» Клин-Яра незначителен. Изучение химического состава костных останков населения Клин-Яра как раннего железного века, так и средневековья впервые выявило факт того, что ме-

стное население, возможно, пользовалось минеральными источниками, богатых бромом, никелем, стронцием, барием, магнием и цирконием, что отражалось на конкретных микроэлементных свойствах популяции и их здоровье. В настоящее время в совместном проекте ГУП «Наследие», Ридингского университета и лаборатории радиоуглеродного датирования Оксфордского университета изучается возможность влияния этих микроэлементов, попавших из водных источников в костные останки, на датировку последних с помощью радиоуглеродного метода. Также было установлено вредное влияние на здоровье населения, включая детей, участие древних клин-ярцев в металлургическом производстве.

Исследование материалов из могильника Клин-Яр еще продолжается. Применение новых методов, некоторые из которых еще не были известны на начальной стадии его изучения, позволяют надеяться на получение важной научной информации в будущем. Но уже сейчас этот уникальный археологический памятник стал ключевым в решении многих важнейших вопросов древней и средневековой истории не только Северного Кавказа, но также Центральной и Юго-Восточной Европы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Белинский А. Б., Дударев С. Л., 2001. О некоторых редких предметах вооружения «предскифского» времени из могильника Клин-Яр III (г. Кисловодск) // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. МИАР. Вып. 3.
- Куфтин Б. А., 1941. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси.
- Шамба Г. К., 1984. Раскопки древних памятников Абхазии. Сухуми.
- Эрлих В. Р., 1997. К проблеме связей Предкавказья и Средней Европы в новочеркасский период // Памятники предскифского и скифского времени на Юге Восточной Европы. М. Barnett R. D., 1975. Assyrian palace reliefs. L.
- Harke H., Belinsky A., 2000. Novellas Fouilles de 1994–1996 dans la Nécropole de Klin-Yar // Les Sites archéologiques en Crimée et au Caucase Durant L'Antiquité tardive et le haut Moyen-Age. Colloquia Pontica, Brill. Leiden, Boston, Köln.

Скифы на Среднем Дону: новые находки и открытия

В 1989 г. на Среднем Дону начала свои исследования Потуданская (с 2000 г. — Донская) археологическая экспедиция (ПАЭ) Института археологии РАН. Первоначально, согласно намеченному плану, главное внимание в ее работе было уделено разведкам — поискам новых и обследованию уже известных древностей в пределах Острогожского и Репьевского районов Воронежской области (в бассейне рек Потудань и Девица — правых притоков Дона). За короткое время здесь было открыто 4 новых городища и 4 больших курганных группы, а также несколько селищ эпохи бронзы и раннего железного века (отчеты ПАЭ за 1989—1995 гг. в Архиве ИА РАН).

Предполагалось, что постепенно, без значительных по масштабам раскопок, ПАЭ осуществит микрорегиональный анализ всех видов археологических памятников сначала в пределах бассейна р. Потудань, а потом и р. Девицы. Однако уже начальный этап этого проекта совпал по времени с известными событиями в СССР (1990—1991 гг.) и как следствие — с резким усилением всех видов хозяйственной деятельности на землях Центрального Черноземного региона России, деятельности, слабо контролируемой органами центральной и местной власти. Затем последовали

перевод войск с Запада и волны беженцев из горячих точек (Кавказ, Средняя Азия). И все это, плюс исподволь начавшаяся массовая приватизация земли, привело к резкому росту масштабов разрушения памятников археологии на Среднем Дону, что в самой ближайшей перспективе грозит подлинной катастрофой археологическому наследию региона. Особенно интенсивно идет разрушение местных (в том числе и скифских) курганов всех эпох. Заметно активизировали свою деятельность в этот период так называемые «черные археологи».

И это при том, что после распада СССР и появления суверенной Украины, большая часть древностей «европейской Скифии» оказалась вне досягаемости российских ученых. Как известно, в самой России памятники европейских скифов есть лишь в Среднем и Нижнем Подонье, а также в Ставропольском и Краснодарском краях (но там — только памятники скифской архаики VII—VI вв. до н. э.).

Учитывая сложившуюся критическую ситуацию, ПАЭ переориентировалась на спасательные раскопки гибнущих курганов скифского времени, тем более что вскоре для этого нашелся и подходящий объект — большой курганный могильник

(свыше 60 видимых на поверхности насыпей) на высоком правом берегу р. Потудань, у сел Терновое и Колбино, на стыке Острогожского и Репьевского р-нов Воронежской обл. С 1993 по 2002 г. нам удалось исследовать 49 курганов: два из них — эпохи бронзы, а остальные 47 — скифского периода, V—IV вв. до н. э. Все эти курганы сильно деформированы регулярной распашкой и, к тому же, все они были ограблены еще в древности. Однако, несмотря на данные обстоятельства, за прошедшие 10 полевых сезонов, наша экспедиция получила интереснейший и разнообразный материал, достаточно полно освещающий культуру среднедонского населения в скифскую эпоху. К тому же, с самого начала работы ПАЭ велись комплексно: помимо археологов, в этих исследованиях постоянно принимали участие антропологи, палеозоологи, палеоботаники, палеогеографы.

О некоторых наиболее важных находках и открытиях нашей экспедиции и пойдет ниже речь.

Пожалуй, наиболее успешным оказался для ПАЭ полевой сезон 1997 г., когда удалось раскопать четыре кургана у с. Колбино (курганы 12, 18—20).

В кургане 12 была вскрыта могила с деревянной конструкцией (опор-

Рис. 1. Типичный пейзаж лесостепного Подонья. Окрестности могильников Терновое и Колбино.

ные столбы, перекрытие, облицовка стен с помощью досок), которая имела длинный коридор-дромос с южной стороны (длина — до 10 м, ширина — 1,1 м). К сожалению, древние грабители унесли из погребения все более или менее ценное. Мы обнаружили на дне ямы фрагмент греческого чернолакового канфара, втулку от железного наконечника стрелы, бронзовую ворворку и одну золотую полусферическую бляшку. Уцелевшие кости скелета позволили отождествить погребенного с женщиной 30–35 лет. Судя по чернолаковому канфару, захоронение совершено в середине IV в. до н. э.

Не лучше обстояли дела и с курганами 19 и 20. Оставалось надеяться лишь на последний — курган 18, который еще предстояло раскопать в конце летнего полевого сезона. Высота его даже после многолетней распашки составляла 1,64 м, диаметр — 50 м. При вскрытии насыпи

сразу же под слоем чернозема были обнаружены остатки тризны — обломки греческой амфоры, куски лепного скифского горшка с защипами по краю венчика, а также кости лошади и овцы. В центральной части кургана, под насыпью, удалось выявить в материке огромную гробницу (площадью около 50 м²) со столбовой конструкцией, деревянной облицовкой стен и длинным (7 м) дромосом с северо-востока. Однако погребение (№ 1) оказалось полностью разграбленным. Уцелели лишь одна греческая амфора, пучок железных наконечников стрел и железный нож с костяной ручкой при заупокойной пище в виде грудины лошади. По нескольким сохранившимся костям скелета антропологи установили, что он принадлежал мужчине 45–50 лет.

Казалось бы, и здесь — полная неудача. Но буквально в полутора метрах к северу от центральной гробницы была вскоре обнаружена вто-

рая, впускная могила (погребение № 2) прямоугольной формы, вытянутая длинной осью по линии север—юг и имевшая размеры 4,3 × 3,8 м. Деревянное перекрытие и облицовка стен из досок держались на 10 опорных столбах.

В северной части могильной ямы лежали два человеческих скелета — женщины 55–60 лет и мужчины 35–40 лет.

Главенствующую роль в этой паре, безусловно, играла женщина. Во-первых, именно ее похоронили первой и именно для нее построили довольно внушительную гробницу из дерева и земли. Во-вторых, именно ей принадлежало большинство ювелирных украшений и прочих предметов, найденных в боковой могиле.

И, наконец, последнее: мужчину положили в гробницу на несколько лет позже, чем, вероятно, и объясняется нарушенность отдельных костей женского скелета.

Рис. 2. Расчистка погребения 2 (впускного) в кургане 18 у с. Колбино, 1997 г.

У основания черепа женщины лежала по дуге россыпь золотых украшений из тонкой золотой фольги с тисненым изображением головы кабана. Видимо, это было нагрудное украшение, состоящее из широкой кожаной ленты-основы, на которую и нашивались бляшки-кабаны (для этого у них имелись специальные отверстия по бокам). Полностью, *in situ*, сохранился лишь один, самый верхний ряд из 18 экземпляров. Второй, а, возможно, и третий ряд «кабанчиков» (а всего их, целых и в обломках, было 72 экземпляра) оказались смещенными вправо от погребенной. Не исключено, что это смещение связано с деятельностью грызунов, поскольку именно здесь находилась большая нора сурка.

Под левым плечом лежала железная пряжка-«сюльгама» с незамкнутыми концами-завитками и язычком-иглой. Между стенкой могилы и верхней частью левого плеча погребенной

стоял когда-то небольшой деревянный сосуд в виде полусферической чаши, от которого сохранились древесный тлен и четыре золотые оковки из тонкой фольги подтреугольной формы, опущенные вершинами вниз. Основания треугольников охватывали край сосуда, а сами оковки крепились к дереву миниатюрными золотыми гвоздиками.

По обеим сторонам от нижней челюсти женщины находились золотые серьги в виде большого незамкнутого кольца из золотого дрота ромбовидной формы, к которому крепилась подвеска в виде фигуры кошачьего хищника (пантеры?), стоящего на прямоугольном пьедестале. У хищника длинный, волютообразно изогнутый хвост, маленькое круглое ухо, а к носу подвешен тонкий золотой диск (у одной пантеры такой диск утрачен). К нижней части пьедестала при помощи колечек крепилось по шесть овальных подвесок

в виде «желудей» (у одной «серьги» одна такая подвеска утрачена).

На пальцах обеих рук погребенной были надеты по три золотых перстня с незамкнутыми заходящими друг за друга концами. Щитки имеют ромбовидную форму с продольным подтреугольным ребром посередине.

Все пространство вокруг скелета было усеяно миниатюрными полусферическими нашивными золотыми бляшками (свыше 100 экз.) либо с двумя отверстиями по бокам, либо с петелькой на оборотной стороне. Видимо, это украшение одежды или полога погребенной.

Справа от умершей, на том месте, где должен был находиться череп мужчины, лежал круглодонный греческий серебряный сосуд («кубок») без каких-либо орнаментов или изображений. В ногах лежало серебряное (с большой примесью меди и олова) круглое зеркало с ручкой. Зеркало имело два чехла: внутренний — из

ткани и внешний — из кожи. К лицевой поверхности диска зеркала прикипел большой комок белил. Здесь же, неподалеку, находилось изящное ожерелье из крупных пастовых «глазчатых» бус и мелкого стеклянного бисера.

В качестве последнего штриха в описании этого пышного женского захоронения следует упомянуть о нескольких больших комках реальгара — красящего вещества, которое скифянки часто использовали в качестве румян.

Что же касается мужского погребения, то сопровождавший его инвентарь был гораздо скромнее. Между бедренных костей умершего был помещен колчан с 30 железными втульчатými трехлопастными наконечниками стрел. А у правой берцовой кости нами обнаружено до 20 серебряных и золотых полусферических нашивных бляшек с петелькой на обороте, служивших, вероятно, для украшения сапог и штанов.

В центральной части могилы, южнее срединной столбовой ямки, лежала раздавленная греческая амфора. В 65 см к востоку от нее были найдены два железных шила и еще один колчан с несколькими десятками втульчатых железных трехлопастных наконечников стрел. Ближе к южному краю могилы была помещена заупокойная пища в виде ребер и берцовой кости лошади. На ребрах лежал массивный железный нож с костяной рукояткой.

Судя по амфоре, относящейся к очень редкому «колхидскому» типу, весь этот археологический комплекс может быть отнесен ко второй половине IV в. до н. э.

Необычность женскому погребению придают две вещи: золотые серьги с пантерами и серебряный круглодонный сосуд. Единственной аналогией первому предмету могут служить золотые серьги с крылатыми пантерами из «царского» кургана и у с. Рыжановка под Киевом последней четверти IV в. до н. э. (Minns, 1971, p. 178, fig. 73). Серебряные кубки, близкие нашей находке, неоднок-

ратно встречены в могилах высшей скифской знати, как в степи, так и в лесостепи, от Днепра до Дона. Все они датируются концом V и, главным образом, IV в. до н. э., а их производство связывают обычно с греческими мастерскими Боспора (Ростовцев, 1914; Рябова, 1989). Наконец, необычна и сама «золотая дама», похороненная в кургане 18 у с. Колбино. Первый же осмотр ее скелета антропологами показал, что погребенная была весьма преклонного возраста — 55–60 лет. Нужно отдавать себе отчет, что сравнивать нашу 50–60-летнюю современницу с ее сверстницей, жившей в IV в. до н. э., совершенно неправомерно. Пятидесятилетний рубеж в то время преодолевали очень немногие женщины. Средняя продолжительность жизни у женщин скифской эпохи составляла всего 33–35 лет.

Факт солидного возраста уже сам по себе примечателен и свидетельствует в пользу того, что условия жизни этой женщины были достаточно комфортными.

Предварительный осмотр показал, что этой скифской даме были присущи ярко выраженные формы склеротических изменений позвоночника, что, вероятно, значительно ограничивало подвижность и было причиной постоянных болей. Верхняя челюсть погребенной практически полностью лишена зубов. Воспалительный процесс, приведший к разрушению и выпадению зубов, был давним и длительным.

Можно предположить, что особа, похороненная в этом кургане, занимала, вероятно, достаточно высокое положение в местном скифском обществе. Об этом можно судить даже не по пышности погребального обряда и богатству сопровождающих вещей, а по тому, что существование этой женщины на протяжении многих лет требовало безусловной опеки и заботы.

Итак, в 1997 г. нами было найдено первое полностью сохранившееся (не ограбленное) погребение скифского времени на Среднем Дону. И в нем оказалось множество изделий из золота. Правда, это было довольно странное золото. При ближайшем рассмотрении перед нами предстала лишь видимость реального богатства, поскольку многие найденные золотые украшения были сделаны из тонких листиков золотой фольги. Это относится к «кабанчикам», к оковкам деревянной чаши, к полусферическим нашивным бляшкам и даже к шести перстням. Создается впечатление, что все упомянутые вещи делались в большой спешке и с относительно малыми затратами драгоценного металла (фольга вместо массивных литых или кованых предметов). Это предположение отнюдь не ново. Еще в 1917 г. М. И. Ростовцев в очень осторожной форме высказал идею о том, что значительная часть вещей из погребального инвентаря богатых скифских курганов и, в частности, нашивные штампованные бляшки из тонкой золотой фольги изготовлялись специально для похорон (Ростовцев, 1917, с. 71). Теперь эту догадку можно подкрепить новыми фактами. Если взять наши материалы, то здесь хорошо видно, что основную массу украшений при знатной покойнице составляли нашивные бляшки из золотой фольги: «кабанчики» — 72 экз., полусферические — свыше 100 экз. и т. д.

Видимо, все эти вещи производились местными мастерами по срочному заказу родственников умершей. Но ведь точно такие же украшения мы находим и в других могилах исследуемой нами курганной группы скифского времени, правда, уже основательно опустошенных древними грабителями (курган 1 у с. Колбино, курганы 5 и 8 у с. Терновое).

При наличии определенных ремесленных навыков, соответствующих

Рис. 1. Золотые бляшки из погребений у с. Колбино. Кабанчики, погребение 2 кургана 18; лошадки, погребение 1 кургана 7.

шего оборудования (инструментов и штампов-матриц) и исходного сырья (тонкая золотая фольга) такие предназначенные только для похорон аксессуары могли быть сделаны довольно быстро и в нужном количестве. Во всяком случае, изделия этих «погребальных дел» мастеров мы встречали во многих раскопанных курганах, хотя и начисто ограбленных. Предназначалась же данная продукция только для умерших, поскольку трудно представить себе знатного скифского вождя или военачальника, который носил бы в повседневной жизни одежду, обувь и оружие, сплошь расшитые (или покрытые) россыпью золотых пластинок и бляшек, сделанных из тонкой, мягкой и поэтому очень ломкой золотой фольги.

Другую, хотя и значительную, но меньшую по объему часть погребального инвентаря в могилах скифской аристократии Среднего Дона составляли творения древнегреческих мастеров из причерноморских городов или из самой Эллады. Не секрет, что воинственные обитатели Скифии поддерживали с местными эллинами тесные и, в основном, дружеские связи (торговый обмен, политические и династические союзы и т. д.). Причем в V–IV вв. до н. э. довольно часто греческие ювелиры (главным образом, из Боспорского царства) по заказу скифской знати изготавливали самые разнообразные предметы роскоши из золота, серебра и бронзы (парадное вооружение, ритуальные сосуды, бытовая посуда, украшения). Однако вещи подобного рода нельзя было сделать за короткое время и специально к похоронам, даже если считать, что с момента смерти и до похорон скифского вождя, согласно сведениям Геродота, проходило 40 дней. Видимо, их накапливали в руках знатных скифских родов и семей постепенно. Эти вещи широко использовали в повседневной жизни и ритуалах (царапины, следы потертости и даже ремонта на некоторых металлических сосудах). В кургане 18 к числу таких эллинских изделий от-

носится серебряный кубок с шаровидным туловом хорошо известного археологам типа (ближайшая аналогия — серебряный сосуд из «царского» погребения из кургана 8 группы Пять Братьев, близ ст. Елизаветовской, в дельте Дона (Шилов, 1960). Таких кубков с орнаментами и фигурными изображениями или же абсолютно гладких найдено в пышных захоронениях скифской знати уже более 30 — от Куль-Обы в Крыму до «Частых курганов» под Воронежем.

И, наконец, третья, не менее существенную часть набора вещей, призванных сопровождать знатного покойника в загробный мир, составляли предметы, которыми он постоянно пользовался при жизни: это, прежде всего, предметы вооружения и конской сбруи — для мужчин и личные украшения и предметы туалета — для женщин (зеркала, бусы, серьги, пряслица). Серьги из кургана 18, видимо, довольно долго использовались их владелицей, так как последняя еще при жизни сумела потерять золотой диск из носа одной из пантер и желудеобразную подвеску.

Итак, одним из важнейших результатов исследования погребения 2 из кургана 18 у с. Колбино является то, что нам впервые удалось убедительно показать на материалах не ограбленной гробницы знатной скифянки, что при похоронах своих соплеменников скифы широко использовали набор предметов, предназначенных и изготавливаемых только для погребения и связанных с ним ритуалов. Особенно велика была эта доля специального погребального реквизита (в виде многочисленных золотых нашивных бляшек из тонкой фольги) в гробницах высшей аристократии, вождей и царей.

«В скифское время, — отмечает историк Л. А. Ельницкий, — по-смертная героизация вождя (царя) выражалась... в определенных чер-

тах погребального ритуала, предусматривавшего парадный костюм и вооружение погребенного, а также умерщвление людей и животных. Необходимая парадность и божественность облика умершего достигалась прежде всего костюмом со множеством нашивных драгоценных украшений, вряд ли мыслимых на хотя бы и парадном, но прижизненном костюме» (Ельницкий, 1979, с. 218).

Но почему же в этих пышных похоронных ритуалах скифской знати столь важная роль отводилась именно золоту?

Многие исследователи считают, что золото как нейтральный, то есть неуничтожаемый, материал символизировало в глазах древних людей воплощение идей бессмертия, всемогущества, вечности. Покрытие символически насыщенным золотым декором как бы приобщало умерших аристократов к сфере вечной жизни. В индоиранской мифологии золото символизирует также царскую власть (триада: царь — огонь — золото). Согласно одному из скифских преданий предками этого народа были братья Липоксай, Арпоксай и Колаксай. Однажды с неба упали на землю священные золотые предметы — плуг, ярмо, секира и чаша. Попытки приблизиться к ним двух старших братьев окончились неудачей: золото воспламенялось и не допускало их к себе. Это смог сделать лишь младший брат Колаксай, который и стал царем Скифии. По мнению известного российского языковеда В. И. Абаева, имя Колаксай — греческая версия от иранского *Xola-xšaya*, что означает «Царь-Солнце». Таким образом, царь — это, по скифским верованиям, солнце. Смерть царя приравнивалась к заходу солнца. «Золотой царь» — воплощение лучезарного небесного светила — не только умирал (с заходом солнца), но и возрождался (с восходом солнца). Золото давало надежду на бессмер-

Рис. 2. Золотые серьги с пантерами из погребения 2 кургана 18 у с. Колбино.

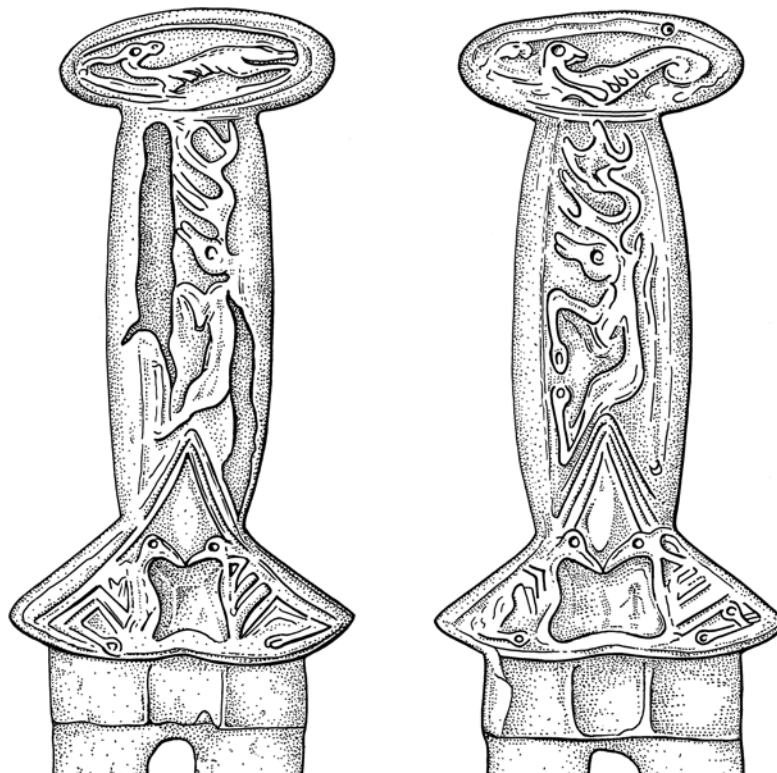

Рис. 5. Золотая рукоять меча из кургана 7 у с. Колбино, IV в. до н. э. Реконструкция.

тие, на сверхъестественную силу и на верховную власть. Вот почему к обладанию этим драгоценным металлом так стремились вожди и правители многих ираноязычных кочевых племен евразийский степей — от Дуная до Алтая и Тувы.

Не менее успешным оказался для нашей экспедиции и полевой сезон 1998 г. Мы продолжали тогда вести раскопки в юго-западной части курганного могильника у с. Колбино. Всего было исследовано пять курганных насыпей: 3, 4–7 и 23. Все они оказались ограбленными (частично или полностью) еще в древности, но содержали, тем не менее, обильный и разнообразный вещевой материал: предметы вооружения (наконечники стрел, копий и дротиков, остатки чешуйчатых железных панцирей), конской сбруи (удила, псалии, украшения узды), украшения (золотая серьга, золотые бусы золотые нашивные бляшки) и зеркала.

Особое место среди других погребальных комплексов, раскопанных в

1998 г., занимает курган 7 — самый дальний (с юго-запада) в курганной группе. Он представлял собой сильно распаханную овальную в плане насыпь размером 40 × 30 м и высотой до 1,9 м. Под насыпью, на уровне древнего горизонта, была сооружена почти квадратная (7,8 × 7,6 м) деревянная конструкция типа помоста на 20 вертикальных опорных столбах площадью свыше 50 м², с трехметровым дромосом, вертикальными стенами из горизонтально уложенных брусьев и перекрытием из бревен шатрового типа. После завершения обряда похорон это деревянное сооружение было подожжено, а затем засыпано землей.

Внутри, в северо-западном углу погребальной камеры, были обнаружены лежавшие беспорядочной грудой кости женского скелета и верхней части мужского — явные следы ограбления. Однако остальная часть мужского скелета (примерно от уровня тазовых костей и ниже) сохранилась *in situ*. Погребенный был ориен-

тирован головой на запад с небольшим отклонением к северу. Поперек тазовых костей (рукоятью к правому бедру) лежал длинный (75 см) железный меч с рукоятью, обложенной тонким золотым листом со штампованными зооморфными изображениями. Вокруг скелета и на нем было найдено свыше 50 тонких золотых нашивных бляшек с изображением лошади или кулана (они, очевидно, украшали погребальный полог). Неподалеку от меча, справа, обнаружена распавшаяся на части спиральная оплетка нагайки из толстой золотой фольги и несколько ажурно вырезанных золотых оковок с отверстиями и миниатюрными золотыми гвоздиками — это явно обкладки исчезнувшего деревянного сосуда.

Вплотную с западной стенке бревенчатой камеры лежало несколько железных наконечников копий, дротиков и втоков к ним общескифского типа. Кроме того, здесь же были найдены остатки колчана с 95 железными втульчатыми трехлопаст-

Рис. 4. Меч с золотой рукояткой («чертомлыцкого типа») из кургана 7 у с. Колбино. Длина 75 см.

ными наконечниками стрел, железные кольчатые удила со стержневидными железными псалиями, железные конские налобники, стеклянные «глазчатые» бусы и мелкий бисер из пасты. Выявлены и обычные в таких случаях следы заупокойной пищи в виде костей лошади с двумя железными ножами.

Среди перечисленных выше находок из этого кургана особый интерес представляет, безусловно, меч. По своей орнаментации (штампованные фигуры по тонкому золотому листу), общей форме рукояти (овальное, клиновидное в сечении навершие и сильно стилизованное бабочковидное, почти треугольное, перекрестье), а так же технике изготовления ажурного (сваренного из двух стальных полос) клинка он полностью аналогичен мечам из знаменитого «царского» кургана Чертомлык в степной Скифии (Ростовцев, 1914, табл. V, 4, 6). И там и здесь на навершии меча изображен какой-то бегущий зверь с повернутой назад головой (олень? лань?); на треугольном перекрестье отчетливо видны крылатые орлиноголовые грифоны, стоящие друг перед другом в геральдической позе; вдоль рукояти с обеих сторон помещена фигура оленя со странно трактованными устремленными вперед большими ветвистыми рогами. Совпадение всех деталей оформления рукояти и одинаковая техника изготовления лезвий мечей из Чертомлыка и кургана 7 у с. Колбино позволяет говорить о полной их идентичности. Не исключено, что они были выкованы одним и тем же кузнецом и украшены одним и тем же мастером.

Но на этом список аналогий этим мечам не заканчивается. Точно такой же меч (но еще и в золотых ножнах со сценами сражения греков и варваров) был найден в каменной гробнице кургана 8 группы Пять Братьев у ст. Елизаветовской в устье Дона В. П. Шиловым в 1959 г. (Шилов, 1960). И совсем недавно еще одна подобная же находка была сделана украинскими археологами в Харь-

ковской обл., в кургане 11 у с. Старый Мерчик (Бандуровский, Буйнов, 1999).

Очень близок перечисленным выше образцам (хотя и с различиями в трактовке деталей) и меч с золотой рукояткой из кургана 3 группы «Частые курганы» у Воронежа. Это тот самый курган, где был найден знаменитый серебряный сосуд с изображениями скифов. На его навершии помещены фигуры двух бегущих ланей, на рукояти — процессия идущих друг за другом сильно стилизованных зверей (собак или зайцев?), перекрестье же украшено теми же орлиноголовыми грифонами в геральдической позе (Либеров, 1965, с. 73, табл. 17, 2).

Здесь следует подчеркнуть, что все приведенные выше аналогии колбинскому мечу принадлежат наиболее богатым погребениям высшей скифской знати, а Чертомлык, несомненно, царский курган, приписываемый рядом исследователей конкретному историческому лицу — скифскому царю Атею. Согласно последним исследованиям, центральное погребение Чертомлыка (с мечами) можно датировать серединой третьей четверти IV в. до н. э. (Алексеев, 1992, с. 151, 152). А если это действительно могила Атея, то дата его смерти хорошо известна из античных письменных источников — 339 г. до н. э., т. е. та же третья четверть IV в. до н. э. Видимо, к тому же времени относится и погребение знатного персонажа из кургана 7 у с. Колбино.

В 2002 г. история с мечами «чертомлыцкого типа» получила свое продолжение. В кургане 36 у с. Колбино мы нашли в сильно разграбленном захоронении меч и кинжал. Причем меч имел ажурный клинок и сильно коррозированную поверхность, но без всяких признаков золотой обкладки рукояти. И мы решили,

что это — обычный скифский боевой меч. Каково же было наше удивление, когда после тщательной реставрации предмета в лаборатории Института археологии РАН на поверхности рукояти отчетливо выявились в невысоком рельефе те самые зооморфные фигуры, которые украшали золотые обкладки мечей из Чертомлыка и кургана 7 у с. Колбино: бегущая лань с повернутой назад головой — на навершии, толстый олень с ветвистыми, направленными вперед рогами — на рукояти, и два орлиноголовых грифона в геральдической позе — на перекрестье. Таким образом, выявилась одна весьма важная деталь: древние мастера вырезали по металлу определенные зооморфные мотивы, а потом уже, перед похоронами владельца меча, рукоять покрывали тонкой золотой фольгой и с помощью дополнительной обработки переносили узор на золото.

В заключение хотелось бы обратить внимание и на еще один немаловажный факт. Впервые в истории раскопок погребений скифского времени на Среднем Дону нашей экспедиции удалось (благодаря постоянному присутствию антропологов) установить, что в шести из 49 исследованных курганов у сел Терновое и Колбино были похоронены вооруженные молодые женщины из знатных семейств. Обычный набор оружия (пара дротиков, копье, лук и стрелы с бронзовыми и железными наконечниками), дорогие ювелирные украшения греческого производства и чисто женские предметы обихода — бронзовые зеркала, серьги, бусы, пряслица из глины и свинца и др., да и сами масштабы погребальных сооружений и пышность похоронного ритуала (для каждой такой «амазонки» сооружался отдельный курган с просторной дерево-земляной гробницей) — все это вполне сопоставимо с уже известными кургана-

Рис. 6. Роговой гребень с фигурой гепарда из погребения «амазонки» в кургане 8 у с. Терновое, IV в. до н. э. Длина 8,5 см, высота 9,5 см.

ми скифской аристократии в степной зоне и в лесостепи Северного Причерноморья. Не исключено, что такие погребения женщин-воительниц встречались археологами в среднедонских курганах и ранее, но в условиях, когда скелеты в могилах сильно потревожены грабителями (а почти все местные курганы скифской эпохи здесь подверглись повальному ограблению еще в древности) или же плохо сохраняются в силу природных условий (повышенная влажность почвы и др.), определить пол и возраст покойников, без участия специалистов-антропологов, сами археологи часто были не в состоянии.

Благодаря работам В. А. Ильинской (1966, с. 152–170) и Е. Е. Фиалко (1991, с. 7, 8), собравших и обобщивших весь доступный материал о

погребениях вооруженных женщин в скифских курганах степной и лесостепной зон между Дунаем и Доном, сейчас можно сказать, что на 1991 г. только на Украине известно 112 погребений «амазонок». Это — явление явно общескифское.

Я не думаю, что эти молодые женщины-воительницы из Скифии (включая ее северо-восточную окраину — Средний Дон) были во всем похожи на описанных Геродотом «амазонок-мужеубийц» у савроматов. Скорее здесь следует говорить об участии в конных легковооруженных вспомогательных отрядах определенных возрастных и социальных групп скифских женщин. Они охраняли имущество, скот, жилища, когда мужчины-воины уходили в военные походы или в длительные сезонные перекочевки со скотом.

Но отсюда неизбежно вытекает и еще один важный вывод: если во всех частях Европейской Скифии — т. е. в степи и лесостепи между Дунаем и Доном — встречаются аналогичные погребения молодых женщин с оружием, имеющих достаточно высокий социальный статус и характерный набор вещей, то следует признать факт теснейшей культурной, этнической и социально-политической связи между населением степи и лесостепи в V–IV вв. до н. э. Такой необычный социальный феномен, как институт «амазонок», существовал в скифскую эпоху только у ираноязычных кочевых и полукочевых племен Восточной Европы — у скифов и родственных им савроматов, которые жили в задонских и завожских степях вплоть до Южного Урала.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеев А. Ю.*, 1992. Скифская хроника. СПб.
- Бандуровский А. В., Буйнов Ю. В.*, 1999. Исследования курганов скифского периода в Харьковской области // Археологічні відкриття в Україні. 1998–1999. Київ.
- Ельницкий Л. А.*, 1977. Скифы евразийских степей. Новосибирск.
- Ильинская В. А.*, 1966. Скифские курганы около г. Борисполя // СА. № 3.
- Либеров П. Д.*, 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Вып. 1-Д31.
- Ростовцев М. И.*, 1914. Воронежский серебряный сосуд // МАР. № 34. Пг.
- Ростовцев М. И.*, 1917. Эллино-скифский головной убор // ИАК. Вып. 63. Пг.
- Рябова В. А.*, 1989. Ритуальные сосуды как источник социально-политической истории Скифии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье.
- Шилов В. П.*, 1960. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА. № 1.
- Minns E.H.*, 1971. Scythians and Greeks. N. Y.

Некоторые итоги исследования раннескифского могильника Новозаведенное-II в 1991–2003 гг.

Краснознаменская экспедиция Института археологии РАН и кафедры археологии исторического факультета МГУ в 1991–2003 гг. продолжила и завершила исследования могильника Новозаведенное-II, расположенного в зоне ковыльно-типчачковых степей Центрального Предкавказья, на возвышенном плато левого берега реки Кумы у с. Новозаведенное. Курганы располагались тремя группами на протяжении одного километра с юго-востока на северо-запад: первая состояла из двух выдающихся курганов (высотой 7 и 8 м); вторая, центральная из пяти курганов меньшей величины; третья, северо-западная, из восьми курганов, большинство из которых распахивались.

Курганы первой группы отличались грандиозным и сложным наземным сооружением (рис. 1), включавшим многослойное устройство крыши над могилой, специально оформленный второй вал, круг из хвороста, несколько слоев плетней и мощное камышовое покрытие (Петренко, Маслов, Канторович, 2004).

Под насыпями второй и третьей группы обнаружены однотипные (разнящиеся в деталях) погребальные сооружения, состоящие из обширной ямы, размерами от 4 × 3 до 6 × 5 м, глубиной до 3,2 м, перекрытые ка-

мышом (тростником) и бревенчатым накатом, опиравшимся на продольные балки, поддерживаемые изнутри могилы столбами. На уровне погребенной почвы могилу окружали земляным валом, с опорой на который строилось сооружение типа шатра (имитация юрты?). Наиболее хорошо надмогильное сооружение сохранилось в кургане 13. Здесь вокруг вала были зафиксированы ямки, от воткнутых в них крупных веток или тонких деревьев, кроны которых сходились над центром могилы и, возможно, связывались. Под тяжестью насыпи стволы деревьев отпечатались на валу. Поверху это сооружение перекрывалось связками камыша, уложенными радиально и образовавшими рельефные «лучи», расходившиеся от центра и заходившие за наружный край вала (рис. 2).

Могила сооружалась, как правило, для одного взрослого покойника или подростка (исключение — дети). Погребальное ложе состояло из древесной решетчатой основы, покрытой травами, иногда опирающейся на угловые столбы. Погребения совершались по обряду трупоположения. Зафиксирована южная ориентировка.

Большинство погребений сопровождалось положенными в ту же могилу лошадьми — как взнузданными, так и в качестве отдельного жертво-

приношения (рис. 3, 5). В погребальные камеры двух крупнейших курганов (2, 7) были помещены, вероятно, и четырехконные колесницы. Культурные действия (тризны, огненные ритуалы, возлияния и т. п.) совершались на всех этапах возведения погребальных сооружений.

При решении вопроса о том, кому принадлежал данный могильник, следует иметь в виду, что использование в качестве перекрытия могилы бревенчатого наката, перекрытого камышом и соломой как подстилки для тела специально отмечено Геродотом в его описании похорон скифского царя (Herod., IV, 71). О принадлежности могильника верхушке скифской кочевой орды говорит и набор погребального инвентаря всех захоронений, включающего предметы вооружения, вещи, оформленные в скифском зверином стиле и золотые украшения.

К настоящему времени Новозаведенский II-ой могильник раскопан полностью. Это было кладбище единого родоплеменного подразделения, образованного по семейно-родовому принципу, о чем свидетельствует стандартность форм погребальных сооружений и обряда. В пользу элитарности всей группы говорит то, что для каждого из погребенных, будь то мужчина, женщина

Рис. 1. Общий вид надмогильного сооружения кургана 7, 1998 г.

Рис. 2. Камышовое покрытие надмогильного сооружения кургана 13, 1991 г.

или подросток, создавалась сложная могильная конструкция и возводился отдельный курган, причем размеры этих сооружений не зависели от половозрастной принадлежности погребенного. Выявлены градации внутри этого социального слоя, определен социальный статус женщин. Впервые для целого раннескифского могильника получен антропологический материал, позволивший определить его половозрастную структуру. Из уникальных находок в погребениях подростков следует отметить полный игровой набор (рис. 6).

Получены новые данные о религиозных представлениях и культах общества кочевников.

В скифском обществе верховным жрецом являлся царь как хранитель сакрального центра, воплощением которого являлся огонь царского очага или алтаря. Сведения о скифском жречестве у греческих авторов немногочисленны (Herod., IV, 67–69; Ps.-Нурр., 29–30). Известно, что существовала особая социальная категория — жречество, в которой привилегированную корпорацию составляли энареи. Они были связаны с

культом Афродиты-Аргимпасы, происходили из всаднической аристократической верхушки общества и, возможно, были близки к царскому дому. А. М. Хазанов приводит ряд аргументов, позволяющих предполагать связь со скифским жречеством царевича Анахарсиса (Хазанов, 1975, с. 168–179; Яценко, 1959, с. 113). Однако всеми исследователями подчеркивалась трудность археологического выделения этой группы или отдельных ее представителей (Бессонова, 1983, с. 56–59). Д. С. Раевский считал, что погребения жрецов не содержат или почти не содержат предметов вооружения и этим отличаются от могил воинов-паралатов, но тем не менее не видел возможности четкого разделения захоронений на «аристократические и жреческие» (Раевский, 1977, с. 150–151).

В этой связи хотелось бы обратить особое внимание на погребение в кургане 16, втором по величине, богатству и разнообразию инвентаря в могильнике Новозаведенное-II, которое предположительно может рассматриваться как захоронение жреца. Основанием нашего предположения послужила находка в нем ряда предметов, непосредственно связанных с исполнением культовых действий.

В разграбленной и разрушенной могиле этого кургана сохранился нетронутым небольшой участок дна. На нем находились 8 чаш и кружка, 2 больших бронзовых колокольчика, скелет лошади, бусы и янтарные вставки, а также деревянный «пенал», в который были уложены следующие предметы: костяные ложечки, пинцет, железные ножи, четыре бронзовых ножа и оселок (рис. 3). Две пары бронзовых ритуальных ножей из «пенала» могут быть включены в серию аналогичных предметов, распространенных в среде ираноязычного населения на пространстве от Приаралья до Побужья (последняя сводка: Алексеев, 2003, с. 53–54). На такие отличительные признаки этой серии, как парность, их размещение один на другом в противоположные стороны, использование для изготовления

ножей бронзы как архаического материала для данного периода уже указывала В. А. Ильинская (Ильинская, 1968, с. 155). Об использовании парных ножей при жертвоприношении свидетельствует изображение на фиале в руках жреца на фреске из Дура-Европос (Яценко, 1959, с. 48). Отметим также, что на рукоятках ножей из Репяховатой могилы нанесены геометрические (Ильинская и др., 1980, рис. 22–24), возможно, магические знаки. Подобные знаки, косой крест и зигзаг, были начертаны и на боковой плоскости «пенала» из кургана 16. Не случайным является и завершение рукоятей двух ножей из нашего набора головками хищников с оскаленной пастью — смертоносных существ, маркирующих нижний, хтонический мир (Раевский, 1985, с. 112). Железные ножи и орудие типа скальпеля, положенные под бронзовые ножи, по-видимому, были необходимы при разделке туши жертвенного животного. Культовое назначение двух костяных ложечек из того же набора неоспоримо. В жреческой практике иранских племен они обычно применялись при жертвоприношениях, обращенных к Агни (Лукьяшко, 1997, с. 134–142; Ригведа, Мандала I, 144, 145; X, 21). У наиболее родственных скифам ираноязычных племен — савроматов — ложечка была почти обязательной частью инвентаря большинства погребений жриц (Смирнов, 1964, с. 160). И, наконец, оселок необычайно большого размера и без отверстия для подвешивания (рис. 3), скорее всего, являлся элементом фаллического культа, подчеркивавшего роль активного мужского начала в погребальном обряде. В то же время он мог иметь и функциональное назначение для заточки ритуальных ножей. В центре находились определенным образом уложенные части расчлененной туши коня (рис. 3). Этот обряд, вероятно, восходит к индоевропейскому ритуалу (а через него к воспроизведению мифа о строении вселенной), при котором осуществлялось расчленение приносимого в жертву человека на

Рис. 3. Общий вид северной части дна погребальной камеры кургана 16, 1996 г.

Рис. 4. То же, деталь. Бронзовые сосуды и колокольчики.

отдельные части тела, соотносимые с частями вселенной, в результате которого по-новому организуется космос и достигается благо. Со временем человек был заменен разными видами жертвенных животных, и, прежде всего, конем (Иванов, Топоров, 1980, с. 532). В индоиранской мифологии расчленение коня было частью обряда «ашвамедха». Бусы и янтарные вставки могли украшать попону коня, приведенного к акту жертвоприношения. Чаши и кувшинчик (рис. 4), помещенные рядом с

отдельными частями тела, соотносимые с частями вселенной, в результате которого по-новому организуется космос и достигается благо. Со временем человек был заменен разными видами жертвенных животных, и, прежде всего, конем (Иванов, Топоров, 1980, с. 532). В индоиранской мифологии расчленение коня было частью обряда «ашвамедха». Бусы и янтарные вставки могли украшать попону коня, приведенного к акту жертвоприношения. Чаши и кувшинчик (рис. 4), помещенные рядом с

лись для возлияний или приобщения к божеству через вкушение жертвенной пищи или напитков. В скифских легендах чаша была одним из четырех сакральных предметов, упавших с неба, призванных обосновать божественное происхождение первого скифского царя Колаксия (Herod., IV, 5, 10). Тут же Геродот сообщает, что «в память о той золотой чаше еще до сего дня скифы носят чаши на поясе». С. С. Бессонова считает, что чашу на поясе как атрибут культа носили священнослужители (Бессонова, 1983, с. 103). Заметим, что

Рис. 5. Общий вид погребения кургана 17, раскопки 2003 г.

Рис. 6. То же, деталь. Набор для игры в «бабки».

все упомянутые выше чаши имели по краю отверстия, вероятно, для продевания шнурков для подвешивания. Возможно, что число поставленных в могилу чаш (восемь) говорит о количестве участников ритуального действия, предусмотренного обрядом.

И, наконец, большие массивные колокольчики (рис. 4) мало похожи на детали конского снаряжения. Скорее всего, с их помощью создавалось звуковое сопровождение обряда, содержанием которого могли быть и

элементы шаманских действий (Вакау, 1971, р. 39–40).

Итак, высказанное выше предположение, что в данном кургане был погребен именно жрец, основывается на том, что погребенному, принадлежавшему к всаднической верхушке данного общества, помимо многочисленного инвентаря, включавшего наступательное и защитное вооружение, золотые украшения и импортную посуду был положен уникальный по совокупности набор пред-

метов, очевидно, предназначавшихся для исполнения жреческих функций и обладавших особой сакральностью. Подобное сочетание предметов в одном погребении и для одного лица встречено впервые.

Наиболее представительную категорию инвентаря погребений составила керамика. Следует отметить, что ни в одном из могильников раннескифского времени на Северном Кавказе не было обнаружено столько разнообразных зооморфных изображений на керамических сосудах, как в могильнике Новозаведенное-II за все годы раскопок. Подобные изображения были открыты и в ходе исследований 1991–2003 гг.

Верхнее основание плечевого пояса крупных корчаг (форма которых не восстанавливается) из кургана 7 украшали скульптурные налеты в виде фигурок птиц. На горле подобной корчаги из кургана 17 находятся прорезные изображения птиц (рис. 8). Размещение изображений птиц на наиболее крупных сосудах, по-видимому, не случайно. Расположение орнаментального декора на сосуде подчеркивало участие структурно различных частей в ассоциативном противопоставлении «верх–низ». В этой модели декор плечевого пояса был связан с земным и подземными мирами, а декор под венчиком символически обозначал верхний — небесный мир. Расположенные в промежутке между этими орнаментальными зонами, образы птиц могли символизировать посредников между верхним и нижним мирами.

Различные композиции с оленями были прочерчены на плечевом поясе кувшинов из курганов 12 и 17. Художественные приемы, использованные при создании изображения шестивия оленей из кургана 12 (рис. 9), со всей определенностью указывают на выполнение их в среде кавказских аборигенов (кобанцев) (Маслов, Петренко, 1998, с. 215–217, рис. 8, 1). Мастер, наносивший изображения, без сомнения подражал графической технике, использовавшейся для создания декора на бронзовых

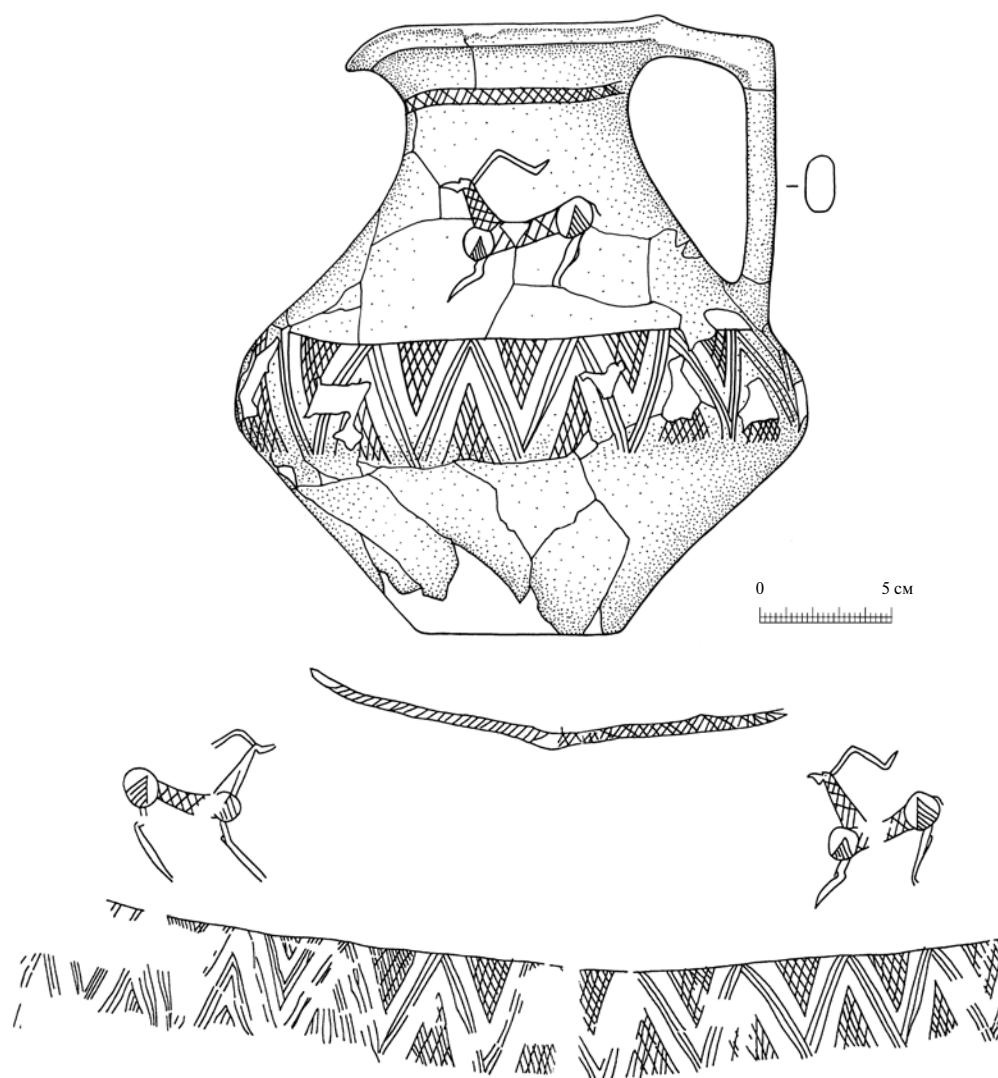

Рис. 7. Кувшин с изображением оленей из кургана 17, раскопки 2003 г.

предметах из памятников Центрального Закавказья. Само появление этой техники, очевидно, связано с использованием стальных инструментов (Погребова, Раевский, 1997, с. 106, 107). Иконографические и сюжетные истоки данной изобразительной традиции корнями уходят в искусство Древнего Востока. Елочная штриховка корпусов и точечный контур фигур оленей и фантастических животных на закавказских бронзовых поясах близки заполнению фигур животных на новозаведенском сосуде (Погребова, Раевский, 1997, табл. XIV; XVI; XXIV). Изображения «шестивия оленей», которое, вероятно, несет в себе идею жизненной цик-

личности, встреченные и на сосудах из других могильников скифской эпохи в Центральном Предкавказье, демонстрируют, что в скифский период данный сюжет становится весьма популярен (Маслов, 1995, с. 79–83, рис. 2). В то же время, изображение животных четко в профиль, поза оленей, представленных со свободно свисающими вниз и вперед ногами, подчеркнутый у двух фигур овальный плечевой пояс, С-видное окончание рогов, нависающих над спиной, свидетельствуют о несомненном воздействии на кавказских мастеров скифских изобразительных традиций. Одновременно, необходимо отметить, что округлые

фигуры с листовидными выступами, размещенные между оленями, весьма вероятно, являются стилизованными изображениями плода — популярного образа ассирийско-урартского искусства (Галанина, 1991, с. 15, 16). Таким образом, в новозаведенском изображении мы сталкиваемся со сплавом разнородных изобразительных традиций, который мог появиться только в динамичный период скифских походов в Закавказье и Переднюю Азию.

Из кургана 17 происходит кувшин, на горле которого, на подсушенной поверхности сосуда, небрежно прочерчены фигуры двух противопоставленных оленей, образующих «геральдическую» композицию

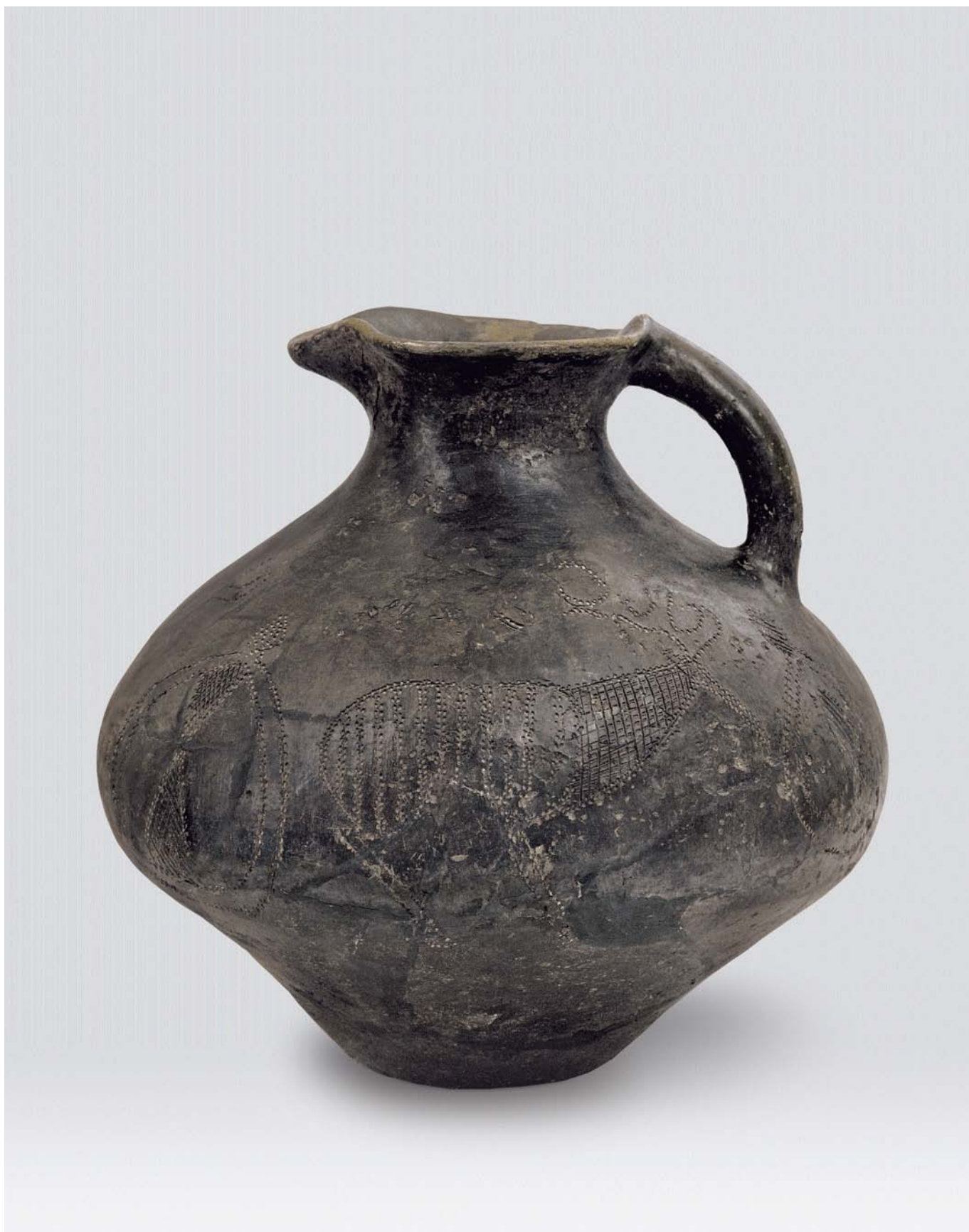

Рис. 8. Изображения птиц на чернолощеной корчаге из кургана 17, раскопки 2003 г.

над геометрическим орнаментальным декором плечевого пояса (рис. 7). Фигуры животных были довольно схематизированными. В данных изображениях воздействие скифского искусства носит еще более условный характер, сохраняется лишь четкая профильность. Как и в случае с корчагами, орнаментация плечевого пояса — прочерченные зигзаг и заштрихованные треугольники — очевидно, символизировала мотив земли и воды. Пара одинаковых животных почти наверняка связана с представлениями о мировом древе, объединяющем различные сферы мироздания. Размещение пары предстоящих копытных у ствола мирового древа является традиционной мифологической схемой, присущей многим народам древности. М. Н. Погребова отметила, что мотив противостоящих друг другу животных в искусстве Закавказья и Северного Кавказа встречается крайне редко, и высказала точку зрения о переднеазиатских истоках происхождения подобных сюжетов, связанных с представлениями о строении Вселенной (Погребова, 1984, с. 145–148, табл. XIX, 1).

Образ мирового древа/оси, непосредственно отсутствующий в данной композиции, ассоциативно моделируется путем размещения противостоящих фигур оленей.

Поскольку погребальный культ строго регламентировал состав заупокойного инвентаря, мы вправе предполагать, что сюжетные композиции на керамике с использованием зооморфных образов или отражают мифологические представления населения, оставившего этот памятник, или, по крайней мере, созвучны им. При этом, как мы уже отмечали выше, в отдельных случаях мастера-изготовители сосудов включали модифицированные образы скифского искусства в привычную орнаментальную систему, наполненную понятной им символикой. Материалы могильника подтверждают, что рассмотренные сюжеты появляются в самый начальный период сложения скифской культуры на Северном

*Рис. 9. Кувшин с изображением шестивя оленей из кургана 12, раскопки 1994 г.
Высота 29 см, диаметр тулова 30,5 см.*

Кавказе, когда произошло широкое знакомство скифов с культурными достижениями народов Закавказья и Передней Азии. Эти процессы нашли несомненное отражение в керамических формах и сюжетных композициях, представленных на сосудах из могильника Новозаведенное-II (Петренко, Маслов, 1997, с. 33, 34).

Могильник дал новую серию образов так называемого скифского звериного стиля, выполненных в золоте и кости, как на традиционных предметах — на вооружении, конском снаряжении, на нашивных бляшках одежды, так и на фрагментах блюд из рога лося, уникальных для скифской культуры (Петренко, Маслов, 1997).

Всего в могильнике Новозаведенное-II насчитывается более 80 зооморфных изображений, выполненных в соответствии с канонами данного художественного направления. Скифский звериный стиль — особое художественное направление в древнем прикладном зооморфном искусстве, характеризующееся отображением некоего набора животных персонажей (копытные, хищники, птицы и синкретические существа) в строго определенных позах и композициях, с использованием специфических приемов моделирования деталей, нацеленных на обобщенное воспроизведение прообраза с помощью акцентирования наиболее типичных, по мнению мастера, свойств данного животного и той тематически-видовой группы, к которой принадлежит этот образ.

Бестиарий Новозаведенного из включает все основные образы скифского звериного стиля в сюжетных проявлениях, свойственных этому искусству: благородный олень, горный козел, горный баран, кошачьи хищники, волк, хищная птица, синкретические образы, в частности грифобаран, изображения обособленных когтей и копыт. Все эти образы и мотивы выполнены в манере, характерной для ранней стадии искусства звериного стиля. Эта стадия ограничена рамками VII–VI вв. до н. э. и

характеризуется моделированием тела животного сходящимися плоскостями и весьма лаконичной передачей образа без дополнения его декоративными деталями (черта, появившаяся в более позднее время) и т. д.

Так, олень на двух костяных накладках из кургана 13 представлен с опирающимися на спину преувеличенными рогами, составленными из S-видных отростков, с вытянутой вперед шеей, с ногами внахлест. Фигура горного козла на роговом блюде из кургана 13 (рис. 10, 3), не имея прямых аналогий в трактовке позиции ног (их положение скорее соответствует канонам передачи лежащего кабана в скифском искусстве), по очертаниям основных анатомических деталей опять же тяготеет к изображениям горного козла в архаическом скифском искусстве и в тесно связанном с ним переднеазиатско-закавказском круге сюжетов. Обособленные костяные скульптурные головы баранов в сочетании с обособленными объемными конскими копытами из кости украшают противоположные концы несохранившихся деревянных псалиев, бытовавших именно в скифской культуре Северного Кавказа и Лесостепного Поднепровья, причем весьма короткий отрезок времени (вторая половина VII–первая половина VI в. до н. э.). Кошачьи хищники в новозаведенском бестиарии встречаются в основном в сюжете свернувшихся в кружок (фигурки на костяных цилиндрических уздечных пронизях из кургана 16) и присевших или припавших к земле — как бы перед прыжком (бляшки из золотой фольги из кургана 16; скульптурная фигурка, оформляющая некое костяное навершие (булавки?) из кургана 7; два геральдически расположенных кошачьих хищника на обломке рогового блюда из кургана 13), что полностью соответствует репертуарным предпочтениям скифского искусства (рис. 10, 1). В том же духе выполнены и обособленные головы кошачьих хищников, украшающие навершие парных бронзовых ритуальных

ножей из кургана 16. Из новозаведенских курганов происходят и изображения одного из наиболее популярных образов скифского звериного стиля — хищной птицы (как в полнофигурном воспроизведении, так и в редуцированном — в виде обособленных голов и когтей).

В новозаведенском бестиарии присутствуют синкретические образы, как заимствованные из древнегреческого и переднеазиатского искусства и переработанные местными мастерами, так и изначально скифские. К последним относится знаменитый мотив обособленной головы бараноптицы, или грифобарана, существование которого пространственно ограничено Восточной Европой и (в связи со скифским присутствием во время завоевательных походов) территорией Закавказья и Передней Азии, а хронологически — VII–VI вв. до н. э. Головы грифобаранов оформляют костяные насадки на деревянные псалии из кургана 14, противоположные концы которых, как и в случае с головой барана, снабжены костяными насадками в виде обособленных конских копыт. Тот же мотив украшает верхний конец костяных трехдырчатых псалиев из кургана 16 (на другом конце — опять-таки конское копыто; аналогичные копыта оформляют и выступы у каждого из трех отверстий псалия). В виде головы грифобарана выполнен и роговой наконечник на лук из кургана 13 (рис. 10, 4), причем в клюв грифобарана вписана голова копытного с длинным ухом, тогда как в качестве зооморфной трансформации рога грифобарана использован мотив кошачьего хищника. Наконец, костяная скульптурная головка грифо-барана из кургана 7 оформляет некое навершие с четырехгранным, прямоугольным в профиле и плане столбиком-насадом с круглым сквозным отверстием у основания.

Абсолютное большинство образов и сюжетов новозаведенского бестиария соответствуют звериному стилю раннескифского круга памятни-

Рис. 10. Образцы искусства звериного стиля, находки из кургана 13, 1991 г.
1–3. Фрагменты рогового блюда (длина 6,8; 19,6 и 9,7 см); 4. Костяное налучье (длина 4 см).

ков второй половины VII—начала VI вв. до н. э. из Предкавказья, Закавказья и Поднепровья (Келермесские курганы, курган на Темиргоре, п. 106 Самтавро, Кармир-Блур, курган I Ульского аула (раскопки 1908 г.), курган 100 у с. Синявки и др.). И в первую очередь звериный стиль новозаведенских курганов связан с памятниками келермесского типа.

Лишь фигура припавшего к земле длинномордого хищника с дуговидной изогнутой спиной и вытянутыми вперед лапами на отростке и примыкающей части бортика рогового блюда из кургана 13 (рис. 10, 2) находит себе параллели не столько в скифском, сколько в «савроматском» искусстве — в популярном там образе волчьего хищника, известном в памятниках более позднего времени.

Целый ряд предметов инвентаря, указывающих на связи с древневосточными цивилизациями и Северной

Ионией эпохи архаики, способствовали более объективному определению хронологической позиции могильника.

Культурный комплекс Новозаведенского могильника демонстрирует активное взаимодействие скифов с Закавказьем и Передней Азией во второй половине VII—начале VI в. до н. э., обусловленное известными нам из древневосточных и античных письменных источников скифскими завоевательными походами и их последствиями. Это ряд импортных предметов, попадавших сюда, в основном, по-видимому, из Урарту: бронзовая посуда, изделия, инкрустированные костяными и янтарными вставками, бусы из египетского фаянса, ювелирные изделия, а также керамические красно- и сероглиняные кувшины. Особо следует отметить одну из последних находок — фрагменты гребня из слоновой кости, украшенного зооморфными изоб-

ражениями (олень, кошачий хищник) в обрамлении декоративного пояса в виде «плетенки».

Отмечаются заимствования закавказских керамических форм — кувшины с носиком-сливом, миска с перегородкой; есть и заимствования сюжетов изображений на керамике (Петренко, Маслов, 1997; Петренко, Маслов, Канторович, 2000). При этом в комплексе из кургана 16 передневосточные и закавказские изделия встречены вместе с высокохудожественной ионийской керамикой конца VII—начала VI в. до н. э. (фрагменты двух сосудов — ойнохой и чаши на ножке) — сочетание достаточно редкое для скифской культуры второй половины VII—начала VI в. до н. э. Вышеуказанные свидетельства важны не только сами по себе, но и в контексте непрекращающихся споров о предскифской и раннескифской хронологии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеев А. Ю., 2003. Хронография Европейской Скифии. СПб.
- Бессонова С. С., 1983. Религиозные представления скифов. Киев.
- Галанина Л. К., 1991. Контакты скифов с ближневосточным миром (по материалам Келермесских курганов) // АСГЭ. 31.
- Иванов В. В., Топоров В. Н., 1980. Индоевропейская мифология // МНМ. Том 1.
- Ильинская В. А., 1968. Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев.
- Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И., 1980. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. Киев.
- Лукьяшко С. И., 1997. Об изображениях на культовых предметах скифо-сарматского мира (к проблеме культурных взаимодействий) // Донские древности. Вып. 5. Азов.
- Маслов В. Е., 1995. Образ «бегущего» оленя на керамике скифского времени с Северного Кавказа // Историко-археологический альманах Армавирского музея. Вып. 1. М.
- Маслов В. Е., Петренко В. Г., 1998. Курганы № 12 могильника Новозаведенное-II // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1. Археология. Ставрополь.
- Петренко В. Г., Маслов В. Е., 1997. К трактовке сюжетов с оленями на керамике из могильника Новозаведенное-II // Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Т. М. Минаевой. Ставрополь.
- Петренко В. Г., Маслов В. Е., 1999. Роговые блюда могильника Новозаведенное-II // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М.
- Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р., 2000. Хронология центральной группы могильника «Новозаведенное II» // Скифы и сарматы в VII—III вв. до н. э. Палеоэкология, антропология и археология. М.
- Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р., 2004. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное-II (предварительная публикация) // Археологические памятники раннего железного века Юга России. М.
- Погрехова М. Н., 1984. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М.
- Погрехова М. Н., Раевский Д. С., 1997. Закавказские бронзовые пояса с гравированными изображениями. М.
- Раевский Д. С., 1977. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.
- Раевский Д. С., 1985. Модель мира скифской культуры. М.
- Ригведа (перевод Т. Я. Елизаренковой). М., 1999.
- Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. М.
- Хазанов А. М., 1975. Социальная история скифов. М.
- Яценко И. В., 1959. Скифия VII—V вв. до н. э. М.
- Vakay K., 1971. Scythian Rattles in the Carpathian Basin and their Eastern Connections. Budapest.

Сарматские погребения близ станции Бердия на Иловле

Маленькая степная речка Иловля берет свои истоки на границе Саратовской и Волгоградской областей, течет параллельно Волге и впадает в Дон, являясь его левым притоком. Она обладает очень широкой долиной, и сейчас еще поросшей густыми пойменными лесами. Заливные луга покрыты богатейшим разнотравьем. Видимо, природное богатство района и привлекало к себе древних скотоводов. Помимо этого, Иловля представляла собой довольно удобный путь для транзитной торговли из бассейна Дона на Волгу.

Берега Иловли усеяны множеством курганов разных эпох: от энеолита до Золотой Орды. Среди массы погребальных памятников своим богатством и пышностью обряда безусловно выделяются сарматские курганы первых веков н. э.

В 1991–93 гг. Иловлинской археологической экспедицией Волгоградского государственного университета проводились раскопки курганов у железнодорожной станции Бердия в Иловлинском р-не Волгоградской области. Среди серии исследованных сарматских комплексов особый интерес вызывают курганы № 3 и 8. **Курган 3** к моменту раскопок имел высоту около 1 м, но по словам местных жителей ранее он был выше —

примерно 3 м, мешал пахоте и в середине 50-х гг. был частично срезан бульдозером. Под насыпью находилась большая, почти квадратная могила глубиной 1,03 м. Погребение ограблено, в заполнении могилы попадались куски перегнившего дерева от перекрытия и угли, а на дне в беспорядке разбросаны кости скелета женщины 60–65 лет. В восточной стенке могилы была вырыта обширная ниша. Ее свод частично обвалился и накрыл находившиеся в ней вещи, что и спасло их от грабителей (*рис. 1, 1*).

В заполнении могилы и на дне собраны обломки двух сероглиняных кувшинов и кусок окаменевшего дерева.

В северной части ниши вверх дном стоял большой бронзовый котел на полом раструбообразном поддоне, с полусферическим туловом, опоясанным рельефным валиком — имитацией веревочки. К венчику приварены две вертикальные ручки арочной формы с тремя гвоздевидными выступами. В основании ручек помещены тамгообразные знаки, выполненные рельефными валиками. Под венчиком сосуда приварены еще две маленьких ручки-петельки (*рис. 2*).

Рядом с ним, у входа в нишу, также вверх дном стоял второй

бронзовый котел, но меньших размеров. У него полый раструбообразный поддон, шаровидное тулово с носиком-сливом. Тулово опоясано валиком, имитирующим веревочку. Таким же образом оформлен и венчик. К венчику и тулову приварены две диаметрально расположенные ручки в виде стоящих кабанов. Фигурки выполнены одновременно и стилизованно, и вполне реалистично. У котла имеются еще две витые ручки-петельки. Одна из них крепится к венчику и тулову, другая — к венчику и носику (*рис. 3; 4*). Технология изготовления обоих котлов одинакова; тулово и поддоны отлиты отдельно, а затем сварены между собой.

В центре ниши на боку лежал краснолаковый гончарный кувшин.

Между котлами найдена золотая оковка от деревянного сосуда и ленточки, скреплявшие его части. Рядом с большим котлом найдены два кольца с обоймами от конской узды.

В южной части ниши, у входа в нее, стояли две серебряные чаши с ручками. Они абсолютно одинаковы и различаются лишь незначительными деталями оформления ручек. Чаши полусферической формы изготовлены на токарном станке. Сбоку к чаше припаяна массивная литая ручка в виде крылатого грифона. У

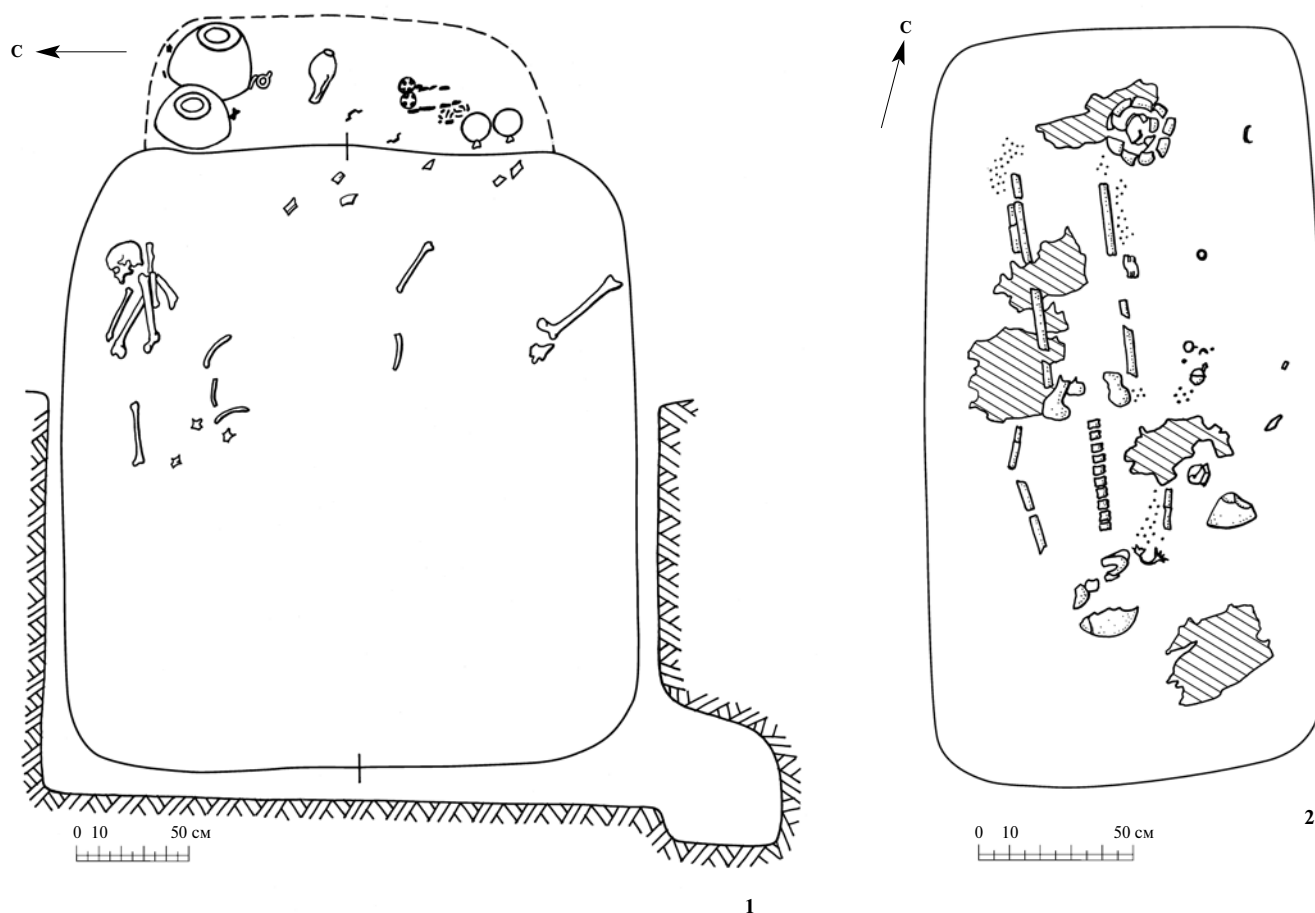

Рис. 1. Планы погребений. 1. Погребение в кургане 3; 2. Погребение 2 кургана 8.

животного поджарое туловище, длинная шея, клювовидная морда и высокие уши, похожие на ослиные. На крупе обеих фигурок имеется по отверстию, куда, возможно, вставлялся хвост, изготовленный из какого-то несохранившегося материала. Обе ручки отлиты в двусторонней форме и доработаны гравировкой и чеканкой. Животные изображены в статичной позе и в то же время очень выразительны (рис. 7).

В нише обнаружены две бронзовые ручки от деревянного сосуда и расчищены остатки деревянной шкатулки с железными оковками, накладками и шарнирными пластинчатыми петлями.

Среди остатков шкатулки найдены обрывки ткани и большое количество стеклянного бисера зеленого, голубого, светло-коричневого цвета и бронзовое проволочное колечко.

Возле котлов найдены куски мела, комочек охры и бронзовая проволочка. Там же обнаружены две золотые бляшки, спаянные из четырех гофрированных пронизок. Третья бляшка, вероятно, украшала крышку шкатулки. Она имеет прямоугольную форму, в ее центре напаяны гнезда в виде окружности с тремя лепестками. В них сохранились остатки голубоватой пасты. По краям бляшка обрамлена филигранью. К крышке шкатулки она крепилась с помощью четырех штырьков-заклепок.

В заполнении могилы собраны бусы из яшмы, стекла и коралла, бронзовая «скрепка», обломок гончарного сероглиняного сосуда, фрагменты железного ножа и, вероятно, кинжала.

В большом котле был сложен набор импортной бронзовой посуды, прекрасно сохранившейся из-за об-

разовавшегося в нем вакуума. Там находились:

— бронзовый сосуд с плоским дном, округлым приземистым туловом и раструбообразным горлом. На дне рельефными валиками показаны четыре concentрические окружности. Сосуд литой, после отливки прокован и доработан на токарном станке;

— бронзовый кованый котелок с округлым дном, сужающимся кверху туловом и профилированным венчиком. Под венчиком котелок был опоясан железным ободком, к которому крепилась железная дужка (рис. 5);

— бронзовый таз с полусферическим туловом. К его дну припаян кольцевой поддон, а по бокам — две горизонтальные ручки, одна из которых была отломана еще в древности и отсутствовала. Атташи ручек оформлены в виде очень реалистич-

Рис. 2. Бронзовый котел из кургана 3. Высота (без ручек) 47 см.

но выполненных изображений свернувшихся змей. Сосуд литой, после отливки прокован и доработан на токарном станке (рис. 6).

Курган № 8 имел высоту 0,8 м. Основное погребение, принадлежавшее мужчине-воину, было разграблено, но нетронутыми сохранились три впускных захоронения, из которых наибольший интерес представляет погребение № 2. Оно было совершено в прямоугольной яме глубиной 2,3 м. На дне был расчищен скелет взрослой женщины, лежавшей на подстилке из коры, вытянутой

на спине, головой на юго-юго-восток (рис. 1, 2).

В погребении обнаружены бронзовая пряжка с железным язычком и костяным щитком, обломки двух алебастровых сосудика, у одного из которых имелась ручка в виде лежавшего льва 1 гончарный сероглиняный кувшин без ручки, два каменных пряслица, фрагмент железного кольца, нож, бусы из голубого, зеленого и прозрачного бесцветного стекла, составлявшие браслет, надетый на запястье правой руки, золотые штампованные бляшки, и про-

низки, подвески в виде круглых медальонов со стеклянными вставками янтарного и голубого цвета, обрамленные зернью, напаянной в один ряд, серьги со стеклянными вставками янтарного цвета и полыми круглыми бусинами, подвешенными на цепочках (рис. 8), деформированный землей серебряный кубок. Под сосудом сохранились кусочки ткани, возможно, остатки мешочка, в котором он хранился. В боку кубка пробито два отверстия, через них была продета нитка, на которой он, видимо, подвешивался. Скорее всего, сосуд

Рис. 3. Бронзовый котел с ручками в виде стоящих кабанов из кургана 3. Высота (без ручек) 32 см.

4

5

*Рис. 4. Ручка бронзового сосуда в виде стоящего кабана из кургана 3.
Рис. 5. Бронзовый кованый котелок с округлым дном из кургана 3. Диаметр по краю 21 см.*

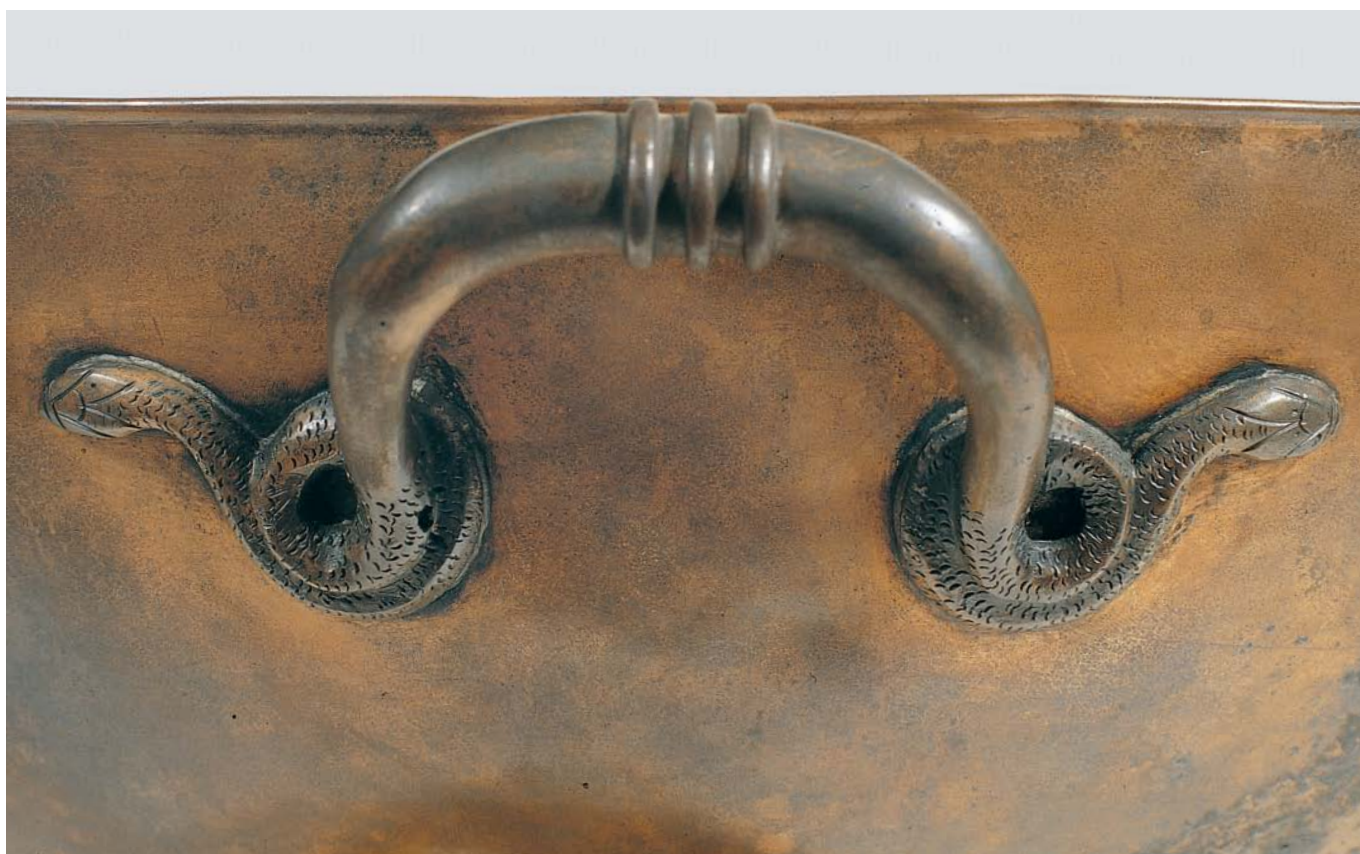

Рис. 6. Бронзовый таз с ручками в виде свернувшихся змей из кургана 3. Диаметр по краю 42 см.

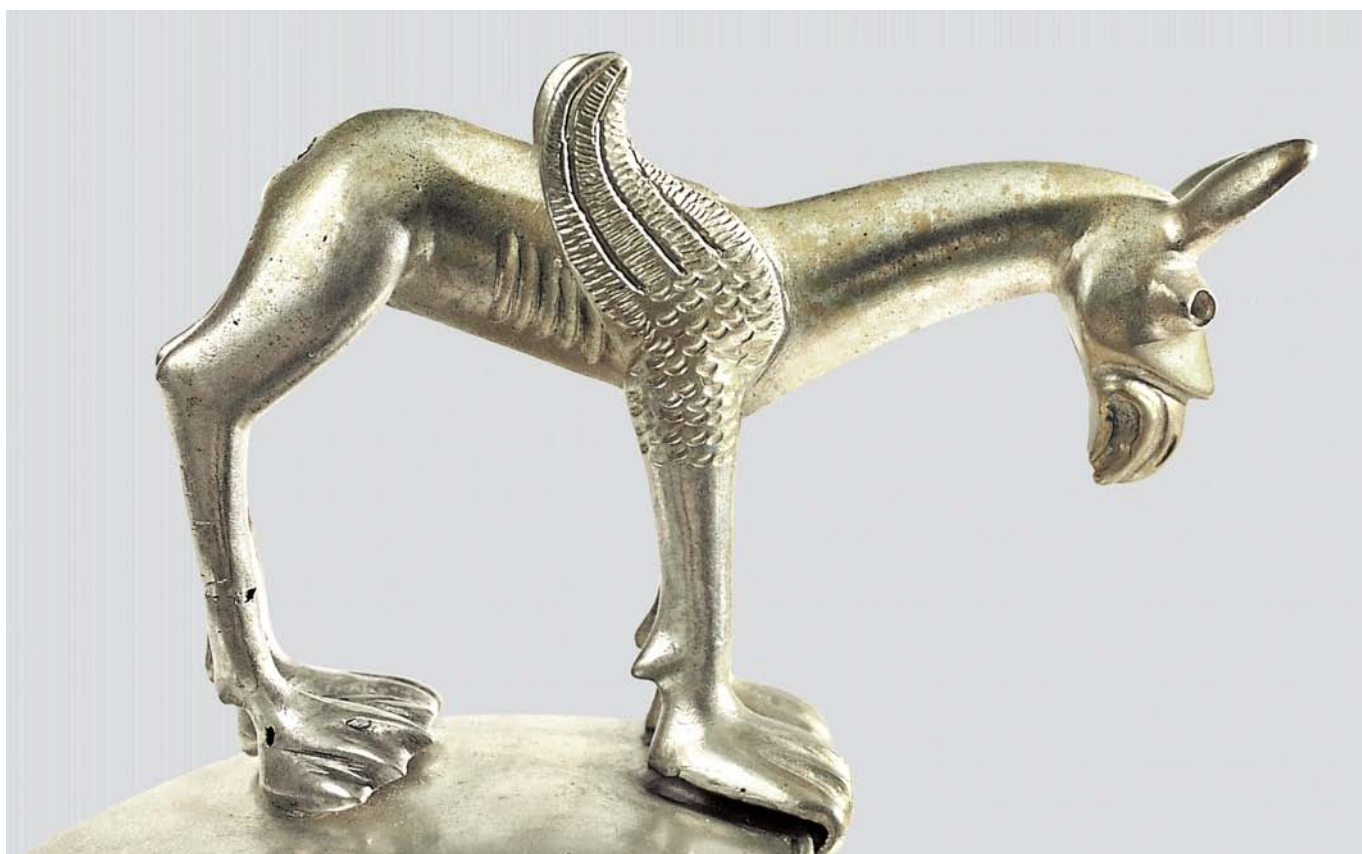

Рис. 7. Серебряная чаша с ручкой в виде крылатого грифона из кургана 3. Диаметр по краю 12,5 см.

уже не использовался по прямому назначению, а играл какую-то иную, вероятно, ритуальную роль. После его очистки от окислов на боку и на дне обнаружили процарапанные острым орудием три тамги. Две из них одинаковые. Знак представляет собой окружность, от которой вверх и вниз отходят прямые линии, заканчивающиеся разомкнутыми окружностями. Одно из их ответвлений образует небольшой завиток, обращенный наружу. Помимо этого на дне процарапан еще один знак из трех прямых линий, пересекающихся в одной точке. Причем, этот знак самый ранний, — первый прочерчен позже, поверх последнего.

Оба исследованных погребения относятся к среднесарматской культуре и имеют хорошо обоснованную дату. Датированными в этих комплексах выступают бронзовые котлы, импортная бронзовая и серебряная посуда римского производства, краснолаковый кувшин, имеющий многочисленные аналогии в античных памятниках Северного Причерноморья и золотые украшения, происходящие из античных ювелирных мастерских. Оба погребения примерно одновременны и датируются второй половиной I—началом II в. н. э. (Мордвинцева, Сергацков, 1995, с. 114–124; Сергацков, 1999, с. 192–196; Сергацков, 2000, с. 105–144).

Оба исследованных погребения входят в довольно многочисленную серию богатых женских захоронений среднесарматской культуры. К ней принадлежат и такие знаменитые памятники как Хохлач, Кобяково, Соколова могила, Ногайчинский курган, одно из погребений у с. Пороги и др. Среди диагональных захоронений, определяющих «лицо» среднесарматской культуры, большинство богатых погребений — женские. Это весьма интересное явление, обусловленное социальной структурой сарматского общества I–II вв. н. э. Невольно вспоминается рассказ Геродота о «женовладеемых» савроматах, произошедших от брака молодых скифов с женщинами-воительницами

амазонками. Греческая литературная традиция и погребения женщин-сарматок с оружием, раскопанные в Волго-Уральских степях, породили у некоторых ученых представление о пережитках матриархата у савроматов и сарматов (Граков, 1947; Смирнов, 1964). Из сообщений античных авторов известны имена сарматских цариц Амаги и Тиргатао, возглавлявших крупные объединения кочевников и игравших видную роль в политической истории Северного Причерноморья. Казалось бы, эти сведения подтверждают версию об особом положении женщины в сарматском обществе, однако дело оказалось сложнее и бурные споры ученых по этому поводу прекратились лишь в начале 70-х гг. XX столетия после выхода статьи А. М. Хазанова, в которой убедительно было доказано параллельное существование у савромато-сарматских племен позднематеринского и патриархального родов. Такая ситуация по сути является формой распада первобытной общины (Хазанов, 1970). Действительно, в таких условиях женщины подчас играли значительную роль в общественной жизни, принимая участие и в военных действиях. Однако богатые женские погребения I–II вв. н. э. не производят впечатления захоронений воительниц-амазонок. В них почти нет оружия, зато в изобилии присутствуют предметы, использовавшиеся в ритуальной практике: зеркала, каменные сосудики, пряслица, наборы амулетов, металлическая посуда, в том числе и из драгоценных металлов, высокохудожественные импортные сосуды, каменные плитки, вероятно, выполнявшие функции жертвенников. Скорее всего, это погребения жриц разного ранга — семейных, родовых, племенных. Примечательно, что почти все погребения такого рода — это захоронения женщин зрелого возраста. Этому факту мы находим интерес-

ные аналогии в мифологии и этнографии осетин — потомков сарматов. В осетинском обществе женщина почтенного возраста в иерархической структуре семьи занимала место хозяйки, госпожи (осетинское и аланское «ахсин» — сиять, властвовать), которая являлась главным распорядителем дел и имела неограниченную власть над всеми женщинами семьи (Абаев, 1949, с. 64). Она выступает как хранительница культового центра большой семьи — очага — и наделяется функциями прорицательницы, ведуньи. Эта роль женщины отчетливо видна в осетинском героическом эпосе «Нарты». Хозяйка нартов Сатана — один из центральных персонажей сказаний — наделена неземной мудростью и великим искусством чародейства (Дюмезиль, 1976, с. 235–237; Калоев, 1999, с. 118–120). Вполне возможно, что погребения у станции Бердия являются захоронениями знатных женщин, выполнявших функции семейно-родовых жриц.

Кем же были эти знатные покойницы? Ведь сарматы — такое же собирательное имя, как скифы, славяне, германцы. Оно скрывает в себе названия многих племен и племенных объединений, известных нам из трудов греко-римских писателей: языги, роксоланы, сираки, аорсы. В I в. н. э. впервые упоминаются аланы, которые с этого времени начинают играть ведущую военнополитическую роль в сарматском мире. Значительные перемены в этнополитической расстановке сил в восточноевропейских степях, очевидно, вызвали изменения и в облике сарматской культуры в I в. н. э. Свидетельством всех этих событий могут служить находки из Бердии. Так серебряные чаши с ручками в виде фигурок грифонов, вероятно, парфянского производства. Попасть к кочевникам они могли либо в качестве трофеев, либо как дары, кото-

Рис. 8. Золотые серьги со стеклянными вставками янтарного цвета из кургана 8.

рыми владыки Парфии вынуждены были откупаться от постоянной угрозы аланских вторжений, о которых известно из сообщений античных авторов, армянских и грузинских хроник.

Не менее интересен серебряный кубок с тамгами. Как известно, тамга — это знак родовой принадлежности, символ собственности. Аналогии бердиевской тамге имеются на противоположных концах великого пояса евразийских степей, — в Центральной Азии и в Северо-Западном Причерноморье. Знаки, идентичные тамге из Бердии, нанесены на скалах Цаган-гола (Монгольский Алтай). Очень близкие тамги помещены на монетах Хорезма, Бухары и Самарканда. Властителей этих государств китайские

источники считают принадлежащими к династии «дома Юечжи Чжаову» (Вайнберг, Новгородова, 1976, с. 69—72, рис. 5б, рис. 7, табл. II). Одновременно практически одинаковые знаки известны в Северо-Западном Причерноморье, в частности, на монетах сарматских царей Фарзоя и Инисмея, чеканенных в Ольвии в промежутке между 48/49 и 83 гг. н. э. (Карышковский, 1982, с. 73—74). Оба они осуществляли протекторат над греческим городом, но чьими царями они были, точно неизвестно. Не исключено, что они были предводителями аланов. В этом случае находит объяснение поразительное сходство тамг Монголии, Средней Азии и Северо-Западного Причерноморья, т. к. аланов некоторые древние писатели и многие совре-

менные ученые считают выходцами из глубин Азии.

Была ли женщина, захороненная в кургане из Бердиевского могильника, аланкой? Вряд ли. Собственно аланов во второй половине I в. н. э. знаменитый римский историк Иосиф Флавий помещал близ Меотиды, в низовьях Дона. А серебряный кубок с царскими тамгами вместе со своей хозяйкой мог попасть на берега Иловли в результате межплеменных брачных связей, которыми скреплялось новое этнополитическое объединение, в состав которого помимо аланов входило множество других кочевых племен. Разумеется, это всего лишь гипотеза, но ее не стоит исключать из числа вероятных вариантов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абаев В. И., 1949. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М., Л.
- Вайнберг Б. И., Новгородова Э. А., 1976. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии (Древность и средние века). М.
- Граков Б. Н., 1947. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. № 3.
- Дюмезиль Ж., 1976. Осетинский эпос и мифология. М.
- Калоев Б. А., 1999. Осетинские историко-этнографические этюды. М.
- Карышковский П. О., 1982. О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Мордвинцева В. И., Сергацков И. В., 1995. Богатое сарматское погребение у станции Бердия // РА. № 4.
- Сергацков И. В., 1999. Серебряный кубок из Бердии и некоторые вопросы истории сарматов в I в. н. э. // Археологические вести. № 6. СПб.
- Сергацков И. В., 2000. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград.
- Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. М.
- Хазанов А. М., 1970. Материнский род у сарматов // ВДИ. № 2.

Погребение сарматской знати из Волгоградского Подонья

За более чем столетний период в волго-донских степях был раскопан целый ряд курганов, принадлежащих сарматской знати, с богатым набором вещей, отдельные из которых представляют собой шедевры древнего ювелирного искусства. К числу таких памятников относится курган 1, раскопанный в 1995 г. экспедицией Волгоградского педуниверситета в курганной группе на юго-восточной окраине районного центра Октябрьский Волгоградской области на левом берегу Есауловского Аксая, левого притока Дона. В кургане находилось два сарматских погребения. Одно из них (погребение 2) было разрушено грабительскими раскопками, а другое (погребение 1) оказалось не тронутым.

Насыпь кургана долгое время подвергалась интенсивной распашке. Длина ее по линии С–Ю равна 66 м, ширина по линии З–В — 57 м, высота в центре от погребенной почвы — 1,75 м. Вокруг кургана прослеживались следы запаханного рва глубиной до 0,3 м. Оба погребения в кургане оказались одновременными, о чем свидетельствуют стратиграфические особенности залегания материковых выкидов из ям, в обоих случаях они располагались на погребенной почве.

Могильная яма погребения 1 имела прямоугольные очертания с

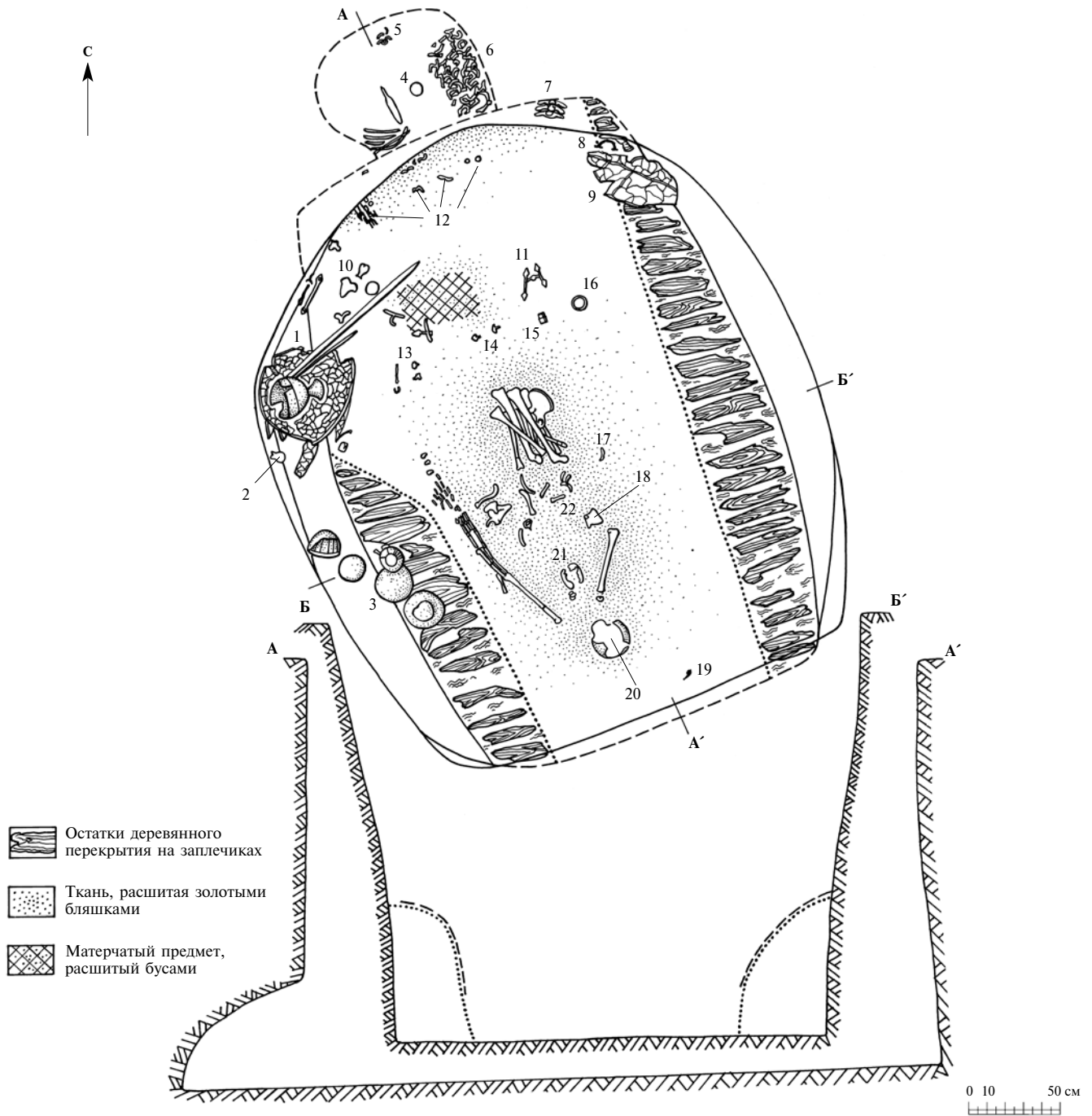
размерами по дну 2,85 м на 1,95 м. Максимальная глубина ее от центрального репера равнялась 4,05 м. В центре северной стенки на уровне дна была устроена ниша с арочным входом, глубиной 0,72 м и высотой 0,48 м (рис. 1).

Вдоль длинных стенок могильной ямы зафиксированы заплечики шириной около 0,5 м и высотой до 0,7 м, причем они были не вырублены в материке, а сформованы из плотного материкового суглинка. На поверхности заплечиков сохранились следы черного тлена, на котором были отмечены отпечатки досок шириной до 8 см, положенные поперек ямы. В заполнении могилы выявлены остатки еще одного, верхнего перекрытия, сооруженного, очевидно, на уровне древнего дневного горизонта. Оно состояло из досок шириной до 10 см, располагавшихся вдоль ямы.

В центральной части погребения на дне обнаружены кости скелета мужчины 50–60 лет. В анатомическом порядке лежали только кости левой руки и череп, который покоился на затылке. Все остальные кости скелета были сложены аккуратной кучкой несколько ниже черепа. Кости человека были обернуты в ткань, расшитую золотыми бляшками. Поскольку никаких следов перекопов

или ограбления в погребении не отмечено, можно утверждать, что перед нами останки расчлененного тела или захоронение костей уже разложившегося трупа.

Большая часть предметов погребального инвентаря найдена в заполнении могильной ямы на различной глубине. По-видимому, первоначально они стояли на верхнем перекрытии и лишь позднее, в результате его обвала, просели в заполнение могилы. Некоторые вещи сохранили свое первоначальное взаиморасположение, другие сильно сместились и деформировались. В погребении было найдено несколько металлических сосудов и отдельно атташи ручек из бронзы, выполненные в виде виноградных листьев, с изображением на них бородатых личин (рис. 2). Широкий сильно помятый медный таз, литой серебряный сосуд с туловом эллипсовидной формы высотой 10,7 см (рис. 3), который имел ручку в виде припавшего к земле зайца (рис. 4). Литая серебряная чаша с туловом, украшенным вертикальными каннелюрами и орнаментальным поясом, проходившем по ее верхнему краю, выполненным гравировкой и чеканкой. На одной стороне чаши, под орнаментальным поясом, процарапаны три буквы греческого алфавита «SME» (рис. 6). Вся наружная

Находки

1. Расплющенный таз с ножками в виде катушек 2. Ножка от таза 3. Серебряная тарелка, перевернутая вверх дном, под ней серия мелких предметов. Над тарелкой располагался перевернутый вверх дном канфар 4. Кольцо бронзовое 5. Фрагменты железных колец 6. Фрагменты железных удил с пряжками 7. Позвонки быка	8. Бронзовая ручка таза 9. Медный таз, сильно смят 10. Ручка таза с атташем 11. Удила с псалиями с золотой инкрустацией 12. Слева направо: ножка таза, железные наконечники стрел, ручка от серебряного сосуда в виде фигурки зайца, железный нож, ножка от серебряного кубка 13. Нож железный с кольцевидным навершием, пуговица серебряная, фрагменты железного предмета	14. Золотые пуговицы с инкрустацией 15. Пряжка железная 16. Серебряное кольцо 17. Фрагмент железного предмета 18. Вторая ручка от таза с атташем 19. Бронзовый наконечник с шипом 20. Золотая обкладка жезла 21. Нижняя челюсть человека 22. Фрагмент кости человека

Рис. 1. План погребения 1 кургана 1.

Рис. 2. Бронзовые ручки.

поверхность чаши покрыта позолотой. Высота чаши 8,4 см (рис. 5). Рядом с чашей стоял вверх дном серебряный кубок. Он имел литые сегментовидные ножки, крепившиеся к его дну оловянным припоем. На корпусе с одной стороны заметен след припоя от несохранившейся ручки. Кубок по верху был украшен резными линиями. Его высота 16,5 см. Под кубком также вверх дном лежала серебряная тарелка. Внутри она была украшена чеканным и гравированным орнаментом. Зоны узоров покрыты позолотой. Диаметр тарелки 21 см (рис. 7). В заполнении могильной ямы обнаружен бронзовый котел на высоком поддоне с двумя петлевыми ручками и с волнообразным валиком по тулову высотой 24 см. Корпус его был преднамеренно поврежден. Под котлом находился медный таз, перевернутый вверх дном. Край его был украшен гравированным рельефным орнаментом в виде

рядов жемчужин и подтреугольных фигур. Три литые бронзовые ножки катушковидной формы, отбитые в древности, находились рядом, прежде они были припаяны к дну таза. Диаметр таза по верху 44 см. Сохранившиеся на корпусе этого таза отпечатки позволяют считать, что вышеописанные ручки с бородатыми личинами принадлежали, скорее всего, ему. В заполнении ямы также были обнаружены серебряные детали медного котла. Это две массивные литые накладки сегментовидной формы с боковыми двуствольными ручками, в которые вставлены большие кольца. Они крепились к корпусу тремя бронзовыми заклепками. Реконструкция верхней части котла позволяет говорить о том, что он имел выпуклые бока и короткий отогнутый венчик диаметром по верху ок. 35 см.

В погребении также был найден канфар из зеленого стекла высотой 7,3 см.

Ряд находок в погребении связан с вооружением. Это в первую очередь железный меч с ромбовидным перекрестием и длинной рукоятью-штырем. Общая длина меча 1,06 м. Рядом с мечом лежал железный клинок без перекрестия и рукояти длиной 33 см. Железные трехлопастные черешковые наконечники стрел (116 экз.), на которых находились обрывки кожи красного цвета, очевидно, от колчана, который был помещен в могилу вертикально и прислонен к стенке.

Под канфаром и серебряной чашей найдено ряд предметов, являвшихся, вероятно, деталями пояса. Это золотая пряжка с вставками из пасты голубого цвета (рис. 9), золотой наконечник ремня, пять золотых пуговиц, инкрустированных пастой зеленого, белого и голубого цветов, две золотые обоймы, украшенные орнаментом из витой золотой проволоки, три золотые ложковидные застежки или наконечники ремней,

Рис. 3. Литой серебряный сосуд с ручкой в виде зайца, высота 10,7 см.

пять золотых штампованных пуговиц с полусферическими выступами в центре шляпок.

Пара железных удил обнаружена в заполнении могилы. Они имели массивные двукольчатые псалии в одном случае с листовидными окончаниями, в другом — со стреловидными. В обоих случаях псалии с наружной стороны украшены золотой инкрустацией.

На костях умершего и под ними найдено 3155 штук золотых штампованных бляшек с отверстиями для пришивания. Очевидно, останки человека в момент захоронения были завернуты в ткань, расшитую этими бляшками. По форме они имеют несколько вариантов: пирамидальные, треугольные и квадратные с рельефным орнаментом, фигурные.

На костях предплечья левой руки погребенного обнаружена обкладка жезла из тонкой золотой фольги (рис. 10), на которой в верхней части имеется профильное изображение припавшего к земле волка(?), ноздря и его глаз инкрустированы вставками из бирюзы; ниже расположено профильное изображение орлиноголового грифона(?), терзающего круп волка. Его глаз также был инкрустирован вставкой, которая не сохранилась. Вероятно, обкладка первоначально имела деревянную основу. Длина обкладки 32,6 см.

Пять золотых обкладок располагались на дне в центре ямы возле костей человека. Вероятно, они украшали край не сохранившегося сосуда.

Кроме того, на дне ямы и в ее засыпи были найдены многие дру-

гие предметы: фрагменты железных предметов, железные ножи, серебряные бляшки и колечки, золотой наконечник ремня, железные пряжки, матерчатый предмет, обшитый бусами.

В тайнике, сооруженном в северной стенке ямы, находились следующие вещи: несколько железных ножей, отдельные из которых достигали более 30 см в длину, три набора конской упряжи, состоящей из железных удил с псалиями и нескольких железных пряжек.

Дата возведения кургана 1 может быть установлена по вышеописанному вещевому материалу из погребения 1. Однако обилие находок в комплексе не всегда упрощает процедуру его датировки. Для богатых кочевнических погребений весьма характерно

Рис 4. Литой серебряный сосуд с ручкой в виде зайца, фрагмент.

нахождение в них разновременных вещей, особенно это относится к дорогим изделиям. Как мы постараемся показать ниже, эти причины вызывают определенные затруднения в установлении достаточно точной даты и рассматриваемого комплекса.

Хронологический разбор материала начнем с металлической посуды. Прямые аналогии медному тазу нам не известны. Ближе всего он напоминает серебряную чашу из царского скифского кургана Чертомлыка, которая имеет точно такие же подставки в виде трех катушек (Онайко, 1970, с. 35, табл. XXVIII). Как известно, Чертомлыцкий курган датируется второй половиной IV в. до н. э. или более точно 330–310 гг. до н. э. (Алексеев, 1992, с. 152). Таз с тремя катушковидными подставками был

обнаружен на Кубани в уляпском кургане 4; там же, в другом кургане, были найдены аналогичный таз и кувшин, ручки которых были украшены такими же катушками, как и используемые для подставок. Дата уляпских курганов, в которых были сделаны эти находки, — первая половина IV в. до н. э. (Ксенофонтowa, 1992, с. 163–169, рис. 1–3). Изображение таза на трех катушковидных подставках имеется на мозаичной картине из виллы императора Адриана в Тиволи. Однако считается, что эта мозаика является римской копией с более ранней картины пергамского автора Сосеса (Галанина, 1969, с. 96, 97, рис. 3, 8). Возможно, что металлические тазы с подставками в виде катушек были в употреблении длительное время.

Тождественных форм бронзовому тазу из октябрьского погребения 1 нам найти не удалось. Широкие низкие тазы, близкие по многим деталям октябрьскому, достаточно широко были распространены в Западной Европе в период с I по III вв. (Hansen, 1987, Taf. 8, 9).

В погребении были найдены две серебряные чаши. Следует отметить, что традиция употребления в быту чаш существовала на Востоке еще с ассирийского и ахеменидского времени. Изготовленные из серебра, бронзы, стекла и керамики чаши особенно широко были распространены на территории Сирии, Палестины, Месопотамии, Малой Азии и Египта. Близкие образцы серебряной чаше с позолотой известны с территории Ирана, датируемые II в. до н. э. (Oli-

Рис. 5. Литая серебряная чаша с позолотой, высота 8,4 см.

ver, 1977, рис. 41, 42). Серебряные чаши с внутренним гравированным и позолоченным орнаментом, иногда в деталях совпадающие с октябрьской находкой (рис. 7), достаточно широко были распространены на территории Сирии и Парфии во II–I вв. до н. э. Своим происхождением они связаны с традициями восточной торевтики, о чем свидетельствуют арамейские надписи на них и ахеменидские элементы в их орнаментальном оформлении (Pfrommer, 1993, р. 22, 118, 119). Являясь наиболее характерными для времени позднего эллинизма отмеченных районов, чаши этого типа встречаются иногда у кочевников евразийских степей, обитавших довольно далеко от мест их изготовления. Серебряные чаши, не идентичные, но близкие по форме

и украшенные каннелюрами, обнаружены в погребениях сарматского времени на Кубани. Одна из них датируется концом I в. до н. э. (Ждановский, 1990, с. 102–114, рис. 34, 3), другая — второй половиной I–II вв. н. э. (Гушина, Засецкая, 1992, рис. 3, 49)

Редкой вещью является находка серебряного кубка (рис. 8), причем на территории обитания сарматов они неизвестны. Кубки, напоминающие октябрьский, происходят из Помпей (Spinazzola, 1928, с. 228). Они практически идентичны по форме и имели петлевидные ручки, такая же ручка, вероятно, была и на октябрьском кубке. По крайней мере, можно утверждать, что в Италии такие кубки были в употреблении до 79 г. н. э.

В погребении I был найден еще один кубок, имевший эллипсоидную форму (рис. 3; 4). Такие кубки представлены целой серией находок, в большинстве своем они происходят из богатых сарматских погребений. Изготавливались они из серебра или золота. Отличие октябрьского кубка от остальных состоит только в том, что его ручка трактована в виде фигурки зайца. Датируются они достаточно компактно I в. н. э. (Симоненко, 1991, с. 58).

Стеклянные канфары также довольно редкая находка в сарматских памятниках волго-донских степей. Ближайшим районом их широкого распространения в последние века до н. э. и в начале н. э. является Кубань. Судя по кубанским аналогиям канфар из октябрьского погребения,

Рис. 6. Литая серебряная чаша с позолотой, фрагмент.

скорее всего, может быть датирован I в. н. э. (Засецкая, Марченко, 1995, с. 101).

Теперь перейдем к рассмотрению вещей другого рода. Железный меч с ромбическим перекрестием — такого типа мечей в сарматских памятниках известно сейчас более двух десятков, некоторые из них имеют бронзовые перекрестия, а в двух случаях нефритовые. По своему оформлению они весьма близки клинковому оружию древнего Китая ханьского времени (Скрипкин, 2000, с. 19–24). Такие мечи известны и в памятниках Средней Азии, где их распространение совпадает с появлением юечжей, пришедших туда от границ Китая, после разгрома их хунну. Вероятно, что наиболее ранние находки этого типа мечей в Средней Азии должны датироваться временем после собы-

тий, связанных с падением Греко-Бактрии, которое исследователи относят к 140–130 гг. до н. э. (Ставиский, 1977, с. 96). Видимо, где-то после этого времени такие мечи появляются и у сарматов, продолжают они существовать и в первые века нашей эры.

Кроме меча, в погребении I были обнаружены шесть железных ножей. Невозможно судить о форме каждого и них, поскольку часть их была фрагментирована, но некоторые сохранившиеся имели достаточно большие размеры — 27,3 и 32,5 см. Они явно отличаются от тех небольших ножей, которые обычно находят в сарматских погребениях с костями животных. Вероятно, такие длинные ножи выполняли не бытовые функции, а являлись оружием. В настоящее время в сарматских погребениях

рубежа первых веков нашей эры известно несколько находок длинных ножей (до 40 см), которые обычно представлены парами (Скрипкин, 1989, с. 173; Гушина, Засецкая, 1989, табл. V, 45; Симоненко, Лобай, 1991, с. 42). Поиски близких аналогий привели нас к мнению, что все известные к настоящему времени сарматские длинные ножи типологически ближе всего стоят к боевым ножам, широко распространенных к востоку от сарматских земель. Они с древних времен массово употреблялись народами Дальнего Востока, Центральной Азии и Южной Сибири (Деревянко, 1987, с. 49, 50; Худяков, 1986, с. 219). В контексте с мечом, имеющим восточные истоки происхождения, вполне вероятно аналогичное происхождение и длинных ножей из рассматриваемого погребального комплекса.

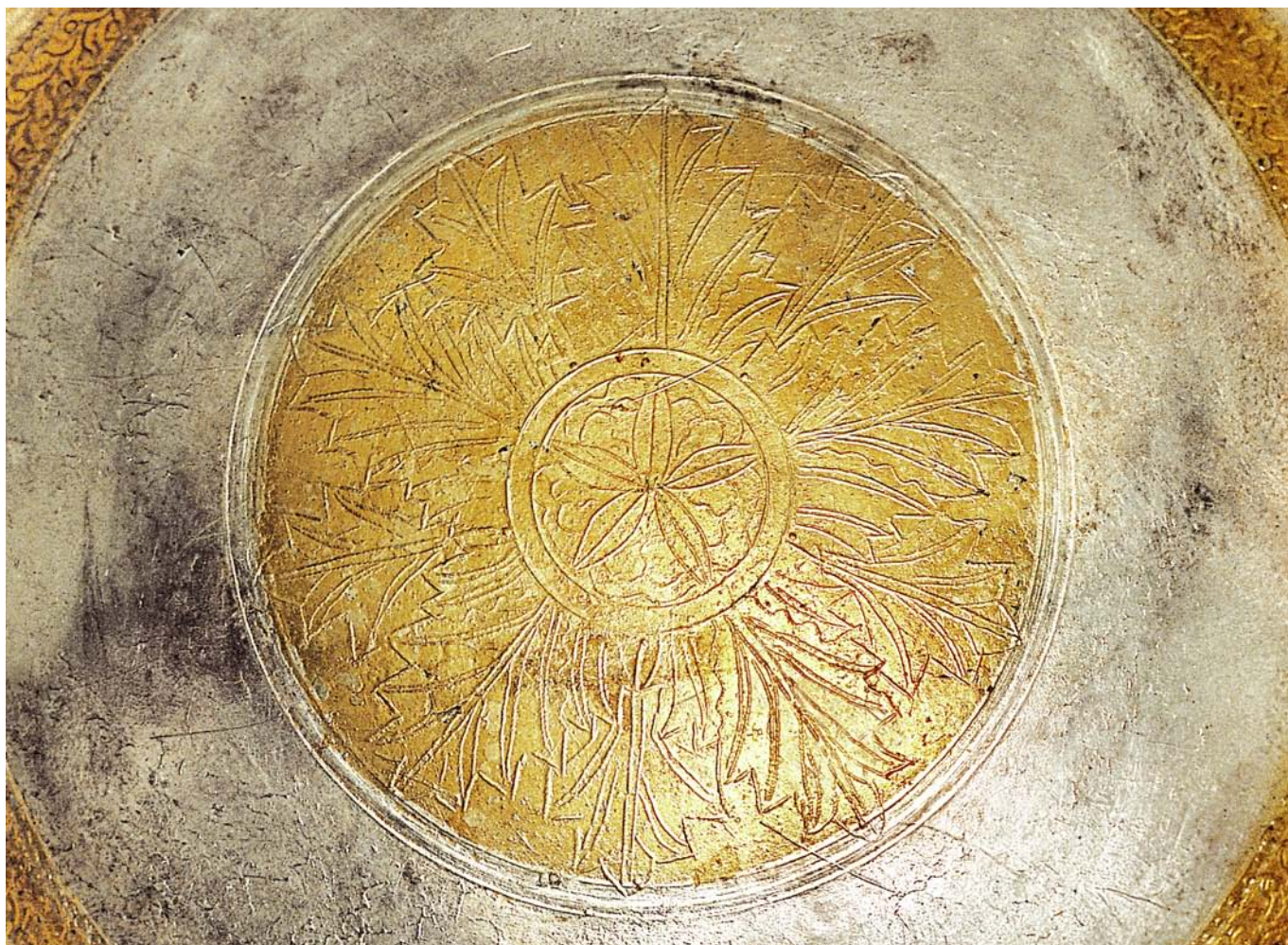

Рис. 7. Серебряная тарелка с чеканным и гравированным орнаментом и позолотой, диаметр 21 см.

Рис. 8. Серебряный кубок, высота 21 см.

В этом плане представляет интерес и серия однотипных железных удил, обнаруженных в погребении 1, со штыревидными псалиями, различающимися только оформлением их окончаний. Интересно отметить, что еще в ряде случаев аналогичные удила встречены в сарматских погребениях вместе с описанным выше типом мечей. Удила с такой конструкцией псалиев встречаются в кочевнических погребениях восточноевропейских степей с конца II в. до н. э. по I в. н. э. Можно предположить, что этот тип удил у сарматов появляется в то же время, что и мечи с ромбовидным перекрестием. Не исключено,

что исходными образцами для таких удил у сарматов, как и для мечей с ромбовидным перекрестием, были формы, употреблявшиеся далеко на востоке. Подтверждением тому может быть наличие удил с аналогичной конструкцией псалиев в памятниках хунну (Могильников, 1992, табл. 105, 12).

Найденные в октябрьском погребении ложковидные обоймы, известны в целом ряде сарматских погребений, изготовленные из золота и бронзы, обычно входят в состав поясной гарнитуры или конской узды (Симоненко, Лобай, 1991, с. 52). По форме они очень близки так

называемым «ложковидным застёжкам», изготовленным из кости, бронзы и железа и широко распространенным в памятниках раннего железного века Южной Сибири II—I вв. до н. э. (Кузьмин, 1988, рис. 13, 22–32). Видимо, не раньше этого времени они появляются и в материальной культуре сарматов.

В определенной мере датирующим материалом могут быть и нашивные золотые бляшки из погребения 1, ряд типов которых находят аналогии в царских погребениях из Тилля-тепе, в Северном Афганистане, датирующихся началом I в. н. э. (Baktrisches Gold, 1985, S. 38, 49, 232, 236, 252, 253).

Рис. 9. Золотая пряжка со вставками из пасты голубого цвета, длина 4,8 см

Небольшие котлы на высоком поддоне типа октябрьского довольно частая находка в сарматских погребениях. Их известно более полутора десятка. В подавляющем большинстве по сопровождающим вещам они датируются I—первой пол. II в. н. э. (Демиденко, 1997, с. 131, 132).

Приведенные датированные аналогии вещам из погребения I дают значительный разброс дат с IV в. до н. э. по первые века н. э. Однако ряд из них, такие как, например, серебряный сосуд (рис. 3), бронзовый котел, медный таз, раньше I в. н. э. в сарматских и других комплексах не известны. Некоторые другие вещи из этого погребения с более широким хронологическим диапазоном, как уже отмечалось, часто встречаются в комплексах, определенно датированных I или I—II вв. н. э. Все это позволяет нам высказать мнение, что предполагаемой датой сооружения октябрьского кургана является I в. н. э.

Погребение I интересно набором вещевого материала, отражающего специфику и многообразие связей кочевого мира волго-донских степей на рубеже эр. В одном комплексе

находились вещи, своим происхождением связанные с разными территориями и народами, начиная от хуннских и китайских древностей на востоке и кончая Помпеями в Италии на западе. Причем весьма интересно распределение вещей по их культурно-исторической принадлежности. Дорогая посуда, обнаруженная в погребении, преимущественно связана с эллинистическим и римским культурными ареалами. Вооружение, конская узда, некоторые детали оформления пояса, золотые нашивные бляшки обнаруживают далекие восточные аналогии. Причем, как мы полагаем, именно вторая группа находок наиболее показательна в этнографическом отношении.

Мечи и узды, найденных в погребении I типов, в восточноевропейских степях появляются, как отмечалось, не ранее, видимо, второй половины или конца II в. до н. э. Распространение вещей, отражающих культурные традиции народов столь далеко живущих от Волги и Дона, объясняется теми бурными событиями, которые происходили в восточных

районах евразийского степного пояса во II в. до н. э., связанными с усилением хуннской державы и движением на запад народов, ранее соседствовавших с хунну и Китаем. Судя по китайским, а отчасти и античным письменным источникам, эти события привели к значительным изменениям этнической и политической ситуации в Средней Азии и в восточноевропейских степях. В дальнейшем восточные инновации оказывали все возрастающее влияние на этот степной регион, что и нашло отражение во многих сарматских погребальных комплексах Волги и Дона I—II вв. н. э.

Подтверждением высокого социального статуса умершего, кроме дорогой посуды и других вещей, являлась находка пяти наборов конской узды, которые могли олицетворять жертвенные приношения коней от подчиненных погребенному коллективов. Убедительным примером существования подобного обычая у кочевников раннего железного века служит ситуация, зафиксированная М. П. Грязновым при раскопках кургана Аржан (Грязнов, 1980, с. 47).

Рис. 10. Обкладка жезла из золотой фольги, длина 32,6 см.

Весьма неординарным является и само положение погребенного. Как было установлено, под деревянным перекрытием находились обернутые в ткань специально компактно сложенные кости скелета, за исключением лишь костей левой руки, находив-

шихся в естественном сочленении, что не характерно для погребальной практики сарматов. Заключая вышеизложенное, можно отметить, что характер инвентаря и особенности погребального ритуала рассматриваемого погребения позволяют сделать вы-

вод о принадлежности захороненного здесь человека к знатному сословию сарматского общества. Возможно, при жизни погребенный был вождем-жрецом, подобное совмещение этих функций зафиксировано во многих архаичных обществах.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алексеев А. Ю., 1992. Скифская хроника (Скифы в VII–III вв. до н. э.: историко-археологический очерк). СПб.
Гущина И. И., Засецкая И. П., 1992. К вопросу о хронологии и происхождении «Золотого кладбища» в Прикубанье (по материалам раскопок Н. И. Веселовского) // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов.
Галанина Л. К., 1969. Античный бронзовый таз из Курджипского кургана // АСГЭ. Вып. 11.
Грязнов М. П., 1980. Аржан. Л.
Демиденко С. В., 1997. Типология литых котлов савромато-сарматского времени с территории Нижнего Поволжья, Подонья, и Северного Кавказа // Древности Евразии. М.
Деревянко Е. И., 1987. Очерки военного дела племен Приамурья. Новосибирск.
Ждановский А. М., 1990. Новые погребения кочевников сарматского круга из Закубанья // Древние памятники Кубани. Краснодар.
Засецкая И. П., Марченко И. И., 1995. Классификация стеклянных канфаров позднеэллинистического и раннеримского времени // АСГЭ. № 32.
Ксенофонтowa И. В., 1992. Античные художественные бронзы из уляпских курганов // РА. № 4.
Кузьмин Н. Ю., 1988. Тесинский могильник у деревни Калы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. Л.
Могильников В. А. 1992. Хунну Забайкалья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Онайко Н. А., 1970. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–III вв. до н. э. // САИ. Д 11-27.
Симоненко А. В., Лобай Б. И., 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. Киев.
Скрипкин А. С., 1989. Погребальный комплекс с уздечным набором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов // СА. № 4.
Скрипкин А. С., 2000. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. Волгоград.
Ставиский Б. Я., 1977. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М.
Худяков Ю. С., 1986. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.
Baktrisches Gold. 1985. Leningrad.
Hansen U. L., 1987. Römischer Import im Norden. Warenaustausch zwischen dem Römischen Reich und dem freien Germanien // Nordiske Fortidsminder. Serie B, Band 10. København.
Oliver A., 1977. Silver for the gods. 800 years Greek and Roman silver. Toledo, Ohio.
Pfrommer M., 1993. Metalwork from the Hellenized East. Catalogue the collections. California.
Spinazzola Vittorio., 1928. Le Arti Decorative in Pompei e nel museo nazionale de Napoli. Casa editrice darte bestelte e Tumminelli. Vilano–Roma–Venezia–Firenze.

«Амазонка» из Прохоровки

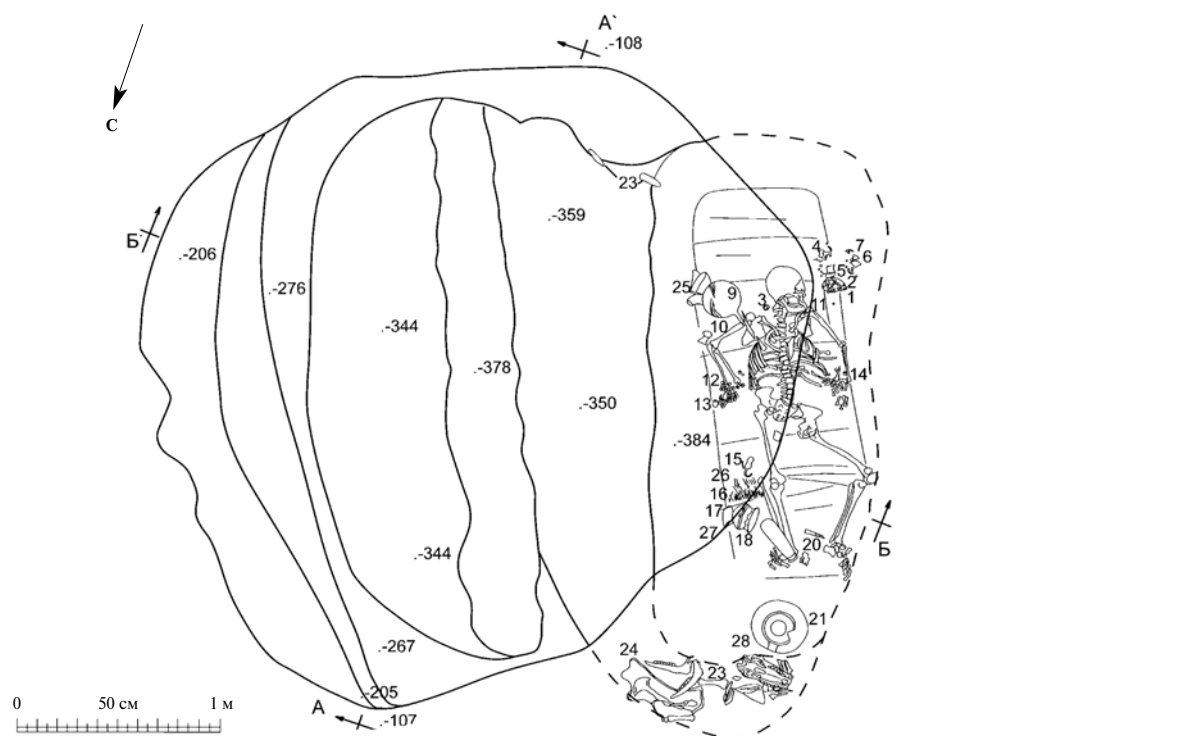
1911 год в Южном Приуралье выдался голодным, и мужики из Прохоровки, деревни, расположенной на севере Оренбургского края, близ современной границы с Башкортостаном, решились раскопать курганы, цепочкой протянувшиеся по поверхности высокого сырта. Самый крупный курган жители деревни давно использовали под кладбище — в мягкой насыпи легче было копать могилы, и поэтому крестьянин Олифер с сыновьями взялся копать ночью один из меньших курганов, который находился на дальнем от деревни краю древнего могильника. Впрочем, раскопки не остались незамеченными односельчанами — они в темноте подобрались к кладоискателям, пугали их, кидали в них горящие головешки. Олиферу повезло — он нашел в могиле золотые вещи и ушел домой, не закончив работу до конца. Соседи, которые стали свидетелями его удачи, тотчас кинулись копать соседние курганы, а заодно порылись и в «яме Олифера», достав оттуда две большие серебряные чаши. Когда утром Олифер пришел на свой объект, чтобы продолжить работу, он обнаружил только отпечатки от этих чаш на дне могилы. Он обвинил соседей в воровстве, и дело кончилось скандалом и обращением в полицию. Полицейский

урядник, который прибыл в Прохоровку для разбирательства, не долго думая, отобрал у крестьян все (возможно, почти все) находки, составил их опись и передал все материалы и собранные им вещи в Оренбургскую Ученую Архивную Комиссию, а раскопанные курганы велел закопать, что и было сделано.

Сразу после инцидента Прохоровку посетил один из членов Комиссии. Он снова разрыл ограбленные крестьянами курганы, ничего не нашел, опять закопал их и раздосадованный вернулся в Оренбург. Об этой истории Председатель Комиссии сообщил знаменитому уже в то время петербургскому профессору Михаилу Ивановичу Ростовцеву — историку и археологу, блестящему знатоку античных и древнеперсидских древностей. Заинтересовавшись находками, Ростовцев решил снарядить в Прохоровку научную археологическую экспедицию, но не смог сразу собрать средства для финансирования работ. Лишь в 1916 г. эти средства были найдены, и по просьбе профессора для обследования курганов в поле выехал молодой тогда приват-доцент Петербургского Университета, а в последствие известный советский археолог, открывший, в частности, мумии знаменитых во всем мире пазырыкских курганов

на Алтае, Сергей Иванович Руденко. С помощью военных геодезистов Руденко сделал инструментальный план курганной группы и приступил к раскопкам. За неделю с помощью местных жителей он вновь раскопал (уже в третий раз) ограбленные могилы и еще два кургана, до которых крестьяне добраться не успели. Археолог еще раз попытался уточнить, из какого именно кургана происходит та или иная находка, и, истратив отведенные на экспедицию 200 рублей, уехал.

Научный отчет о предпринятых им раскопках он передал М. И. Ростовцеву, который и опубликовал его во вводной части своего монографического исследования, специально посвященного древностям Оренбургского края (Ростовцев, 1918). Ученый склонялся к тому, чтобы датировать находки в пределах III—II вв. до н. э., не исключая для отдельных находок и IV в. до н. э. Он правильно определил, что курганы у деревни Прохоровка были оставлены ранними ираноязычными кочевниками и впервые связал полученные из раскопок археологические комплексы с этнонимом «сарматы», известным по древним письменным источникам. Ростовцев знал, что, согласно данным этих источников, на протяжении второй половины I тыс. до н. э. и в нача-

Находки

1. Скопление бляшек золотых, сферических и полусферических	10. Пряслице	20. Предмет из кости
2. Скопление бляшек золотых плоских	11. Серьга золотая	21. Сосуд глиняный
3. Подвеска из агата, оправленного золотом	12. Бусины левого запястья	22. Нож железный
4. Золотая обкладка	13. Пряслице белое яйцевидное	23. Копье железное
5. Золотая обкладка	14. Бусины левого запястья	24. Блюдо из рога лося
6. Золотая обкладка	15. Крюк поясной железный с золотой обкладкой	25. Фрагменты дерева, кожи, меха футляра зеркала
7. Золотая обкладка	16. Наконечники стрел железные и бронзовые	26. Фрагменты дерева колчана
8. Обкладки золотые мелкие	17. Предмет железный	27. Фрагменты дерева с серебряной чашей
9. Зеркало бронзовое	18. Сосуд серебряный	28. Кости и череп барана
	19. Сосуд из мраморного оникса	

Рис. 1. Могильник Прохоровка 1, курган Б, погребение 3. План погребальной камеры.

ле I тыс. н. э. сарматы сыграли выдающуюся роль в формировании этнополитической карты сначала Восточной, а затем и Западной Европы.

В 1920-е гг. М. И. Ростовцев был вынужден эмигрировать и более никогда не возвратился в Россию. Трудно сложилась и судьба С. И. Руденко — в 1930-е гг. он был репрессирован. Научную периодизацию археологических культур ранних кочевников евразийских степей создали блестящие ученые советской эпохи Б. Н. Граков и К. Ф. Смирнов. Опираясь на более многочисленные (по сравнению с теми, которыми располагал М. И. Ростовцев) археологиче-

ские данные, они выделили три основные стадии развития сарматской культуры — раннюю (IV–II вв. до н. э.), средне- и позднесарматскую эпохи (соответственно — I в. до н. э. — II в. н. э. и II–IV вв. н. э.). С тех пор в отечественной историографии наиболее ранний период развития сарматской культуры стал называться «прохоровским». По археологическим данным было установлено, что, прародиной сарматов стали именно степи Южного Приуралья. Отсюда не позднее конца IV в. до н. э. различные группы кочевников-сарматов начинают движение на запад, в Поволжье и далее —

сначала на территорию Волго-Донского междуречья, а затем — в Северное Причерноморье и Поднепровье.

Проходили годы и десятилетия. Находки из Прохоровских курганов стали классическими для археологии раннего железного века, а сам памятник — эпонимным. Историографический интерес к нему по понятным причинам не ослабевал, но после раскопок 1916 г. он никогда более не подвергался повторному археологическому исследованию.

Лишь в 2003 г. при финансовой поддержке Российского Гуманитарного научного фонда (РГНФ, проект № 03-01018024е) Институт археоло-

Рис. 2. Могильник Прохоровка 1, курган Б, погребение 3. Железный наконечник копья.

гии РАН сформировал экспедицию, в задачи которой входили раскопки Прохоровских курганов с применением современных исследовательских методик (начальник экспедиции — автор этой статьи, зам. начальника — старший преподаватель Оренбургского Гос. Педагогического Университета Д. В. Мещеряков). Экспедиция раскопала заново все курганы могильника, за исключением кургана 3, который не удалось обнаружить под посевами, а также объект, который в отчете С. И. Руденко был назван «городищем», или сооружением «Б» (Яблонский, 2004; Яблонский и др., 2004).

На плане 1916 г. неподалеку от большого кургана-кладбища можно было видеть четырехугольную в плане обваловку, которую Руденко раскапывать не стал, будучи уверенным, что эта обваловка не является погребальным сооружением. К моменту начала работ 2003 г. на месте этого сооружения располагалось овальное в плане возвышение с тотальными размерами 47 × 39 м и высотой до 92 см. На наиболее высокой площадке фиксировались остатки разрушенной вышки тригопункта, установленного в советскую эпоху. Поверхность насыпи вокруг вышки подвергалась постоянной распашке. Именно неоднократная перепланировка «городища» и привела к резким изменениям его формы и размеров. Было решено раскопать насыпь «городища» на снос, чтобы исследовать его конструкцию. Каково же было наше удивление, когда в верхних слоях насыпи было обнаружено звено железных удил и псалий (предметы конской упряжи), которые хорошо датируются раннесарматским временем. Наше подозрение, что на самом деле мы раскапываем именно погребальный комплекс, лишь усилилось, когда под насыпью, вблизи ее западного края, на поверхности древнего горизонта были найдены *in situ* лежащие рядом конские черепа. Обычай класть лошадиные головы у подножия насыпи кургана хорошо известен по раскопкам и других па-

мятников Южного Приуралья савромато-раннесарматской эпохи.

Действительно, под насыпью «городища» были обнаружены три захоронения этого времени. Одно из них было полностью разрушено в процессе поздних перепланировок кургана (или курганов), но два погребения оказались непогребленными.

Одно из них (**погребение 1**) расположено в северо-западной части насыпи. По форме в плане яма представляла собой широкий прямоугольник со скругленными углами размерами 120 × 100 см. Длинной осью яма была ориентирована строго меридионально. Глубина входной ямы в центральной ее части достигала 55 см от уровня поверхности материка. Вдоль восточного борта входной ямы проходила ступенька. В западной стенке ямы имелась подбойная ниша, которая по форме в плане приближалась к широкому овалу с размерами 110 × 90 см. Длинная ось подбоя проходила параллельно длинной оси входной ямы.

На дне подбойной ниши были расчищены кости ребенка, который умер в возрасте около года, и сопровождавший его инвентарь (рис. 1). Здесь были сделаны следующие находки: — крупная гагатовая бусина шаровидно усеченной формы, раковина каури, скопление золотых полусферических нашивок (25 шт.), обрывки крученых полосок, сделанных из золотой фольги. В районе шейных позвонков лежал предмет в виде профильного стилизованного изображения птички, вырезанный из белого мягкого известняка. В районе таза и среднего отдела позвоночника и к западу от него были найдены еще одно скопление золотых полусфер (18 шт.), аналогичных вышеописанным и бусы — крупные и мелкие гагатовые и янтарные. В ногах ребенка были установлены два сосуда — лепной и круговой. Лепной сероглиняный сосуд имел шаровидное тулово, уплощенное дно и слегка отогнутый венчик. По шейке и венчику местами расположены ногтевидные насечки, по тулову — группы неровных верти-

Рис. 3. Могильник Прохоровка 1, курган Б, погребение 3. Подвеска из мохового агата в золотой оправе.

кальных врезных линий. Подобные формы рассматривают обычно как образцы местного керамического производства.

Здесь же был найден круговой сосуд красновато-оранжевого цвета. Он имел усеченно-биконическое тулово. От венчика до нижней части плечиков располагались две симметрично расположенные ручки таврового сечения. На плечиках — штампованный орнамент, состоящий из двух опоясывающих точечных полос, ниже которых равномерно расположены «свисающие» подтреугольные фестоны, выполненные зубчатым штампом в виде окружности из точек. По краям ручек проходят полосы из аналогичных штампованных окружностей. Сосуд имел следы древнего ремонта. Часть венчика была отколота в древности и прикреплена с помощью бронзовой проволоки, продетой через специально просверленные отверстия. Сосуд не имеет близких аналогий в приуральских мате-

риалах. Он явно импортного, вероятно, закавказского происхождения.

Еще более разнообразный и богатый инвентарь был обнаружен в могильной яме **погребения 3**, которое располагалось под восточной половиной насыпи «городища». По форме в плане входная яма этой могилы приближалась к широкому неправильному овалу с totalными размерами 320 × 140 см. Длинной осью она была ориентирована меридионально с небольшим отклонением. Восточная стенка ямы имела два уступа-заплечика, которые проходили по всей ее длине. Оба заплечика были сделаны, вероятно, для того, чтобы облегчить процесс спуска в яму и подъема из нее в ходе совершения погребального обряда. Дно ямы располагалось на уровне 240 см от поверхности погребенной почвы. В 65 см от восточной стенки входной ямы фиксировалась канавка шириной 40 см, пробитая параллельно стенке в каменистом дне. Канавка

имела рваные края и неровное выщербленное дно. Подбойная ниша располагалась в западной стенке входной ямы. По форме в плане ниша приближалась к вытянутой трапеции со скругленными углами, с totalными размерами 330 × 110 (в средней части) × 105 (у южной стенки) × 80 см (у северной). Глубина дна ниши — 278 см от поверхности погребенной почвы. Длинная ось ниши проходила параллельно длинной оси входной ямы. В северной стенке ниши была оставлена ступенька шириной 28 см и высотой 25 см от уровня дна подбойной ниши.

На дне подбойной ниши был расчищен скелет, который принадлежал молодой женщине. Погребенная лежала на спине, головой на юг, лицом на запад, в «атакующей позе» (правая нога была вытянута, а левая — согнута в колене под прямым углом). Левая рука была вытянута и несколько отставлена в сторону, правая — согнута в локте под прямым углом.

Рис. 4. Могильник Прохоровка 1, курган Б, погребение 3. Золотые накладки на венчике деревянной чаши.

Рис. 5. Могильник Прохоровка 1, курган Б, погребение 3. Золотая серьга.

Рис. 6. Могильник Прохоровка 1, курган Б, погребение 3. Золотые полусферы.

В южной части входной ямы, у входа в подбойную нишу, *in situ* лежали два обломка железного наконечника копья — втулка с железным кольцом и листовидное перо (рис. 2). Судя по расстоянию между ними (20 см), копье было преднамеренно сломано в ходе погребального обряда и брошено в предвходовой части подбоя. Вероятно, сломанное копье символизировало смерть его хозяйки. Обычай ломать бронзовые зеркала и помещать осколки от них в могилу со временем становится весьма распространенным в погребальном ритуале сарматов.

Между черепом и стенкой подбойной ниши были найдены четыре фигурные прорезные накладки на венчик деревянной чаши, сделанные из тонких золотых листочков (рис. 4). Внешняя сторона пластин имеет неровные зубчатые вырезы по краям. На плоскости пластин в определенной последовательности прорезаны фигурные отверстия. Верхний край обкладок изогнут в профиль петлевидно и завершается изнутри зуб-

чатым краем с пробитыми в зубцах отверстиями от гвоздей крепления к чаше. Похожие накладки происходят из знаменитого Филипповского могильника, но на них, в отличие от прохоровских, орнамент составляет композиции, выполненные в традициях звериного стиля (Кузеев и др., с. 24). Поблизости от накладок были рассыпаны многочисленные фигурные и дисковидные шайбочки и миниатюрные золотые гвоздики, которые служили для прикрепления накладок к корпусу чаши, дуговидная золотая пластинка с четырьмя отверстиями и маленькими гвоздиками, лента из золотой фольги в виде ломаной линии, аналогичная той, что была найдена в детском захоронении.

Золотые полусферы и сферы, уже знакомые нам по предыдущему погребению (более 500 шт.), лежали в области накладок и, очевидно, первоначально находились внутри чаши; диаметр полусфер колебался от 6 до 8 мм (рис. 6). Некоторые полусферы имели парные диаметрально расположенные отверстия для скрепления

двух полусфер, другие — не имели отверстий и скреплялись между собой методом обжимки краев. Сохранилось несколько предметов, сделанных из предварительно скрепленных полусфер меньшего диаметра, которые были вставлены в полость более крупных сфер по принципу матрешки — до четырех скрепленных сфер во внешней сфере, не имевшей отверстий для скрепления. Назначение этих предметов пока остается неясным, точных аналогий в приуральских древностях они не имеют.

Между правой ключицей и черепом, лицевой поверхностью вниз лежала подвеска округло-линзовидной формы, сделанная из крупного отшлифованного мохового агата, оправленного в золотую фольгу (рис. 3). Лицевая сторона обкладки имеет неровные подтреугольные прорезы по окружности, с различно направленными вершинами. По краю обкладки расположена неправильная окружность с разрывами из напаянной зерни, в центре — три треугольные фигуры, также сформированные из

Рис. 7. Могильник Прохоровка 1, курган Б, погребение 3. Бусы.

напаянной зерни. Вверху на лицевой стороне — небольшая цилиндрическая, горизонтально расположенная петелька для подвешивания.

У правого плеча погребенной лежало большое бронзовое дисковидное зеркало с длинной штыревидной ручкой. Ручка-штырь была вставлена в деревянную палку. Зеркало было обернуто в холщовую ткань тонкого плетения и находилось в футляре, сделанном из меха. Возле локтя правой руки лежало пряслице усеченно-биконической формы, выточенное из белого мелообразного известняка.

Под нижней челюстью была найдена золотая серьга (рис. 5). Она имеет основу в форме полумесяца шириной 13 мм с шестью петельками в нижней части. Края полумесяца украшены с лицевой стороны зернью. В петельки продеты цепочки с плоскими каплевидными, с шариками на концах, привесками. В верхней части основы серьги расположена цилиндрическая петелька для подвешивания, которая, однако, не использовалась по назначению: дужка полу-

месяца была продета в золотое проволочное кольцо, скрученное в полтора — два оборота. Такое кольцо — характерная форма украшения сарматских женщин. Создается впечатление о том, что неполная часть импортной золотой серьги с подвесками была скомбинирована с традиционной для сарматов спиралевидной сережкой. Детали ювелирных украшений в виде лунниц и каплевидных привесок с шариками также известны по материалам уже упомянутого Филипповского могильника (Кузеев и др., с. 14, 29).

Вокруг запястий погребенной располагались многочисленные бусы, которыми были расшиты края рукавов рубахи или платья — янтарные, стеклянные, агатовые, сердоликовые, известняковые, египетского фаянса (рис. 7). Вблизи правой кисти было найдено известняковое пряслице усеченно-биконической формы.

У правого колена женщины был уложен колчан, наполненный стрелами. От них сохранились железные наконечники, которые лежали в пять

слоев (не менее 110 шт.). Все они черешковые. Различаются трехгранные с башневидной формой головки наконечники с длинными (не менее 45 мм) и более короткими черешками. Обычно такие железные наконечники датируют в пределах III в. до н. э. Вместе с ними находился один бронзовый наконечник стрелы. Он трехлопастной, с опущенными концами перьев и выступающей втулкой, который может быть датирован несколько более ранним временем. На поверхности наконечников прослеживались следы деревянного тлена, возможно, остатки колчана.

Выше наконечников располагался железный колчаный крюк, обтянутый золотой фольгой. Он выполнен в виде фигуры фантастического животного с подогнутыми ногами; задние лапы (с пальцами?) положены на передние, моделированы ребра, лопатка, хвост и грива. Голова животного наклонена к груди, рог (крючок) выставлен вперед и изогнут на конце (продолжая длинную ось тела животного).

Рис. 8. Могильник Прохоровка 1, курган Б, погребение 3. Серебряная чаша с позолотой, диаметр по краю 15,5 см.

Ниже колчана стояла серебряная чаша с полусферическим туловом и широким отогнутым венчиком, украшенная гравированным орнаментом, плакированным золотом. Горло покрыто гравированным орнаментом в виде вьющейся виноградной лозы, по плечикам — поясок гравированной двужильной «плетенки». На слегка уплощенном дне гравирован медальон из трех concentрических окружностей (рис. 8). Такая находка впервые была сделана в археологическом контексте. Подобные чаши появляются на Востоке в ахеменидское вре-

мя (V в. до н. э.) и позже распространяются на территории Пелопонесского полуострова и Северных Балкан. Экземпляры, наиболее близкие к прохоровскому, датируются монетными находками рубежом IV, IV—III или даже в пределах III в. до н. э. (Филов, 1934, табл. XI, 2, с. 173, 174; Strong, 1966, p. 99, 100, fig. 23a, b).

Над правым голеностопным суставом располагался туалетный сосуд, сделанный из мраморного оникса. Сосуд узкогорлый с сужающейся шейкой и отогнутым венчиком. Тулово имеет расширение в нижней

трети и сужается ко дну. В верхней трети имеются симметрично расположенные вертикальные ручки-ушки без отверстий. Происхождение сосудов подобных форм, сделанных из аналогичного материала, связывают обычно с территорией древней Сирии и Египта.

Между голенями погребенной найден фрагмент костяного предмета, вероятно, остатки рукояти плети. В средней части имеется шесть врезных поясков по окружности предмета, поверх них нанесена врезная ломаная линия. В верхней части име-

Рис. 9. Могильник Покровка 2, курган 3, погребение 2. Бронзовое зеркало, размеры 23,3 × 21,1 см.

ется выделенное уступом сломанное навершие.

В ногах погребенной, вплотную к северной ступеньке подбойной ниши, был установлен большой круговой сероглиняный сосуд с усеченно-биконическим туловом и покатыми плечиками, выделенным поддоном, узкой шейкой и отогнутым венчиком. Под венчиком и до середины плечика прикреплена ручка овального сечения. Высота сосуда — около 31,4 см, максимальный диаметр тулова — около 25,2 см. Аналогичные сосуды известны по материалам

Предкавказья, где подобные формы датируются в пределах конца IV—III в. до н. э.

На поверхности северной ступеньки подбойной ниши располагались блюдо, выточенное из рога лося, и кости барана, лежавшие в анатомическом сочленении. Блюда из рога лося встречаются в памятниках савроматской эпохи Южного Приуралья и времени, переходного к сарматской эпохе.

На поверхности блюда лежала тазовая кость барана в сочленении с костями задней ноги и ребра барана

в анатомическом порядке. Здесь же находилась нижняя челюсть барана. В восточной части ступеньки был расчищен череп барана (без нижней челюсти) и кости его передней ноги в сочленении с ребрами. Среди костей барана был найден железный однолезвийный нож.

Под костями скелета, на каменистом дне подбойной ниши фиксировался тонкий слой коры, под которым удалось зафиксировать следы деревянных носилок, сделанных из жердей. По конструкции носилки напоминают лестницу длиной около

Рис. 10. Могильник Покровка 2, курган 3, погребение 2. Золотые подвески.

195 см и шириной 70 см. Поперечные плашки располагались параллельно друг к другу, приблизительно через 20 см.

Оба погребения из «городища» — женское и детское синхронизируются набором бус и золотыми полусферами и могут быть предварительно датированы в пределах конца IV—начала III в. до н. э.

Особенность набора инвентаря, сопровождавшего женщину из погребения 3, состоит в том, что он сочетает в себе предметы, типичные именно для женских захоронений (серьга, агатовая подвеска, бусы, пряслица, туалетный сосуд) с предметами вооружения — копье и колчан со стрелами. Такое сочетание сразу вызывает ассоциации с упомянутыми в древних письменных источниках мифическими женщинами-воительницами, амазонками. Однако речь там идет о более раннем времени — VI или даже VII в. до н. э., и о других

территориях — Приазовье и Предкавказье (Мирошина, 1995). Что же касается степей Южного Приуралья, то мы не располагаем древними описаниями кочевников этого региона и их обычаев. Все же находки женских захоронений в сопровождении предметов вооружения редко, но встречаются в степях Приуралья, но более всего характерны они именно не для савроматского, а для раннесарматского времени.

Похоже на то, что в предшествующую сарматской, савроматскую эпоху, женщины-кочевницы исполняли, в первую очередь, обязанности, связанные с отправлением культов. Одно из погребений, которое иллюстрирует это предположение, было исследовано нами на юге Оренбургской области, на территории Соль-Илецкого района, близ с. Покровка (**погребение 2**). Здесь под насыпью кургана, датированного концом VI—началом V в. до н. э., было обнаруже-

но два погребения. Центральное захоронение, мужское, было полностью разграблено еще в древности, но располагавшееся рядом с ним женское оказалось непо потревоженным.

В северо-западном углу широкой прямоугольной могильной ямы, частично в площади неглубокой ниши, был найден комплекс погребального инвентаря, который обычно определяют как жреческий. Прежде всего, каменный алтарь-жертвенник. В ходе погребального обряда от алтаря был намеренно отбит и отброшен в сторону кусочек, который был найден под левой бедренной костью. Рядом с алтарем лежало бронзовое зеркало (*рис. 9*). Тыльная его сторона покрыта богатым геометрическим орнаментом. Под зеркалом найдены две раковины грифеи и чашечка овальной формы с размерами, сделанная из эпифизарной части кости крупного домашнего животного. Поблизости были сделаны следующие на-

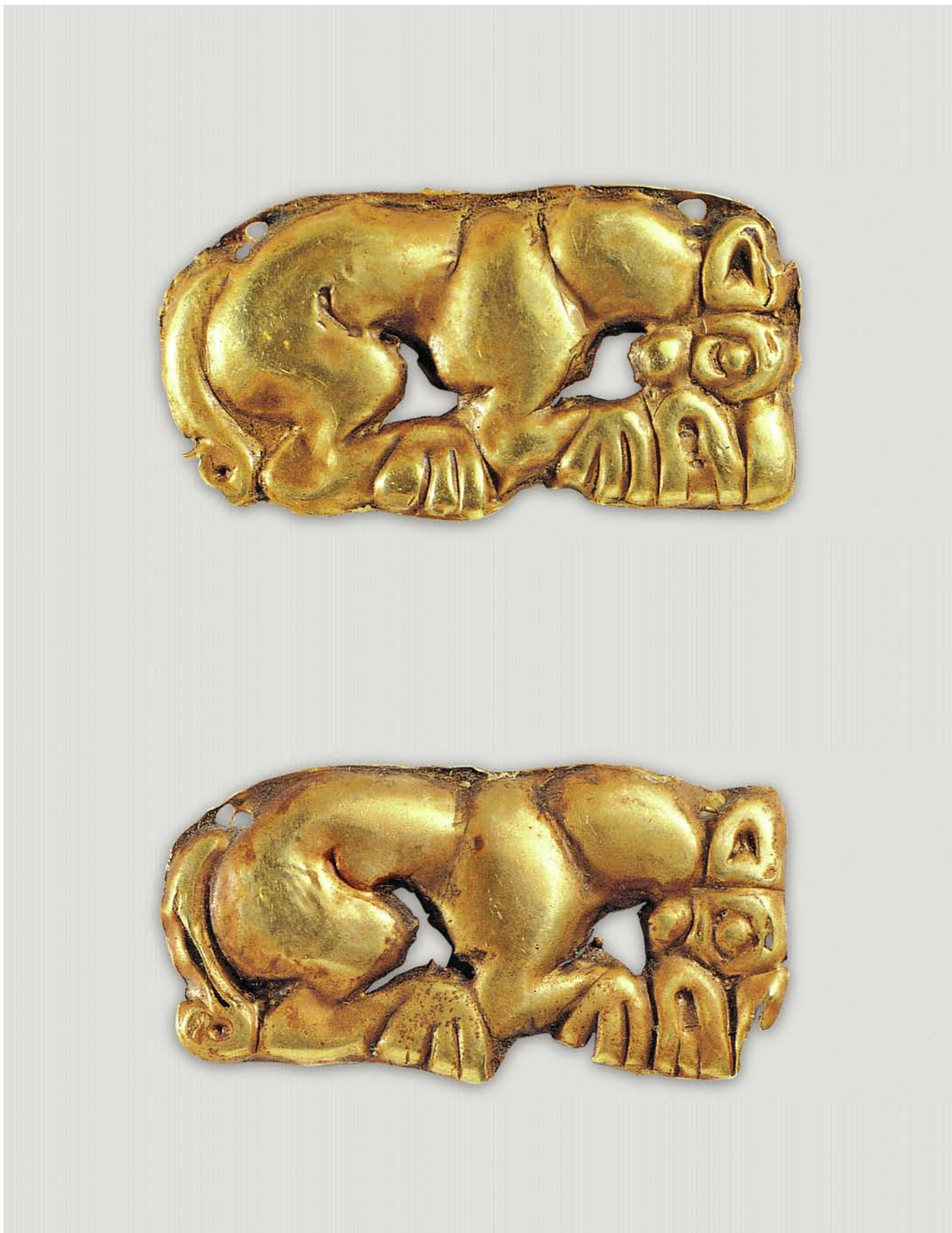

Рис. 11. Могильник Покровка 2, курган 3, погребение 2. Золотые нашивки.

ходки: еще одна раковина, аналогичная предыдущим, костяной амулет, фрагмент деревянного блюда и крупинки красного аурипигмента (реальгара).

Остальные находки были сделаны непосредственно вблизи скелета. В районе костей нижних конечностей была зафиксирована россыпь мелко-го стеклянного дисковидного по форме бисера голубого, белого и зеленого цвета — более 300 шт., которым был, очевидно, расшит подол платья.

У кисти правой руки стоял миниатюрный круглодонный лепной сосуд — курильница или туалетный сосудик. У левого плеча были найдены меловые бипирамидальные пронизки, под черепом и в районе шейных позвонков бусы — сердоликовая, синяя стеклянная с белым накладным орнаментом, цилиндрические белые стеклянные бородавчатые, бирюзовые бипирамидальные, пиритовая прямоугольная в сечении, мелкие кольцевидные и биконические бусы, сделанные из золотой фольги. Под нижней челюстью и частично на ней лежали в ряд три золотые накладки, которыми был украшен, очевидно, головной убор погребенной. Все они выполнены из золотой фольги с помощью штампа и передают стилизованное изображение лежащего хищника кошачьей породы (рис. 11). Две накладки целые, а одна — представлена тремя не стыкующимися обломками. Каждый фрагмент имеет отверстия для пришивания, из чего можно сделать вывод о том, что они пришивались именно в уже фрагментиро-

ванном состоянии. Изображения почти, но не абсолютно идентичные. Одна из целых нашивок выполнена из золота светло-желтого цвета, другая — из червоного. Вблизи височных костей черепа была найдена пара золотых подвесок в виде усеченных конусов, к верхней (узкой) части которых были припаяны плоские кольца с прорезями для подвешивания на головную ленту (рис. 10). На лобной кости черепа лежала золотая пронизка, сделанная из свернутой в трубочку фольги. Под левой бедренной костью был расчищен след от железного ножа.

Безусловно, и Покровское, и Прохоровское погребения принадлежали представительницам высших слоев кочевых обществ. Но их социальные функции были различными. Не исключено, что эти и подобные им захоронения отражают те изменения, которые происходили в кочевых обществах Южного Приуралья в эпоху формирования раннесарматской культуры. Судя по археологическим данным, полученным, в том числе, из могильников, исследованных у с. Покровка, на поздних этапах развития этой культуры (конец III — II в. до н. э.) в сарматском обществе происходят новые социальные сдвиги: постепенно исчезают подчеркнутые богатые погребения, происходит определенная нивелировка погребального обряда, а сопровождающий инвентарь становится более однородным по составу и более строго разделенным по признаку пола. Предметы вооружения становятся характерны-

ми именно для мужских захоронений, а украшения и предметы труда и быта — для женских.

Ни для кого не секрет, что древние курганные могильники подвергаются разрушению в результате деятельности грабителей и интенсификации хозяйственной деятельности. В последние годы оба процесса постоянно усиливались, что приводило к необратимым потерям. Новейшие археологические раскопки памятников раннего железного века Южного Приуралья позволили, во-первых, получить ценнейшие сведения об этно-социальной структуре сарматского общества на разных исторических стадиях его развития и детализировать уже имеющиеся данные. Во-вторых, они дали возможность сохранить для нас и грядущих поколений уникальные и богатейшие коллекции археологических материалов, которыми мог бы гордиться музей любого государства и любого уровня. В-третьих, накопленные материалы после их музеефикации и популяризации будут способствовать углублению истинно исторических, а не фальсифицированных знаний об этногенезе населения региона, который с древнейших времен являлся областью культурных и антропологических диффузий. Выявление и объяснение огромной исторической роли межкультурных контактов приобретает особое значение в условиях многонациональной и многоэтнической структуры нашей страны и населения ее Волго-Уральского региона, в частности.

БИБЛИОГРАФИЯ

Кузеев Р. Г., Пиотровский М. Б., Шкурко А. И. (отв. редакторы), 2003. Золотые олени Евразии. СПб.
Мирошина Т. В., 1995. Амазонки и савроматы // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М.
Филов Б., 1934. Надгробные могилы при Дуванли. София.
Яблонский Л. Т., 2004. Прохоровская эпопея: момент истины // Від Кіммерії до Сарматії Отв. ред. С. А. Скорый. Київ.

Яблонский Л. Т., Мещеряков Д. В., Вальчак С. Б., Тришина И. В., 2004. Раскопки эпонимного могильника раннесарматской культуры у с. Прохоровка // АО 2003 г.
Davis-Kimball J., Yablonsky L. T., 1995/1996. Excavations of Kurgans in the Southern Orenburg District, Russia // Silk Road Art and Archaeology. Tokio. Vol. 4.
Strong D. E., 1966. Greek and Roman Gold and Silver Plate. L.

Дьяковское городище Настасьино в Подмосковье

Раскопки дьяковского городища Настасьино в Коломенском р-не Московской обл. — одно из последних масштабных исследований памятников раннего железного века в Европейской России. Комплексное изучение памятника с хорошей стратиграфией на большой площади позволило сделать интереснейшие выводы о жизни и хозяйстве населения дьяковской культуры.

История изучения этой культуры насчитывает более 100 лет, с момента начала исследований эпонимного памятника — Дьякова городища. За это время в Волго-Окском междуречье, на верхней Волге и средней Оке открыты сотни дьяковских памятников, но раскопками до сих пор было вскрыто всего нескольких десятков городищ и селищ.

Большая часть материалов, позволяющих судить о населении Волго-Окского междуречья в раннем железном веке, была получена во время масштабных археологических исследований, проводившихся в 1950—1960-е годы в связи с гидротехническим строительством (Можайского и Рузского гидроузлов). Раскопки Троицкого, Щербинского и Кубринского городищ, проведенные на больших площадях, позволили получить представление о системе застройки жи-

лой площадки на разных этапах ее существования, расположении производственных комплексов, проследить изменения в характере материальной культуры древнего населения. Представительная вещевая коллекция из раскопок Троицкого и Щербинского городищ послужила основой для выделения наиболее характерных типов керамического и вещевого инвентаря. Итогом исследований городищ дьякова типа стала публикация материалов раскопок (Древнее поселение в Подмосковье, 1970; Дьяковская культура, 1974), которая во многом определила современный уровень знаний о дьяковской культуре.

Работы тех лет проводились на высоком для своего времени уровне, однако многие вопросы, на которые исследователи ищут ответы сегодня, даже не поднимались — состояние науки не позволяло их решить. Более высокий методический уровень характерен для исследований Н. А. Кренке на Дьяковом городище — тогда впервые были масштабно применены естественнонаучные методы. Однако из-за небольшой площади исследований многие проблемы остались не до конца решенными. По-прежнему остро стоят вопросы о дальнейшей судьбе дьяковских племен, их

этнической принадлежности, горячие споры вызывает периодизация культуры.

В связи с этим материалы раскопок дьяковских горизонтов городища Настасьино приобретают особую значимость. Впервые памятник выявил М. В. Талицкий в 1936 г. (Талицкий, 1936), затем археологи неоднократно посещали его с целью паспортизации, но только в 1999—2000 гг., в связи с планируемым строительством автотрассы¹, проведены археологические раскопки, которыми исследована вся попадавшая в зону строительства территория памятника общей площадью 3634 м². Важно отметить, что часть вскрытой площади пришлось на периферию городища, которая крайне редко подвергается специальному изучению. За два года исследований была вскрыта половина городища дьяковского времени и вся его фортификационная система. Для получения наиболее полной информации о памятнике специалисты привлекли весь возможный арсенал естественнонаучных методов — палинологических, археозоологических, карпологических, почвоведческих, геохимических; проводились металлографический и спектральный анализ бронзы и стекла, радиоуглеродное датирование. В целях макси-

Рис. 1. Вид на городище Настасьино на р. Северке, раскопки 2000 г.

мального сбора материала весь культурный слой не только перебирался вручную, но и тщательно просеивался. Это позволило получить достоверное представление о жизни населения дьяковской культуры в раннем железном веке.

Памятник многослойный. Верхние слои датируются XIII–XV вв., когда на площадке дьяковского городища существовала средневековая однодворная усадьба (Средневековое поселение Настасьино, 2004). Материалы раннего железного века содержатся в нижнем слое, мощность которого колеблется от 1 до 0,5 м.

Городище Настасьино расположено на террасе левого берега р. Северка, правого притока р. Москвы, на естественном возвышении миндалевидной формы (рис. 1). Подобное

расположение типично для дьяковских городищ. Общая площадь городища составляет около 5000 м². Перепад высот площадки достигает 5 м, угол наклона — около 15 градусов.

Мыс, на котором располагалось городище, с запада и востока ограничивали балка и овраг, где, по данным ландшафтных и картографических исследований, еще в XVI веке протекал ручей. Это была естественная линия защиты поселения. Следует отметить, что дьяковцы максимально использовали имеющиеся ландшафтные условия: естественные склоны мыса для придания им большей крутизны были эскарпированы по всему периметру. Помимо этого вокруг городища была создана целая фортификационная система. Она была практически полностью исследо-

вана археологическими работами, что до этого на подобных памятниках никогда не производилось. Таким образом, раскопки сплошными площадями позволили во всей полноте воссоздать картину развития фортификации на городище дьякова типа.

До наших дней сохранились ее остатки в виде кольцевой насыпи вала и двух рвов — малого (внешнего) и большого (внутреннего) (рис. 2). На северо-западном участке линия рвов и вала разрывалась узким проходом на городище. Внешнюю линию оборонительных укреплений создавал малый ров, протяженностью более 80 м. Его глубина в древности была не более 1 м, а форма в общих чертах повторяла форму большого рва, расположенного в 7–10 м к югу от него.

Рис. 2. Городище Настасьино. Вид на жилую площадь (1), вал (2) и ров (3) с проходом (4) на городище, раскопки 2000 г.

Большой ров и вал защищали жилую площадку с напольной, наиболее уязвимой, за неимением естественных преград, стороны. Вместе они составляли единую систему. Большой ров, глубиной до 3,5 м и шириной в верхней части 6,5–7 м, был врезан в желтый покровный лессовидный суглинок. В разрезе он имел V-образный, ярко выраженный асимметричный профиль. Подобный прием при строительстве оборонительных рвов известен еще с поздней бронзы и был широко распространен в железном веке.

Насыпь вала сохранилась плохо. Она оплыла и была растащена многолетней распашкой, из-за чего не отражала своих древних размеров. Вероятно, первоначально ее высота составляла не менее 2 м. Скорее все-

го, эта насыпь была заключена между двумя линиями деревянной оборонительной стены, о чем свидетельствуют остатки опорных колов несохранившейся конструкции. Насыпь вала, огороженная с двух сторон стенами, известна и по материалам других памятников раннего железного века (например, Дьякова городища, работы Н. А. Кренке).

Одним из важных и, несомненно, интереснейших компонентов оборонительной системы является для исследователей конструкция прохода на жилую площадку поселения. Ширина перемычки через большой ров составляла около 2 м. Судя по всему, въезд на городище представлял собой коридор с реконструируемой длиной прохода около 10 м. Сама конструкция коридора могла быть выполнена

как в виде стены из досок, так и в виде тына.

С двух сторон от прохода, со стороны площадки городища, выявлены два темных квадратных пятна размерами около 2 × 2 м. Возможно, это остатки специальных конструкций (предположительно дозорных башен), являвшихся составной частью развитой оборонительной системы городища. Их расположение давало возможность хорошего обзора всей напольной территории. Сооружения, вероятно, неоднократно горели.

Создание такой сложной и продуманной системы обороны было жизненной необходимостью для обитателей городища, о чем красноречиво свидетельствуют многочисленные наконечники костяных и железных стрел, найденные как на прилегаю-

Рис. 3. Городище Настасьино. Костяные наконечники стрел и гарпун, раскопки 1999–2000 гг. Высота 3,9–11 см.

шем к проходу, так и на сопредельных участках вала и жилой площадки городища. Некоторые постройки погибли в огне пожара. Очевидно, городище неоднократно подвергалось нападению и прекратило свое существование в результате одного из них.

Непосредственно на площадке городища открыты остатки 12 жилых построек прямоугольной формы, относящихся к разным этапам существования. Каких-либо специализированных хозяйственных или производственных сооружений на городище не обнаружено. Жилые постройки неоднократно подновлялись, в результате менялся уровень пола, очагов, ремонтировались и подправлялись стены жилищ. Анализ стратиграфии и планиграфии построек, вещевого и керамического комплексов, а также радиоуглеродное датирование образцов, взятых из остатков стен построек, позволили выявить на городище три одновременных участка застройки (Энговатова, 2004).

Сохранность напластований дьяковского времени позволила проследить детали жилых построек. Полы в них часто представляли собой искусственно выровненные площадки. Очаги выявлены в восьми постройках: в пяти случаях в центральной части жилища, в трех — на расстоянии 30–50 см от одной из стен. В трех постройках зафиксирована глинобитная обмазка ближайшей к очагу стены. Все обнаруженные очаги — открытого типа, по форме близки четырехугольным.

Многокамерные постройки (как правило, состоящие из 5 помещений) представляют собой классические «длинные дома», уже не раз описанные в литературе (Смирнов, 1969; 1974). Стандартную ширину построек — 4,5–4,6 м; есть и более узкие, но не менее 3,6 м. Стандартную длину сооружений вычислить сложнее: некоторые дома попали в раскопы лишь частично. Судя по полностью исследованным постройкам, их дли-

на была 17–14 м, изредка — до 9 м.

Внутренняя планировка построек «типовая»: два помещения (камеры), площадью около 20–24 м², располагались между меньшими по размеру помещениями, а общая площадь всего дома составляла в среднем 60–70 м². В каждой так называемой большой комнате найден очаг, — по видимому, именно эти помещения использовались как жилые. Небольшие краевые помещения, куда попадали из «больших комнат», были «холодными». Вероятно, они предназначались для всевозможных хозяйственных целей (хранилища запасов, загоны для скота и т. д.).

Длинные дома дьяковской культуры исследователи традиционно реконструируют как срубные конструкции (Смирнов, 1974). Внимательное изучение построек на городище позволяет предположить использование в строительстве других конструктивных приемов. Столбовые ямы, зафиксированные вдоль краев канавок,

Рис. 4. Городище Настасьино. Роговый диск с орнаментом, раскопки 1999–2000 гг. Диаметр 10,2 см.

являются следами опорных столбов, составлявших основу стены. Кровля опиралась на эти столбы и была, скорее всего, двускатной, о чем свидетельствуют столбовые ямы, зафиксированные по продольной центральной оси построек. Смещение линии кровельных опор в некоторых постройках, возможно, предполагает использование здесь кровли со смещенным коньком. Ямки в канавке фундамента говорят о сооружении стен из двойного плетня, внутреннее пространство которого могли забутовывать почвой, дерном, сеном. Подобные конструкции стен и жилищ известны по этнографическим данным; они не могли быть долговечными и в течение своего существования неоднократно ремонтировались.

В процессе раскопок несколько раз было отмечено еще одно интерес-

ное обстоятельство: местами ров городища срезал части домов, что свидетельствует о кардинальном изменении планировки во время возведения фортификаций, что, возможно, связано с переходом поселения селищного типа в разряд городища. Параллели этому известны: многие дьяковские городища изначально не имели крупномасштабных укреплений. Факт перекрывания культурного слоя насыпью вала зафиксировал еще В. И. Сизов на Дьяковском городище, Ю. А. Краснов отметил такую же ситуацию на Успенском городище (Сизов, 1897; Краснов, 1964).

Одним из интереснейших, но малоизученных аспектов дьяковской культуры является погребальный обряд. До настоящего времени было известно всего два памятника, содержащих остатки погребальных комп-

лексов, — городище у Саввино-Сторожевского монастыря и Березняки (Третьяков, 1941). Тем важнее погребения дьяковского времени, найденные на городище Настасьино.

В общих чертах, погребения дьяковской культуры представляют собой захоронения по обряду трупосожжения на стороне с помещением урн в так называемый домик мертвых. Погребения, выявленные на городище Настасьино, имели вид скопления кальцинированных костей (зубов, фрагментов черепа и длинных костей), помещенные, судя по всему, в небольшие (диаметром ок. 10 см), круглые емкости (сосуды?) из органических материалов (дерева, бересты, кожи?). Нескольким неожиданным оказалось их местоположение — при входе в жилое помещение, рядом с очагом. По данным стратиграфии,

эти помещения датируются последней четвертью I тыс. до н. э. — рубежом эр.

В дореволюционной литературе дьяковские городища называли костеносными. Действительно, основными находками на них являются костяные предметы, среди которых особенно многочисленны орудия и оружие. Коллекция вещевых находок, собранная на городище Настасьино, не стала исключением. Только костяных наконечников стрел найдено более 80 (рис. 3). Интересно, что в целом ряде случаев их формы до мелких деталей повторяют металлические скифские образцы. Еще В. А. Городцов при установлении хронологии Старшего Каширского городища применял метод сравнения местных костяных наконечников стрел с их вероятными скифскими бронзовыми прототипами, хорошо известными к тому времени и точно датированными (Городцов, 1933).

Другой массовой категорией костяного инвентаря являются так называемые проколки. Среди них собственно проколки и заколки — своеобразные детали одежды.

65 экземпляров целых ребер лошадей интерпретируются археологами как струги, применявшиеся для мездрения шкур, о чем говорят результаты трасологического анализа. К орудиям кожевенного производства относятся также небольшие ножи-лощила и их заготовки. Среди других находок костяного оружия и орудий несколько прекрасных заполированных «кинжалов», обломки четко выраженных типологически долот для обработки дерева, кочедыки и своеобразные четырехзубые орудия для плетения (Бадер, 1950), а также несколько обломков гарпунов и острог.

Наряду с массовыми сериями однотипных предметов в коллекции из раскопок Настасьино присутствуют изделия, с полным правом относимые к разряду редких или даже уникальных находок. Это, в первую очередь, костяной орнаментированный диск (рис. 4), найденный в чет-

ких стратиграфических условиях — на полу жилой постройки, недалеко от очага. Изготовленный из основания «лопаты» рога, он еще в древности был расколот на несколько частей, найденных на некотором расстоянии друг от друга. На диске вырезан рисунок — крест с разветвляющимися краями, каждый «отросток» которого заканчивается круглым углублением-точкой. Орнаментированные изделия на дьяковских городищах встречаются нечасто. Примечательно, что на некоторых из них присутствует аналогичный нашему стиль оформления костяных резных изделий — окончание всех вырезанных линий отмечается углублениями-точками (например, костяная пластина из Боршевского городища в верхнем течении р. Москвы; раскопки Х. И. Крис).

Другим, без сомнения, уникальным предметом из кости является изделие, напоминающее рукоятку, — крупная трубка из диафиза плюсневой кости лошади с прочерченной композицией в виде стилизованных лошадей (рис. 5). Фигурки выгравированы на поверхности рукоятки тонким металлическим острием, пояса точек просверлены. В верхней части рукоятки расположены три лошади в профиль и два пояса точек. Еще две лошади изображены головами к центру трубочки, третья — головой к торцу изделия. В нижней части — две фигурки лошадей в профиль, головами к центру трубки. Изображения лошадей предельно лаконичны, но хорошо узнаваемы. Общая дугообразность вытянутых фигур лошадей с длинной узкой мордой и поднятым ухом чрезвычайно близка фигурке лошади с Дьякова городища. Сюжет изображения и материал, выбранный для него, связаны между собой: Х. И. Крис приводит этнографические данные, когда изображение животного наносится на кость животного того же вида (Крис, 1995).

Из железного инвентаря особенно интересны наконечники черешковых стрел. Они не столь многочисленны, как костяные, но представлены раз-

личными типами, в том числе соответствующими типам наконечников из кости. Среди них ланцетовидные наконечники с раздвоенным или сделанным в виде «ласточкин хвоста» («полулунным») черешком. Стрелы с «ласточкиными хвостами» хорошо известны в степных древностях, но в дьяковском мире до сих пор встречались редко. На городище Настасьино получена весьма значительная серия таких форм — 25 железных и 6 костяных экземпляров, — количественно сравнимая с общим числом таких наконечников, обнаруженных ранее. Плоские двушипные железные наконечники стрел были распространены в древностях лесной полосы, и их датируют первыми веками нашей эры.

Среди находок из железа необходимо отметить ножи особого вида — с сильно выраженной кривизной лезвия, что позволило К. А. Смирнову охарактеризовать их как «серповидные» (Смирнов, 1969; 1974). Они бытовали с V в. до н. э. до рубежа эр. Несколько ножей «с горбатой спинкой» из настасьинской коллекции известны с конца I тыс. до н. э. до V в. н. э.

В составе коллекции имеются два топора-кельта балтского типа с ушком. Длина кельтов не превышает 14 см. По мнению К. А. Смирнова, кельты использовались в качестве инструментов для обработки дерева. По находкам аналогичных кельтов на Троицком городище эта категория находок датируется первыми веками нашей эры (Смирнов, 1973).

Коллекция изделий из бронзы представлена, прежде всего, ювелирными украшениями (рис. 6). Их насчитывается около 160, что сопоставимо с коллекциями Троицкого, Щербинского, Барвихинского, Селецкого городищ и других известных памятников дьяковской культуры. Составы коллекций этих памятников мало отличаются друг от друга типологически, во всех присутствуют изделия, характер которых не менялся в течение столетий: разнообразные бляшки, пронизки, умбоновидные подвески, накладки, браслеты.

Рис. 5. Городище Настасьино. Костяная рукоятка с изображением лошади, раскопки 1999–2000 гг. Длина 17 см.

Рис. 6. Городище Настасьино. Бронзовые украшения, раскопки 1999–2000 гг.

Интересно, что дважды украшения из цветного металла были найдены в виде скоплений (11 и 13 предметов). В составе одного из них была богато орнаментированная «ложка», бляшки различных видов, накладка с «хвостиком», пронизка; другое содержало умбовидную подвеску, плоские бляшки и миниатюрные бляшки-«скорлупки».

В литературе принято мнение, что бронзовые украшения и детали костюма появляются на городищах дьяковской культуры с VII–VI вв. до н. э. (материалы Старшего Каширского, Щербинского, Боршевского городищ); на этом этапе они являются предметами скифского импорта или репликами южных образцов ювелирного искусства (Смирнов, 1991). Увеличение количества изделий из ме-

талла, расширение их ассортимента исследователи относят к рубежу нашей эры, связывая это с влиянием Приуралья, где культура металлообработки находилась на очень высоком уровне (Смирнов, 1994).

Планиграфическое исследование находок бронзовых выплесков и литейного брака с жилого участка городища позволило выделить производственные комплексы по обработке цветного металла непосредственно в жилых помещениях. Открытые очаги использовались для домашнего производства ювелирных украшений. Для литья бронзы использовали глиняные льячки, которых в слое городища найдено 7 экземпляров.

Стеклянные изделия из дьяковских слоев городища Настасьино представлены в вещевой коллекции

только бусами. Они немногочисленны, но достаточно показательны. В центральной части площадки найдены две синие глазчатые бусины, популярные в дьяковской культуре и на синхронных Настасьину памятниках являющиеся довольно типичной находкой, хотя и не очень частой. Найденные экземпляры связываются с античным импортом и по многочисленным аналогиям в скифских погребениях имеют четкую дату (IV–III вв. до н. э.) (Алексеева, 1975).

Керамические изделия представлены в Настасьино большой серией характерных для дьяковской культуры предметов. Помимо уже упомянутых льячек это глиняные бусы разных форм и колоколовидные подвески, часто относимые к категории украшений (145 экз.), грузики дьякова

Рис. 7. Городище Настасьино. Глиняные грузики, раскопки 1999–2000 гг.

типа (рис. 7) (88 экз.), миниатюрные сосудики (146 экз.), «рогатые» кирпичи. Кроме того, на городище найдены изделия, интерпретируемые как игрушки: зооморфные орнаментированные фигурки (4 экз.), разнообразные миниатюрные модели. По-видимому, к предметам культового назначения относятся керамические плитки и фрагменты колец(?), орнаментированных точками, так называемые хлебцы и округлые керамические шарики (Смирнов, 1974). Функциональное назначение некоторых предметов до сих пор остается неизвестным.

Типичной для этой культуры раннего железного века является такая категория керамических предметов, как грузики дьякова типа. Для датирования памятника важно, что в На-

стасьино не обнаружено характерных для поздней стадии культуры грузиков с выпуклым основанием; вместе с тем имеются сильно уплощенные экземпляры — ранняя вариация, связанная со второй четвертью — серединой I тыс. до н. э. Часть найденных грузиков орнаментирована точками и полосами (рис. 7).

Основу любой археологической коллекции, привлекаемую для датирования памятников, составляет массовый материал. Городище Настасьино не является исключением в этом отношении. Оно входит в круг дьяковских поселений Оки и нижнего Москворечья и имеет типичную для этого ареала древностей керамическую посуду, представленную серией более чем в 50 тыс. фрагментов только дьяковского времени. Из них пол-

ностью или частично удалось восстановить более 200 форм (рис. 8). При этом доля сосудов с сетчатой поверхностью составляет около 45% всего керамического материала.

Среди приспособлений, использованных гончарами в Настасьино, есть небольшой фрагмент костяного круглого зубчатого штампа для нанесения декора. Подобные находки нечасты. Скорее всего, большая часть орудий для работы по глине производилась из дерева. При этом характерно, что орнаментация на настасьинской посуде встречается достаточно редко. И абсолютно отсутствует на памятнике лепная чернолощенная посуда, обычная для поздней стадии дьяковской культуры (IV–VI вв. н. э.). Наряду с другими последнее обстоятельство позволяет уверенно огра-

ничить верхнюю дату существования городища II в. н. э.

В результате археологических исследований были выявлены важные черты жизни населения городища Настасьино в дьяковскую эпоху. Привлечение данных палеозоологии, карпологии, палинологии и других естественнонаучных методов позволило существенно расширить и уточнить наши представления об их повседневном быте, хозяйственной деятельности и условиях жизни.

Наибольший интерес представляют результаты палеозоологических исследований, проведенных Е. Е. Антипиной и Л. И. Алексеевой. Исследованная коллекция остеологического материала поистине огромна — более 52000 (!) костей и их фрагментов.

Не менее 94% всех костей составляли остатки пяти видов домашних животных, при доминировании свиньи. На втором месте оказалась лошадь. Без сомнения, мясо именно этих видов было основой белкового рациона жителей Настасьино. Крупный и мелкий рогатый скот разделили третью и четвертую позиции. Остатки собаки составляют лишь доли процента.

Для содержания большого поголовья лошадей необходимо было наличие открытых травянистых пространств в виде степных участков или суходольных лугов. Именно такие ландшафты и реконструируются по данным палинологических исследований вокруг городища на период его существования. Свиньи круглогодично содержались прямо на поселении, без свободного выпаса даже в летнее время. Возможно, именно с их содержанием внутри городища связано полное отсутствие хозяйственных ям на памятнике.

Остатки диких животных составляют всего около 3% среди определимых до видового уровня костей. Объектом охоты были лось, медведь, кабан, куница и белка, но доминировали, бесспорно, бобр и лиса. Охотничий промысел, очевидно, играл лишь вспомогательную роль в хозяйстве.

Земледелие, по сравнению с животноводством, было развито значительно меньше. По данным карпологии, основной сельскохозяйственной культурой было просо, которое в том числе шло на прокорм животным.

Малочисленность находок костей рыб заставляет сделать предположение, что рыболовный промысел был далеко не ведущим в хозяйстве.

Еще одной редко реконструируемой чертой жизни дьяковцев является их ритуально-обрядовая деятельность. В Настасьино получены крайне интересные данные об использовании черепов лошади: несколько целых экземпляров было найдено в необычном археологическом контексте — у стен жилищ. На внутренней стороне одного из черепов взрослого жеребца обнаружены следы огня. Возможно, череп служил своеобразным плафоном для светильника с небольшим открытым пламенем. Вероятно, огонь был виден через глазницы, внутренние стенки которых были преднамеренно раздроблены, что не оставляет сомнений в намеренности убоя этого животного.

Одной из важнейших задач, стоявших перед исследователями, являлось выяснение как можно более точной даты этапов жизни на городище Настасьино. По результатам анализа вещевой коллекции установлено, что городище существовало с VI—V вв. до н. э. до рубежа I—II вв. н. э. При этом нижняя граница недостаточно четкая, а верхняя определяется уверенно — она фиксируется в основном по отсутствию материальных признаков, характеризующих поздние этапы дьяковской культуры, в первую очередь лощеной керамики. Эту дату так же подтверждает набор бронзовых украшений и южных импортов римского времени.

Наряду с традиционным типологическим методом был применен метод радиоуглеродного датирования², позволивший существенно уточнить

время существования городища вообще и его построек в частности. Всего радиоуглеродному анализу было подвергнуто 46 образцов, из них 40 — из слоев дьяковского времени. До исследований на городище Настасьино единственным случаем широкого применения радиоуглеродного датирования для памятника дьяковской культуры была серия анализов, взятых с Дьяковского городища Н. А. Кренке (Кренке, Сулержицкий, 1988).

Обращение к естественнонаучным методам, а именно радиоуглеродному датированию, в целом подтвердило данные, полученные традиционными для археологии методами. Так, оказалась полностью оправданной общая датировка памятника VI/V вв. до н. э. — I/II вв. н. э.

Городище Настасьино по площади, мощности культурного слоя, количеству и составу находок является рядовым и небогатым по сравнению с гораздо более значительными поселениями, такими как Боршевское, Троицкое, Дьяково. Однако хорошая сохранность нижних горизонтов и методический уровень проведенных раскопок позволяют говорить об исключительной важности настасьинского материала для установления многих существенных моментов в развитии дьяковской культуры, в том числе традиций домостроительства и планировки поселений. На городище Настасьино зафиксирована уникальная по своей сохранности и четкости планировочная структура. Именно это, вместе с результатами радиоуглеродного датирования, послужило основой для разработки относительной хронологии отдельных жилищ городища. Вещевой комплекс имел в данном случае меньшее значение, в частности из-за слабой проработки хронологической шкалы дьяковских древностей, до сих пор опирающейся на материалы всего нескольких отдельных городищ (Троицкое, Дьяково, Щербинское, Кузнечики).

Рис. 7. Городище Настасьино. Керамические сосуды, раскопки 1999–2000 гг. Высота 11,3; 7,5; 16; 17; 20; 22,5 и 38 см.

¹ К сожалению, многолетняя борьба со строителями по переносу трассы в обход памятника дала только частичный результат — трасса немного была смещена в сторону.

² Анализ проб с городища Настасьино производился в лаборатории Геологического института РАН под руководством

Л. Д. Сулержицкого (Москва) и в лаборатории естественно-научных исследований при Институте истории материальной культуры РАН под руководством Г. И. Зайцевой (Санкт-Петербург).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеева Е. М., 1975.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12.
- Бадер О. Н., 1950.* Древние городища на Верхней Волге // МИА. № 13.
- Городцов В. А., 1933.* Старшее Каширское городище // ИГА-ИМК. Вып. 85.
- Древнее поселение в Подмосковье.* М., 1970.
- Дьяковская культура.* М., 1974.
- Краснов Ю. А., 1964.* Раскопки на Успенском городище в 1961–1962 гг. // КСИА. Вып. 102.
- Кренке Н. А., Сулержицкий Л. Д., 1988.* Радиоуглеродная и археологическая хронология Дьякова городища // КСИА. Вып. 194.
- Крис Х. И., 1995.* Изобразительное творчество обитателей дьяковских городищ // РА. № 4.
- Сизов В. И., 1897.* Дьяково городище близ Москвы // Тр. IX АС. Т. II.
- Смирнов К. А., 1961.* К вопросу о назначении грузиков дьякова типа // СА. № 3.
- Смирнов К. А., 1969.* Дьяковская культура (городища между речья Оки и Волги) // Дис. ... канд. истор. наук. М.
- Смирнов К. А., 1973.* Городище Дьяков Лоб // КСИА. Вып. 133.
- Смирнов К. А., 1974.* Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М.
- Смирнов К. А., 1991.* К вопросу о связях племен городецкой и дьяковской культур с населением степи и лесостепи // СА. № 4.
- Смирнов К. А., 1994.* Проблема периодизации памятников городецкой и дьяковской культур // РА. № 4.
- Средневековое поселение Настасьино* // Труды Подмосковной экспедиции ИА РАН. Т. 2. М., 2004.
- Талицкий, 1936.* Отчет об археологических обследованиях памятников Коломенского района Московской области // Архив ЛОИА. Ф. 2. Д. 274.
- Третьяков П. Н., 1941.* К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н.э. // МИА. № 5.
- Энговатова А. В., 2004.* Хронология городища Настасьино по данным радиоуглеродного анализа // Археология Подмосковья. М.